

МИР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Федеральный научно-теоретический журнал
Выходит 1 раз в месяц

№ 6 июнь 2010

**Учредитель и издатель –
Общество с ограниченной ответственностью
«Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр»**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-35901 от 31 марта 2009 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О.К. Биктасов, доктор юридических наук (Республика Казахстан);
С.Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор;
Ф.М. Городинец, доктор юридических наук, профессор;
Э.П. Григонис, доктор юридических наук, профессор;
М.А. Мовсумов, доктор юридических наук (Азербайджанская Республика);
В.И. Рохлин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник Прокуратуры Российской Федерации;
Н.И. Уткин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
В.М. Чибинёв, доктор юридических наук, профессор.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Э.П. Григонис

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

В.М. Чибинёв

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

191187, г. Санкт-Петербург,
ул. Шпалерная, д. 5.
тел. 8 (812) 938 89 96
e-mail: ispec@mail.ru

Подписной индекс каталога «Роспечать» - 64541

В соответствии с решением Президиума Высшей Аттестационной Комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал «Мир юридической науки» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Содержание

Теория государства и права	4
В.Д. Макроменко, Т.М. Полякова. Развитие местного самоуправления – фактор формирования гражданского общества и правового государств.....	4
С.Г. Харьковский. Основные положения отраслевых юридических наук о доказательствах и доказывании.....	12
История государства и права, история политических и правовых учений	25
В.М. Чибинёв, Н.М. Голованов. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в XVII веке.....	25
Л.А. Колоева. Распространение ислама на территории России и его влияние на формирование правовых систем народов Северного Кавказа.....	28
Д.В. Ворновских. Особенности становления и развития государства и права в Золотой Орде, Великом княжестве Литовском и Московском царстве.....	37
А.В. Кудимов, В.П. Каленский. Проекты реформирования государственного управления в России в политико-правовых учениях первой четверти XIX века.....	44
Международное право	51
Э.П. Григонис. Страны Балтии как субъекты международного права: история и современность (окончание, начало в № 5).....	51
Я.А. Бороздина. Международно-правовые стандарты: содержание и классификация.....	63
Э.Т. Бекоева. Основания легитимности независимости Республики Южная Осетия.....	67
Организация правоохранительной деятельности	71
А.Ю. Пиджаков, С.В. Каретникова. Проблемы правоохранительной деятельности таможенных органов Северо-Запада России по противодействию незаконному обороту наркотиков.....	77
И.М. Леженникова. К вопросу о включении нотариуса в систему ювенальной юстиции..	80
О.Н. Панюкова. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму.....	80
Об авторах	85
Информация для авторов	89

Contents

Theory of State and Law	4
V. Makromenko, T. Polyakova. Local Self-Government Development – Factor of Formation of Civil Society and Rule-of-Law State.....	4
S. Kharkovskiy. Substantive Provisions of Jurisprudence Branch about Evidences.....	12
History of State and Law, History of Political and Law Studies	25
V. Chibinev, N. Golovanov. Relations of the State and the Russian Orthodox Church in the XVII- th Century.....	25
L. Koloeva. Islam Distribution on Territories of Russia and its Influence on Formation of Law Systems of the People of the North Caucasus.....	28
D. Vornovskikh. Features of Formation and Development of State and Law in the Golden Horde, Grand Duchy of Lithuania and the Moscow Kingdom.....	37
A. Kudimov, V. Kalenskiy. Projects of Reforming of Government in Russia in Political-Legal Doctrines of the First Quarter of the XIX-th Century.....	44
International Law	51
E. Grigonis. The Baltic States as Subjects of International Law: History and the Present (The termination, the beginning in № 5).....	51
Y. Borozdina. International Law Standards: Maintenance and Classification.....	63
E. Bekoeva. Bases of Legitimacy of Independence of Republic of South Ossetia.....	67
Organization of Law-Enforcement Activity	71
A. Pidzhakov, S. Karetnikova. Problems of Law-Enforcement Activity of Customs Bodies of the Northwest of Russia on Counteraction to Drug Trafficking.....	71
I. Lezhennikova. To a Question of Inclusion of Notary in System of Juvenile Justice.....	77
O. Panyukova. Legal and Organizational Bases of Activity of Internal Affairs Bodies on Counteraction to Extremism.....	80
About Authors	85
Information for Authors	89

В.Д. Макроменко, Т.М. Полякова

Развитие местного самоуправления – фактор формирования гражданского общества и правового государства

В статье рассмотрены основные направления развития местного самоуправления в России как фактора формирования гражданского общества и правового государства. Авторы формулируют ряд выводов, в частности, о том, что местное самоуправление, обеспечивающее развитие демократии малых пространств, способно создать органическое сочетание власти и свободы, государственного управления и внутренней самоорганизации населения.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, местное самоуправление.

V. Makromenko, T. Polyakova

Local Self-Government Development – Factor of Formation of Civil Society and Rule-of-Law State

The article covers basic directions of development of local self-government in Russia as factor of formation of civil society and –rule-of-law state. Authors formulate a number of conclusions, in particular, that the local self-government which is providing development of democracy of small spaces, is capable to create an organic combination of the power and freedom, the government and internal self-organizing of the population.

Key words: civil society, rule-of-law state, local self-government.

Местное самоуправление, помимо парламента как органа народного представительства, является обязательным элементом правового конституционного государства. Как и институт народного представительства, местное самоуправление связано с либерально-демократическими идеями, а также социалистическими, в зависимости от того, каковы ориентации государства на те или иные основополагающие начала государственного строительства и их духовную направленность

Оценивая местное самоуправление как самостоятельный институт в системе государственного управления и как один из элементов правового государства, следует определить основополагающую идею, начало, содержащееся в его приро-

де и имеющее непреходящее значение для всего института в целом.

Идея местного самоуправления, так же как и народного представительства, имеет столь сложное и многогранное содержание, где развивается гражданское общество, что выбор форм и определение его функций, способа организации, во многом зависит от ориентации государства, соответственно, действующего законодательства. Ценности гражданского общества, такие как, права человека, гуманизм, индивидуализм, либерализм, реализованные на Западе в условиях эпохи Просвещения, легли в основу политико-правовых доктрин о правовом статусе свободной личности, формальном равенстве лиц в европейской традиции и правовой культуре Нового времени. Отношения в гражданском обществе основыв-

вались здесь на принципах солидарности, приватности, приверженности ценностям права, индивидуальной свободы. В современных либерально-демократических государствах признается индивидуальность, свобода личности как социальная ценность, реализуются, чаще, «горизонтальные» связи в сфере «общество-государство» и «сетевой» принцип взаимодействия с другими партнерами.

Однако какими бы идеальными ни казались модели гражданского общества, созданные в контексте западной демократической культуры, гражданское общество как институт влияния на государственную власть и институт контроля над властью, должен обосновываться с учетом социокультурных характеристик национального менталитета и социального характера, политических традиций государства. В странах неиндивидуалистской культуры преобладают модели взаимодействия «общество-государство» по принципам «вертикальных» связей, здесь политическая и социальная сферы четко не разделены. Формы контроля над властью со стороны гражданского общества обусловлены, чаще, общим интересом, нежели интересами частных лиц. Например, в политических традициях, где реализуется марксистский подход к деятельности гражданского общества, имеет место так называемая дихотомизация общества, где социальные отношения рассматриваются как экономические и политические одновременно. Понятия «гражданское общество» и «общество» отождествляются. При этом общество рассматривается как «основа» государства.

Государства – представители социал-демократической традиции настаивают на признании высшей социальной ценностью человека. В то же время в процессе осуществления политики, структурирования интересов государства и интересов гражданского общества приоритеты отдаются коллективам, общине, государству, как главному гаранту «общего интереса». При этом институты гражданского общества и власть, взаимодействуя согласно принятым политическим технологиям, придерживаются норм

и, как правило, сложившихся традиций: государство участвует в обеспечении деятельности институтов гражданского общества. Гражданское общество, в свою очередь, реализует различные формы контроля над властью, с учетом и частных, и общих интересов.

В условиях глобализации появляются новые факторы, которые влияют на процессы формирования гражданского общества во многих странах. Своеобразным проявлением кризиса идентичности в гражданском обществе в Европе стали события во Франции, равно как и их относительно слабые аналоги, проявившиеся в Германии и Бельгии в 2000-е гг. События показали, что степень социальной адаптации внешних элементов (мигрантов), уровень солидарности граждан в отношении, казалось бы, непоколебимых общественных ориентиров, весьма далеки от идеала даже в стране, которая сознательно на протяжении многих лет инвестировала в эти направления своего развития, т.к. миграция в значительной степени не трудовая, а иждивенческо-гуманитарная, которая и сформировала во Франции тот огромный пояс безработных, социально дезориентированных предместий.

Современная внутренняя политика Российской Федерации связана с повышением эффективности совместной работы – власти и гражданского общества, ориентирует на повышение качества народного представительства и создание дополнительных условий для свободной, справедливой и цивилизованной конкуренции. Особую нишу отношений в сфере гражданского общества на местном уровне начинают занимать партии, лоббирующие интересы определенной социальной базы. Президент Российской Федерации Д. Медведев в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. отметил, что рост гражданского самосознания, развитие институтов гражданского общества возможно только в развитой политической системе. Согласно Конституции Российской Федерации, единственным источником власти в нашей стране явля-

ется народ. На практике экономическая, социальная, внешняя политика разрабатываются в результате сложного взаимодействия самых разных общественных групп. Следование законным интересам и учет мнений всех граждан России, независимо от их национальности, религиозных, политических и иных убеждений – это обязанность демократического государства, эффективность которого связана со способностью эту обязанность выполнить [11].

Государства современного мира в условиях глобализации применяют различные политические стратегии для собственной безопасности, для достижения собственного благополучия, в том числе информационные войны, нередко отступая при этом, несмотря на контроль гражданского общества, от важного принципа гражданского общества – толерантности. Кроме того, «...в глобальной конкурентной борьбе активно используются средства политического, экономического и информационного давления...», укрепление же государственности России «подчас сознательно толкуется как авторитаризм» [10, с. 11].

На самом деле трудности становления гражданского общества в современной России связаны, во многом, с проблемами преодоления в общественном сознании патерналистских установок в политическом менталитете, сложившихся представлений о взаимодействии «государство-общество», а также в связи с распадом социокультурных связей. Корни патерналистской традиции лежат в российской политической культуре. Не следует игнорировать тот факт, что культура гражданского общества не создается искусственно, а «вырастает». Как справедливо замечено «... нельзя построить дерево... Цивилизацией современные народы сближены, культурами различены, и в этом, с одной стороны, возможность взаимопонимания, а с другой – красота разнообразия» [3, с. 16]. Одни и те же понятия, к примеру, «власть», «права человека», «свобода», «справедливость», «интересы», «право», представители разных ментальностей и культур понимают по-

разному. В культуре указанные понятия закрепляются в виде стереотипов и представлений. Если в российской культуре концепт «свобода», чаще, соотносится с волей, то в американской культуре свобода трактуется как право, привилегия, которая должна обеспечиваться государством при соблюдении индивидуальной автономности личности. Идеологически «нагрузка» концепта «freedom» связана с демократическими идеалами, соотносится с концептом «democracy» [6 с. 7].

Если в западной традиции институтами, через которые находит свое выражение освобождение личности, являются права человека, обеспеченные формально юридически, свобода владельца частной собственности, гарантии от произвола государства по отношению к гражданскому обществу, то в российской традиции свобода представлена в общественном сознании в качестве целевой причины, которая предопределяет человеческое бытие ибо «никогда государство не претендует на власть над человеческой душой, оно знает свои границы. Для государства остается непроницаемой глубина человеческого духа» [1 с. 8].

Опыт формирования российского гражданского общества нередко связывают с развитием институтов благотворительности, взаимопомощи, с формированием определенных ценностных стереотипов в контексте политико-правовых доктрин социального, консервативного, «правительственного» либерализмов в условиях Великих реформ во второй половине XIX в. При этом одни исследователи видят основы российского гражданского общества в культуре общинности и соборности [13, с. 287], другие настаивают на том, чтобы учитывать опыт Запада, использовать западные идеи и институты, третьи предлагают обновлять собственный опыт с помощью опыта других стран.

Доктрина социального либерализма, которая рассматривалась как вариант в целях демократизации общества в условиях российских реформ в XIX в., на наш взгляд, близка методологическому подходу Гегеля к проблеме гражданского

общества, который подчеркивал, что гражданское общество содержит в себе три момента: а) опосредование потребности и удовлетворение единичного посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей всех остальных, систему потребностей; в) действительность содержащегося в этом всеобщей свободы, защиты собственности посредством правосудия; с) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенно интересу как к общему с помощью полиции и корпораций» [4, с. 263].

Представители социального либерализма в России ориентировали на сочетание либеральных и социал-демократических ценностей (социальное равенство, социальная защита, социальная справедливость, экономические реформы, установление конституционного народного представительства, формирование правительства, ответственного перед народом, развитие института собственности и др.).

У истоков социального либерализма в России стояли такие ученые как П.И. Новгородцев, С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский, С. И. Гессен и др. В рамках политико-правовой концепции социального либерализма подвергались осмыслению проблемы правового государства и «правового социализма» Прогрессивное развитие частной собственности, по С.А. Муромцеву, было причиной и непосредственным результатом многостороннего движения. Он полагал, что «стремление к личному, частному обладанию стимулировало гражданский оборот. Принцип индивидуализма служил непосредственно этой цели; там, где он оказывался бессилем, – его роль переходила к формализму» [9, с. 574].

В настоящее время по-прежнему актуальны положения еще одной политико-правовой доктрины – консервативного («охранительного») либерализма, которая разработана представителями социологической юриспруденции.

Н.М. Коркунов, например, полагал, что в связи с возрастанием взаимозависимости людей не происходит порабо-

щения индивидуальной самостоятельности, общественное развитие приводит к обеспечению личной свободы, дифференциации общения». Общественная власть, по Н. Коркунову, – носитель прогрессивных идей. Слабость правительства видел в боязливом оберегании существующего status quo. Единство государственное, подчеркивал Н. Коркунов, «выражается в единстве юридического порядка и в единстве экономическом, юридическое отношение предполагает соотношение охраняемых интересов» [7, с. 136-138, 149-150].

Б.Н. Чичерин, признавая необходимость постоянного взаимодействия государства и гражданского общества, обращал внимание на необходимость признания самостоятельности гражданского общества, его материальных и духовных интересов. Он указывал на двоякую форму свободы: частную, состоящую в праве располагать собой и своим имуществом, и общественную, состоящую «в праве участвовать в общих решениях» (для «способных» лиц. Ученые и исследователи в XIX в. пришли к пониманию того, что именно в гражданском обществе предпринимаются попытки установления правовых гарантий гражданской свободы [14, с 167, 196-197, 235].

Доктрина «правительственного» либерализма, ориентированная на активность государства в либерализации общества и политической системы с помощью «реформ сверху» была неоднократно востребована в переходные периоды в России, однако, без поддержки гражданского общества, как правило, реформы сменялись контрреформами.

Если в Европе основную роль в развитии идей гражданского общества сыграли представители «третьего сословия», то есть само развивающееся гражданское общество, то в России «третье сословие» было чрезвычайно слабо. Общественные объединения, создавались при участии государственных институтов – приказов общественного призрения, попечительств. Благотворительность, осуществлявшаяся под опекой государства, способствовала легализации органи-

заций в этой сфере. С учетом социально-экономических и политических преобразований в период царствования Александра II (1855–1881), наряду с реформами в области образования и культуры, отмены крепостного права, развивается городское, земское самоуправление. В этот период создаются общественные объединения, такие как Вольное экономическое общество (1765), Вольное российское собрание (1771), Дружеское ученое общество (1782). Законом от 12 января 1862 г. утверждается порядок, согласно которому «учреждение обществ для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной целью предоставлялось по соглашению с подлежащими ведомствами министру внутренних дел». Университетским уставом студентам и преподавателям было разрешено объединяться в кружки и ассоциации. С разрешения министра народного просвещения учреждались научные общества в области физико-математических, химико-биологических наук. Совместно с органами самоуправления работали педагогические и культурно-просветительские, национально-культурные (украинские, польские, грузинские, еврейские) организации. Согласно Городскому положению 1870 г на городские общественные управления было возложено исполнение функций приказов общественного призрения и благотворительные учреждения были переданы в ведение городского самоуправления. В каждом губернском городе не только на средства местного бюджета, но и на благотворительные пожертвования создавался приказ общественного призрения, имевший выборный состав и ведавший школами, больницами, аптеками, богадельнями, приютами и проч. Главным органом общинного самоуправления выступал мирской сход [5, с. 21-23]

Рассматривая в качестве признаков гражданского общества наличие свободных собственников средств производства и демократической власти, институтов местного самоуправления, мы, тем самым, выявляем вопрос о том, каков механизм взаимодействия структур граж-

данского общества и политической власти.

Следует заметить, что указанный механизм в современной России находится пока в стадии формирования.

В отличие от советской системы отношений в рассматриваемой сфере, в которой муниципальные образования были частью единой системы государственных органов, согласно действующему современному российскому законодательству местное самоуправление – это самостоятельный и равноправный субъект государственно-правовых и гражданско-правовых отношений. В ст. 12 Конституции Российской Федерации определено: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему государственной власти». Следует подчеркнуть, что закрепление принципа местного самоуправления в российском законодательстве в полной мере соответствует требованиям Европейской Хартии местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 г., ETS №122), которая подписана в 1996 г. и ратифицирована Россией в 1998 г. В указанном международно-правовом акте местное самоуправление рассматривается как основа демократии, закрепляются основные принципы организации местной власти, в т.ч. принцип организационной и финансово-экономической самостоятельности; определены гарантии осуществления своей деятельности органами местного самоуправления, требования к статусу местных органов, осуществляющих свои полномочия свободно, указан принцип соразмерности материальных и финансовых средств полномочиям органов местной власти [8].

Действующим законодательством России определено, что граждане Российской Федерации осуществляют местное самоуправление посредством участия в местных референдумах, муниципальных выборах посредством иных форм прямого волеизъявления, а также через выборные и иные органы местного само-

управления. Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] определены структура органов местного самоуправления, полномочия федеральных органов государственной власти в области местного самоуправления (ст. 5) и полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления (ст. 6), права и обязанности по осуществлению ряда государственных полномочий, порядок наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (ст. 19).

Местное самоуправление осуществляется населением для решения вопросов местного значения. Рассматриваемым федеральным законом определено непосредственное обеспечение жизнедеятельности населения муниципального образования (ч. 1 ст. 3.), регламентируется ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления.

Согласно ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации муниципальное образование рассматривается в качестве субъекта гражданских правоотношений, наряду с Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации, гражданами и юридическими лицами. Их объединяет то, что все они осуществляют основную деятельность в рамках публичного права, но в связи с этим нуждаются в выступлении в гражданском обороте. Непременным условием такого выступления служит наделение соответствующих образований гражданской правосубъектностью. В области государственно-правовых отношений правовой статус муниципальных образований предполагает их неподконтрольность и неподотчетность органам государственной власти.

Следует подчеркнуть, что в реальной практике местное самоуправление современной России – сложное социальное явление, которое подвергается противоречивому влиянию различных партикулярных интересов. Однако можно утверждать, что при «размытости» так

называемого «третьего» сектора институты гражданского общества развиваются, оказывают непосредственное влияние на деятельность органов местного самоуправления. В экономической сфере действуют ассоциации предпринимателей, фермеров, «корпоративные организации», организации в сфере бизнеса и др. В социальной сфере отношения в гражданском обществе связаны с семьей, церковью, школой, общинами, женскими, молодежными организациями, различными ассоциациями. К последним относится целый ряд «заинтересованных групп», т. е. различных организаций и ассоциаций, объединенных общностью интересов – этнические, национальные, демографические, семейные, религиозные и т. п., независимые средства массовой информации. В духовно-культурной сфере – это организации творческих работников, врачей, ученых и др. В правовой сфере реализуют свою деятельность организации адвокатов, ассоциации юристов, ученых правоведов, группы лоббирования интересов в органах власти и др. В политической сфере действуют такие структуры гражданского общества, как партии, политические организации и движения, группы избирателей и др. С помощью институтов гражданского общества реализуется представительство социальных групп общества в структурах власти, институализируется контроль гражданского общества над властью. Политические партии как институты политической системы и гражданского общества выполняют функции по обеспечению связей между различными уровнями государственной власти, реализуют посреднические функции в среде социальных групп, осуществляют лоббирование социальных интересов в процессе разработки правительственных программ, законодательных актов. В то же время партии представляют в органах власти частные интересы, то есть интересы институтов гражданского общества. Российские партии имеют право выдвигать кандидатов на должности руководителей субъектов Российской Федерации, а также гарантии равного освещения их деятельно-

сти в государственных средствах массовой информации.

Местное самоуправление составляет одну из основ конституционного строя Российской Федерации, признается, гарантируется и осуществляется на всей территории Российской Федерации. Однако правовые механизмы обеспечения гарантий местного самоуправления в субъектах Российской Федерации остаются малоизученными, остается еще немало проблем в области гарантий местного самоуправления.

Еще одна проблема, требующая изучения, обсуждения в среде гражданского общества, связана с практиками «осуществления народом своей власти», согласно положениям Конституции Российской Федерации, федеральных законов и законодательства субъектов Российской Федерации, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций». Поскольку все граждане конституируют представительные органы государственной власти на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, они могли бы найти себе место в системе местного самоуправления. В Послании Президента Российской Федерации (2009 г.) подчеркивается, что в XXI в. необходимо преодоление представлений о том, что все существующие проблемы должно решить государство. Согласно Конституции Российской Федерации, единственным источником власти в нашей стране является народ. На практике экономическая, социальная, внешняя политика разрабатывается в результате сложного взаимодействия различных общественных групп. Важны законные интересы и мнение граждан России, независимо от их национальности, религиозных, политических и иных убеждений - это обязанность демократического государства [11]. По сути, речь идет о совместной работе по улучшению качества народного представительства.

С одной стороны, гражданское общество способно развиваться в условиях демократической политической системы. С другой – во многом благодаря гражданскому обществу осуществляется ин-

ституционализация демократии. Очевидно, что свободное развитие гражданского общества возможно при благоприятном, гармоническом взаимодействии с государством, при наличии вертикальных и горизонтальных структур управления в обществе и государстве. Должно развиваться свободное предпринимательство в сфере общественной деятельности, с учетом нужд и интересов локальных сообществ.

Есть потребность в активном участии гражданского общества в решении антикризисных задач на местном уровне. Поддержка незащищенных групп общества должна рассматриваться как важная функция институтов гражданского общества. На современном этапе были бы целесообразны также экономическая поддержка государством «третьего» сектора. Целесообразно развитие такого направления, как совместные социальные проекты, субвенции.

Гражданский контроль, его формы требуют дальнейшего изучения в российских условиях в целях более глубокого осмысления проблем общественного развития, обеспечения социальной и национальной безопасности.

Следует согласиться с мнением ряда исследователей относительно того, что местное самоуправление, обеспечивающее развитие демократии малых пространств, способно создать органическое сочетание власти и свободы, государственного управления и внутренней самоорганизации населения. Тем самым становится возможным преодолеть наши традиционные представления о демократии как исключительно государственной форме организации власти [2, 38].

Было бы целесообразно реанимировать позитивные традиции партнерского взаимодействия граждан и власти на местном уровне, которые развиваются в среде разных национальностей в субъектах Российской Федерации.

При этом существует потребность в критической оценке и анализе уже развивающихся процессов в сфере местного самоуправления, изучении позитивной

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. - М.: Феникс; ХДС-пресс, 1991. - 81 с.
2. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие. Конституционализация муниципальной демократии в России. - М.: Норма, 2008. - 592 с.
3. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. - М.: Алгоритм; Эксмо, 2008 - 544 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / Г. В. Ф. Гегель. - М. : Мир книги, Литература, 2007. - 463 с.
5. Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры / отв. ред. Е.С. Петренко. - М. Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. - 392 с.
6. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Граборова Э.В. Иная ментальность. - М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
7. Коркунов Н. М. Лекции по энциклопедии права. СПб: Литография Пазовского, 1880. 232 с.
8. Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: Норма-Инфра-М, 2002. С. 685-690.
9. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. - М: Статут, 2003. - 685 с.
10. Путин В.В. Россия - это страна, которая выбрала для себя демократию (Текст составлен на материале Президентских Посланий) // Суверенитет. Сборник / сост. Н.В. Гараджа. - М.: Европа, 2006. - С. 7-24.
11. Российская газета. - 2009. - 13 ноября.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 40. - Ст. 3822.
13. Соловьев В.С. Сочинения. Т. 2. - М.: Правда, 1989. - 678 с.
14. Чичерин. Б.Н. Избранные труды. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. - 555 с.

Основные положения отраслевых юридических наук о доказательствах и доказывании

В статье рассмотрены основные положения о доказательствах и доказывании в науках уголовного, гражданского, арбитражного, административного процесса, в конституционном, трудовом и налоговом праве. Автор отмечает, что наиболее разработанным является учение о доказательствах и доказывании в уголовном и гражданском процессе, а в остальных юридических науках оно развито недостаточно, что свидетельствует о необходимости разработки общей теории доказательств в науке теории государства и права.

Ключевые слова: доказательство, отраслевые юридические науки, процессуальные юридические науки.

S. Kharkovskiy

Substantive Provisions of Jurisprudence Branch about Evidences

The article covers substantive provisions about evidences in sciences of criminal, civil, arbitration, administrative procedure, in the constitutional, labor and tax law. The author notices that the doctrine about evidences in criminal and civil procedure is the most developed, and in other jurisprudence it is developed insufficiently that testifies the necessity of working out of the general theory of evidences for a science of theory of state and law.

Key words: evidence, branch jurisprudence, procedure evidence.

В отличие от теории государства и права в отраслевых юридических науках, особенно в процессуальных, учение о доказательствах и доказывании разработано достаточно давно и более менее подробно.

Наиболее разработанным среди процессуальных юридических наук является учение о доказательствах в науке уголовного процесса. Этому учению в целом или отдельным его аспектам посвящено значительное количество работ представителей науки уголовного процесса во все периоды ее развития: дореволюционный, советский и современный.

Так, проблемам доказательств и доказывания в дореволюционной науке посвящена работа Л.Е. Владимирова «Учение об уголовных доказательствах», изданная в 1910 г. (переиздана в 2000 г.) [13], состоящая из Общей и Особенной частей. В Общую часть входят 2 книги «Уголовно-судебная достоверность» и

«Общие условия представления доказательств». В Особенную часть входит книг: «Личный судебский осмотр», «Заключения экспертов», «Собственное признание подсудимого», «Свидетельские показания», «Письменные доказательства», «Улики». В каждой из книг Л.Е. Владимировым формулируются определения, имеющие порядковый номер.

Так, в книге 1 Общей части содержатся следующие определения:

1. Уголовно-судебная достоверность есть такое стечение вероятностей, вытекающих из представленных на суде доказательств, которое способно привести судью к внутреннему убеждению в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследования, имело место в действительности.

2. Внутреннее убеждение как мерило уголовно-судебной достоверности означает, что последняя обыкновенно есть только нравственная очевидность, т.

е. та высокая степень вероятности, при которой благоразумный человек считает уже возможным действовать в случаях, когда судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обусловливающих самый акт решимости.

3. Уголовным доказательством называется всякий факт, имеющий назначением вызвать в судье убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования.

4. Судья составляет себе убеждение, необходимое для решения вопроса о достоверности обстоятельств дела, исключительно на основании доказательств, представленных на суде.

5. Обстоятельство, доказательства которого на суде оставили в уме судьи сомнение, почитается недоказанным.

6. Факт, состоящий в том, что какое-нибудь лицо на суде высказывает такое-то мнение о существовании или несуществовании обстоятельства, составляющего предмет исследования, не есть доказательство. Мнения на суде не допускаются. Из правила этого дозволяются следующие исключения:

а) На суде допускаются мнения сторон, подкрепленные данными судебного исследования, о существовании или несуществовании обстоятельств дела.

б) Равным образом допускаются на суде мнения сведущих людей (экспертов), когда для точного уразумения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии.

Однако показание эксперта о существовании или несуществовании фактов, на которых основывается его мнение, тогда только есть доказательство, когда оно, по существу своему, имеет значение свидетельского показания. В тех случаях, когда свидетельское показание, по предмету своему, близко граничит с мнением, оно должно быть, по возможности, сведено к фактам, на которых построено.

7. Мнения ученых авторитетов науки по вопросам об условиях достоверности фактов на суде допускаются в качестве довода стороны, имеющей право высказывать свой взгляд на значение данной совокупности доказательств или отдельного их вида.

8. Доказательством первостепенным называется такое, которое представлено суду в первоначальном источнике. Доказательством второстепенным называется такое, которое представлено суду в источнике второй руки.

9. Доказательством прямым называется такое, которое основывается на чувственном восприятии, непосредственном (судьи) или посредственном (других людей, сообщенном судье); доказательством косвенным, уликою, называется такое обстоятельство, из которого делают заключение к искомому факту (*factum i probandum*).

10. Доказательственным правом определительным называется совокупность законодательных постановлений, указывающих способы установления и пользования уголовными доказательствами с целью добыть достоверность фактов, составляющих предмет процессуального исследования.

11. Доказательственным правом охранительным называется совокупность законодательных постановлений, определяющих принудительные меры, коими располагает судебная власть как для обеспечения доставления доказательств третьими лицами, так и для ограждения достоверности этих доказательств.

В книге 2 Общей части содержатся следующие определения:

1. В смысле юридической обязанности бремя доказывания (*onus probandi*) всех обстоятельств дела, существенных для постановления уголовного приговора, нераздельно лежит на плечах обвинителя.

2. В смысле права защиты, бремя доказывания по любому обстоятельству дела может быть принимаемо на себя и подсудимым.

3. Бремя доказывания какого-либо обстоятельства, которое предварительно

должно быть доказано для того, чтобы суд допустил доказательство какого-нибудь факта, лежит на ходатайствующем о допущении.

4. Некоторые факты не нуждаются в судебных доказательствах вследствие своей установленности; судья принимает их к сведению, а в случае надобности, удостоверяется в них посредством справок, несудебным порядком.

Учение о доказательствах и доказывании получило дальнейшее развитие в советском уголовном процессе. В этот период были изданы специально посвященные этим вопросам работы В.Д. Арсеньева [2], Д.И. Беднякова [4], М.М. Выдри [14], М.М. Гродзинского [21; 22], В.И. Каминской [27], Л.М. Карнеевой [28], С.В. Курылева [34], П.А. Лупинской [37], М.С. Строговича [45], Ф.Н. Фаткуллина [57], С.А. Шейфера [59], коллективные работы В.П. Божьева и П.И. Лубенского [7], Г.Ф. Горского, Л.Д. Кокорева и П.С. Элькинд [16], «Теория доказательств в советском уголовном процессе» под редакцией Н.В. Жогина [47] и др.

Так, М.С. Строгович в монографии «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» рассматривает вопросы о понятии судебных доказательств, о предмете доказывания, о доказательствах как источниках сведений о фактах, об отдельных видах доказательств и о доказательствах как доказательственных фактах.

Л.М. Карнеева в учебном пособии «Доказательства в советском уголовном процессе» рассматривает общие положения теории доказательств, предмет и пределы доказывания, понятие доказательств и их источников, процесс доказывания, понятие и значение оценки доказательств.

В монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» под редакцией Н.В. Жогина рассмотрены понятие и система теории доказательств, методологические основы теории доказательств, цель, предмет и пределы доказывания, понятие и классификация доказательств, процесс доказывания, способы

собираения и проверки доказательств, оценка доказательств, субъекты доказывания, показания свидетелей и потерпевших, показания обвиняемых и подозреваемых, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы, заключение эксперта.

В частности в указанной монографии определено, что теория доказательств является частью науки уголовного процесса, той частью, которая посвящена изучению процесса доказывания на дознании, предварительном следствии и в суде. Как и всякая научная теория, она обладает внутренней целостностью и относительной самостоятельностью в рамках соответствующей науки. Как доказывание не может быть оторвано от всего уголовного процесса в целом, так и теория доказательств не может быть изолирована от науки уголовного процесса. Как часть и целое они органически связаны между собой. Развитие теории доказательств неразрывно связано с развитием общих принципов советского судопроизводства в области борьбы с преступностью. Исследование конкретных проблем доказывания требует привлечения материала из других отделов науки уголовного процесса. Предметом теории доказательств, т.е. тем, что она изучает, являются: а) правовые нормы, устанавливающие порядок собирания, исследования и оценки доказательств по уголовным делам; б) практическая деятельность органов суда, следствия и дознания в процессе доказывания, а также деятельность лиц, привлекаемых к участию в этом процессе; в) закономерности, связанные с возникновением, хранением, передачей и переработкой доказательственной информации. Содержанием теории доказательств является упорядоченное, целостное, внутренне связанное отражение ее предмета, т.е. процесса доказывания. Система теории доказательств - это последовательность и взаимосвязь в расположении элементов ее содержания. Для теории доказательств как научной дисциплины наиболее целесообразной явля-

ется схема построения по единому принципу - от общего к частному. В соответствии с этим выделяются Общая и Особенная части теории доказательств, соответствующие в целом Общей и Особенной частям доказательственного права. В Общей части дается характеристика задач, предмета, содержания и системы теории доказательств, ее места в системе научного знания. Затем излагаются методические и правовые основы теории доказательств в советском уголовном процессе, система исходных понятий. Далее следуют вопросы целей и предмета доказывания; классификации, относимости и допустимости доказательств; общая характеристика процесса доказывания и его элементов, стадий, способов оценки доказательств, роли и деятельности субъектов доказывания. В Особенной части рассматриваются:

- отдельные виды доказательств,
- отдельные этапы доказывания, следственные и судебные действия,
- доказывание по отдельным категориям уголовных дел.

В 1970-е гг. в научной среде началась дискуссия между представителями наук уголовного процесса и криминалистики по поводу принадлежности учения о доказательствах и доказывания к той или иной науке. Так, Р.С. Белкин утверждал, что «Советская криминалистика — наука о закономерностях возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [6, с. 18]. А.Н. Васильев в противовес этому писал, что теория доказательств является для криминалистики руководящим методом, а потому последняя есть (и иной быть не может) прикладная наука уголовного процесса [9, с. 88].

Изучение общих проблем доказательств и доказывания продолжается в современной науке уголовного процесса. В этой связи следует отметить работы А.Р. Белкина [5], Л.В. Кокорева и Н.П. Кузнецова [33], С.А. Пашина [41]. Отдельные вопросы, связанные с доказа-

тельствами и доказыванием, исследовались Е.А. Долей [24], В.В. Золотых [25], Н.М. Кипнисом [29], Л.Н. Масленниковой [38], Т.Н. Москальковой [39] и др.

Так, А.Р. Белкин в монографии «Теория доказывания в уголовном судопроизводстве» рассматривает вопросы, связанные с основными понятиями теории доказывания, процессом доказывания, соотношением доказывания с оперативно-розыскной деятельностью и криминалистикой, собиранием доказательств, исследованием и оценкой доказательств, средствами и методами исследования и оценки доказательств, экспертным исследованием доказательств, использованием доказательств, частными криминалистическими теориями и доказыванием, тактическими проблемами доказывания с акцентом на особенности их собирания, оценки и частично использования».

Неслучайно среди рассматриваемых указанным автором вопросов столь часто встречаются криминалистические понятия. Во введении к своей монографии А.Р. Белкин отмечает: «В 1966 г. в издательстве «Наука» вышла фундаментальная монография Р.С. Белкина «Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы». В этой книге впервые в отечественной литературе процесс доказывания рассматривался преимущественно с криминалистических позиций, что не помешало автору принять участие и в решении ряда дискуссионных вопросов чисто процессуального характера. С тех пор прошло сорок лет, в течение которых проблемы доказывания занимали умы многих авторов.

В 1969 г. вышла написанная Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом монография «Криминалистика и доказывание»; в 1966-1967 и 1973 гг. увидели свет два издания «Теории доказательств в советском уголовном процессе»; в 1968-1970 гг. - второе, двухтомное, издание «Курса советского уголовного процесса» М.С. Строговича; наконец, в 1989 г. вышел из печати коллективный «Курс советского уголовного процесса. Общая часть». В эти же годы вопросы доказывания в той

или иной степени освещались во многих учебниках по криминалистике и уголовному процессу для высших и средних учебных юридических заведений различного профиля, становились предметом дискуссий на многочисленных научных и научно-практических конференциях и семинарах, объявлялись решенными и вновь вызывали споры... Криминалисты доказывали, что в традиционно процессуальной области знаний - теории доказательств - ныне появились разделы, явно тяготеющие к криминалистике (да и разрабатываемые криминалистами); процессуалисты отвергали с порога эти «экспансионистские» посягательства криминалистов, заговорили о «псевдодоказательствах», в пылу полемик некоторые их участники не погнушались и «подправить» высказывания своих противников с тем, чтобы затем «с блеском» громить их, не стесняясь в выражениях.

В 1970-1980-е гг. увидели свет многочисленные работы по отдельным видам доказательств, средствам доказывания, процедурам собственно доказывания. Но и в этих работах, как и в работах по процессу доказывания в целом, речь неизменно идет о теории доказательств...

Современные представления о теории доказывания должны отражать ее комплексный характер. Это впервые было наглядно продемонстрировано авторами «Теории доказательств в советском уголовном процессе»: в содержание этой коллективной монографии органически вписались такие вопросы чисто процессуального характера, как цель, предмет и пределы доказывания, понятие и классификация доказательств и др., гносеологические, психологические и организационные основы доказывания и ряд криминалистических положений, относящихся как к процессу доказывания в целом (например, версии при доказывании), так и к отдельным видам доказательств» [5, с. 3-5].

А.Р. Белкин, предлагая использовать понятие «теория доказательств» таким образом, пытается некоторым образом поставить точку в затянувшемся спо-

ре между представителями наук уголовного процесса и криминалистики.

Далее А.С. Белкин пишет, что понятийный аппарат теории доказывания сравнительно невелик. К числу основных понятий этой теории следует отнести само понятие доказывания (т.е. его сущность), а также понятия средств доказывания, источников доказательств и самих доказательств, предмета и пределов доказывания, субъектов доказывания, стадий этого процесса и некоторые другие. Содержание и трактовка этих понятий в отечественной процессуальной и криминалистической науках более или менее устоялись, разночтения, как правило, не носят принципиального характера [5, с. 10].

П.А. Лупинская, автор учебного пособия «Доказывание в советском уголовном процессе», изданного в 1966 г, в 2002 г. опубликовала статью с характерным названием «Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе». В частности она отмечает: «Доказательства и доказывание (главы 10 и 11 УПК) являются важнейшими правовыми институтами в системе норм уголовного судопроизводства. Как известно, содержание норм о доказательствах и доказывании определяется типом уголовного процесса. Так, содержание этих норм в прежнем УПК было предопределено розыскным, с репрессивной направленностью, типом уголовного процесса. Например, суд принимал участие в собирании доказательств, подтверждающих обвинение, возвращал дела на дополнительное расследование. Орган дознания, следователь, прокурор и суд были в равной степени обязаны принять все меры к установлению истины и изобличению лиц, совершивших преступление. Ставилась задача: любыми средствами установить истину и прежде всего ориентироваться на признание обвиняемым или подозреваемым своей вины. Стремление получить такое признание, «царицу доказательств», - вот главная черта инквизиционного процесса, столь несовместимого с демократическим уголовным судопроизводством, построенным на принци-

пе равенства сторон и состязательности. Вполне очевидно, что требование не-пременного установления истины по каждому делу несовместимо с установленным Конституцией РФ (ст. 51), а затем и в нормах УПК РФ правом обвиняемого на молчание (п. 3 ч. 4 ст. 47), правом не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и родственников, а также в иных случаях освобождения лиц от обязанности давать свидетельские показания. Установив право на свидетельский иммунитет, законодатель явно предпочел охрану лежащих в основе этого иммунитета ценностей (презумпции невиновности, сохранения родственных отношений и др.) установлению истины «любыми средствами». Закрепленное в ст. 50 Конституции РФ и развитое в нормах УПК РФ правило о недопустимых доказательствах является существенным препятствием для установления истины «любими средствами» [36, с. 5-6].

В современной учебной литературе доказательства и доказывание обычно рассматриваются в рамках нескольких глав.

Так, в учебнике «Уголовный процесс» (под редакцией В.П. Божьева) имеются две главы: «Доказательства и доказывание (общие положения)» и «Виды доказательств» [54, с. 151-169].

В учебник «Уголовный процесс» (под редакцией К.Ф. Гуценко) включены две главы: «Доказательства в уголовном процессе: общие положения» и «Виды доказательств» [55, с. 141-174].

В учебнике «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» (ответственный редактор П.А. Лупинская) глава «Доказательства в уголовном процессе» делятся на два раздела «Общие положения о доказательствах и доказывании» и «Виды доказательств (средства доказывания)» [53, с. 159-227].

В учебник «Уголовный процесс России» (научный редактор В.Т. Томин) включены главы: «Доказательства и доказывание в уголовном процессе», «Виды источников доказательств в уголовном процессе», вопросы доказывания затрагиваются также в главе «Использование

доказательств в уголовном процессе» [56, с. 179-234].

По одной главе, посвященной доказательствам и доказыванию, включено в учебник «Уголовно-процессуальное право» (под редакцией В.И. Рохлина, автор главы С.А. Захарцев) [52, с. 156-186], в учебники А.В. Смирнова и К.Б. Калининского [43, с. 177-228], В.В. Вандышева [8, с. 188-234].

При этом С.А. Захарцев рассматривает вопросы теории доказательств в уголовном процессе, понятия доказывания, предмета доказывания, содержания процесса доказывания, понятия доказательств и их классификации, видов доказательств, использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам, преюдиции и ее роли в доказывании.

А.В. Смирнов внимание уделяет вопросам понятия процесса доказывания, предмета и пределов доказывания по уголовному делу, понятия доказательств в уголовном судопроизводстве, их относимости и допустимости, классификации и видам доказательств, структуре процесса доказывания, его уровням и элементам, использованию в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, формальным средствам доказывания (презумпциям, преюдициям, формальным признакам и правилу об исключении доказательств).

В.В. Вандышев рассматривает следующие вопросы: гносеологические основы установления объективной истины как цели отечественного уголовного процесса; уголовно-процессуальное доказывание: доказательства, предмет, пределы и элементы процесса доказывания; общая характеристика отдельных средств доказывания (показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, заключение и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы).

В науке гражданского процесса проблемам доказательств и доказывания посвящены работы А.Ф. Клейнмана [30],

М.К. Треушникова [49], К.С. Юдельсона [60] и др.

Так, А.Ф. Клейнман в своей работе «Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе» исследует вопросы понятий доказывания и доказательства в советском гражданском процессе, истории доказательств в дореволюционном и советском гражданском процессе, предмета и бремени доказывания в советском гражданском процессе, отдельных видов доказательств в советском гражданском процессе, оценке доказательств в советском гражданском процессе.

М.К. Треушников в монографии «Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе» рассматривает следующие вопросы: общее учение о доказательствах и доказывании в советском гражданском процессе (доказательства, их классификация; распределение обязанностей по доказыванию в гражданском процессе, относимость и допустимость доказательств, оценка судебных доказательств); отдельные средства доказывания (объяснения сторон и третьих лиц как средства доказывания, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства, заключение эксперта (экспертов) как доказательство, отдельные средства доказывания в гражданском процессе социалистических стран – членов СЭВ).

Следует отметить, что в науке гражданского процесса распространены понятия судебных доказательств и судебного доказывания, т.к., в отличие от уголовного процесса, в гражданском процессе отсутствует досудебное производство и доказывание осуществляется только судом. При этом под судебными доказательствами понимаются сведения о фактах (информация о фактах), полученные с помощью предусмотренных законом процессуальных средств [26, с. 28]. Именно судебные доказательства фигурируют в названии одной из монографий гражданского процессу М.К. Треушникова [50].

В то же время понятие судебных доказательств используется и в названиях

работ по доказательствам и доказыванию в уголовном процессе [2; 3; 51]. Известная работа сталинского прокурора А.Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве» претендует на общетеоретический характер, однако в основном она посвящена вопросам уголовного процесса [15].

Гражданско-процессуальным доказательствам и гражданско-процессуальному доказыванию посвящена монография С.В. Курьлева «Основы теории доказательств в советском правосудии» [34].

В науке гражданского процесса исследуются вопросы ее взаимодействия с криминалистикой. Так, В.Г. Тихиня пишет, что « в теории гражданского процесса вопросы доказательственного права рассматриваются несколько односторонне (лишь в аспекте процессуального права) и отмечает, что изучение судебной практики показывает, что научные положения криминалистики значительно расширяют возможности суда в собирании, исследовании и оценке письменных и вещественных доказательств по гражданским делам. Криминалистические приемы и методы способствуют также наиболее полному и эффективному применению в гражданском судопроизводстве отдельных процессуальных действий, регламентируемых законом [48, с. 65].

В учебной литературе по гражданскому процессу вопросы доказательств и доказывания обычно рассматриваются в рамках двух глав.

Так, в учебник «Гражданский процесс Российской Федерации» (под редакцией А.А. Власова) включены две главы, посвященные этим вопросам: «Судебные доказательства» и «Средства судебного доказывания» [20, с. 82-90].

В учебнике «Гражданский процесс России» (под редакцией М.А. Видука) доказательствам и доказыванию посвящены две главы: «Судебное доказывание» и «Средства доказывания» [19, с. 165-210].

Однако, в учебнике «Гражданский процесс (под редакцией Ю.К. Осипова)

предусмотрена одна глава: «Судебное доказывание и доказательства», включающая параграфы: «Предмет доказывания. Факты, не требующие доказательств»; «Судебные доказательства», «Судебное доказывание», «Средства доказывания» [17].

По одной главе, посвященной доказательствам и доказыванию, содержится в рассмотренных нами учебниках советского периода.

Так, в учебнике «Гражданский процесс» (под редакцией А.Ф. Клейнмана) в главе «Доказательства» рассматриваются вопросы, связанные с предметом доказывания, правами и обязанностями сторон и суда по представлению и сбору доказательств, оценкой доказательств, видами доказательств, объяснениями сторон, признанием, показаниями свидетелей, экспертизой, письменными и вещественными доказательствами [18, 135-170].

В главу «Доказывание и доказательства» учебника «Советский гражданский процесс» (под редакцией К.И. Комиссарова и В.М. Семенова) входят параграфы: «Понятие и цель судебного доказывания»; «Понятие судебных доказательств. Фактические данные и средства доказывания»; «Предмет доказывания по гражданскому делу»; «Распределение между сторонами обязанности по доказыванию. Активность суда в процессе доказывания»; «Классификация доказательств», «Относимость и допустимость доказательств. Исследование и оценка доказательств»; «Виды средств доказывания»; «Обеспечение доказательств. Судебные поручения» [44, с. 191-227].

В настоящее время в России развивается относительно новая процессуальная наука – арбитражный процесс. В советской юридической науке доказательствам в арбитражном процессе уделялось меньше внимания, чем доказательствам в гражданском процессе. Это объясняется тем, что в СССР основным органом по разрешению споров был не суд, а государственный арбитраж. Соответственно, арбитражный процесс не был судебным. Становление судебного ар-

битражного процесса повлекло изменения в системе его основных начал, в частности усиление в арбитражном процессе принципов состязательности и равноправия сторон, получивших конституционное закрепление (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации). Повысилась активность лиц, участвующих в деле, и сократились полномочия арбитражного суда в сфере доказывания, появились новые средства доказывания (например, свидетельские показания, аудио- и видеозаписи, а также иные документы и материалы), введен институт раскрытия доказательств. Несколько изменен порядок представления и исследования доказательств. Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 г. предоставил арбитражному суду в случаях, установленных Кодексом, право собирать доказательства по собственной инициативе [35, с. 3].

Доказательства и доказывание в арбитражном процессе часто исследуются вместе с гражданско-процессуальными аспектами. Таковыми, например, являются работы О.В. А.Г. Коваленко [31; 32]. В основном, арбитражно-процессуальные вопросы доказательств и доказывания рассматриваются на уровне научных статей [46; 58].

В учебной литературе по арбитражному процессу рассматриваются такие вопросы как: понятие доказывания в арбитражном процессе; понятие и виды доказательств; предмет доказывания; обязанность доказывания; относимость и допустимость доказательств; стадии доказывания в арбитражном суде; средства доказывания в арбитражном процессе.

В последние годы с новой силой возобновилась, начавшаяся еще в 1960-х гг., дискуссия о выделении еще одной процессуальной юридической науки – административного процесса. А.А. Ветрова в своей диссертации, посвященной доказыванию и доказательствам в административном процессе, отмечает: «Одной из актуальных проблем отечественной юридической науки является проблема доказывания в административном процессе. Следует отметить, что админи-

административный процесс как отдельная юридическая категория сформировался сравнительно недавно и до настоящего времени среди ученых нет единства взглядов относительно административного процесса. Административный процесс предназначен для того, чтобы обеспечить применение материальных правовых норм в сфере государственного управления в целях достижения юридических результатов, предполагаемых диспозицией нормы, то есть соответствующими правилами должного поведения» [11, с. 3].

А.А. Ветрова в сфере административного процесса, в частности выделяет субъектов доказывания (органы исполнительной власти и их должностные лица; специалисты; эксперты; лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; потерпевший; субъект с особым статусом – прокурор), предлагает классификацию доказательств (документы; заключение эксперта; показания свидетелей; показания должностных лиц; вещественные доказательства; показания потерпевшего и лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении) [11, с. 6-7].

Доказательства и доказывания в административном процессе исследовались и в советский период. Среди таких работ следует назвать монографию Е.В. Додина «Доказательства в административном процессе» [23].

В частности указанный автор пишет: «несмотря на всю специфику доказательств, имеющих место при доказывании в административном процессе, они представляют собой разновидность юридических доказательств, ибо их обнаружение, использование и оценка регламентируются законодателем на основании единых общих принципов доказательственного права, определяемых характером социалистического государства. Поэтому доказательства, используемые в административном процессе, имеют правовой характер, что в свою очередь означает:

а) только те фактические данные могут рассматриваться в качестве доказательств в административном процессе, которые получены в установленном законом порядке и предусмотренными способами;

б) только те фактические данные могут рассматриваться в качестве доказательств в административном процессе, если законодатель допускает их использование в качестве таковых;

в) только те фактические данные могут рассматриваться в качестве доказательств по конкретному административному делу, которые имеют значение для всестороннего, объективного и правильного рассмотрения этого дела» [23, с. 46].

Процессуальные нормы, в том числе и нормы о доказательствах и доказывании, изучаются и в других отраслевых науках, являющихся в целом материальными. Как правило, такие исследования проводятся на уровне диссертаций либо статей.

Так, специфике доказательств и доказывания в конституционном судопроизводстве посвящен один из параграфов диссертации И.С. Назаровой [40, с. 60-76], а доказательствам страхового стажа – один их параграфов диссертации Д.Г. Вихрова [12, с. 115-141].

Доказыванию по делам о налоговом правонарушении посвящена диссертация С.А. Слесарева, который в обосновании темы исследования пишет: «Доказывание - один из центральных элементов любой юрисдикционной деятельности, в том числе производства по делу о налоговом правонарушении. Без полного и всестороннего установления и исследования налоговым органом обстоятельств налогового правонарушения невозможно вынесение законного, обоснованного и справедливого решения по делу... Тем не менее, доказательственная деятельность налогового органа и налогоплательщика попрежнему остается недостаточно урегулированной. Показательно, что термин "доказательство" и производные от него используются в Налоговом кодексе Российской Федерации всего в пяти статьях (п. 1 ст. 40, п. п. 4, 6 ст. 101, п. 7 ст. 101.4, п. 6 ст. 108, подп. 1, 2 п. 1 ст. 111). Представляется, что столь скромное внимание законодателя к вопросам доказывания

вряд ли будет способствовать внесудебному урегулированию разногласий между участниками налоговых отношений. По сегодняшний день возникает бесчисленное количество спорных ситуаций, основанных на неточном определении налоговым органом юридически значимых фактов, необходимых для разрешения дела о налоговом правонарушении, неполном исследовании обстоятельств дела, непринятии всех необходимых мер по собиранию доказательств. А отсутствие в НК РФ четких, детально прописанных и эффективных процедур, гарантирующих устранение перечисленных недостатков, имеет своим закономерным следствием передачу значительной части дел на рассмотрение судебных органов» [42, с. 3-4].

В качестве предмета доказывания по делу о налоговом правонарушении С.А. Слесарев указывает: факт неисполнения (ненадлежащего исполнения) налоговой обязанности либо несоблюдения установленного налоговым законодательством запрета; последствия противоправного деяния, причинную связь между деянием и последствиями; признаки объекта налогового правонарушения; признаки субъекта налогового правонарушения; вину в форме умысла или неосторожности, а также обстоятельства, признаваемые Налоговым кодексом Российской Федерации, исключаящими вину в совершении правонарушения; обстоятельства, исключающие привлечение к налоговой ответственности (истечение срока давности привлечения к ответственности, наличие решения о привлечении лица к налоговой ответственности за совершение того же правонарушения, смерть физического лица, ликвидация организации, реорганизация, влекущая прекращение организации); обстоятельства, являющиеся основанием для освобождения от налоговой ответственности (факты, позволяющие применить акт о налоговой амнистии, самостоятельное внесение налогоплательщиком изменений и дополнений в налоговую отчетность с добровольной уплатой налога и

пеней); обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность [42, с. 8-9].

Доказательства по налоговым спорам рассмотрены в статье В.С. Веденина. В частности, указанный автор отмечает, что «Особенностью доказывания по налоговым спорам является то, что по некоторым делам бремя доказывания лежит на налоговом органе, даже в случае, если он выступает на процессе ответчиком. Данное утверждение справедливо относительно обжалования по заявлению налогоплательщика актов налоговых органов, действий или бездействия должностных лиц в силу ст. 138 НК РФ. Согласно п. 6 ст. 108 НК РФ лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана, кроме того, оно не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения, эта обязанность возлагается на налоговые органы. Таким образом, налоговый орган при вынесении решения в применении мер налоговой ответственности должен доказать обстоятельства совершения налогоплательщиком правонарушения» [10].

Таким образом, среди всех отраслевых юридических наук учение о доказательствах и доказывание разработано в науках уголовного и гражданского процесса. Арбитражно-процессуальные вопросы доказывания и доказательств обычно исследуются совместно с гражданско-процессуальной теорией судебных доказательств. Изучение доказательств и доказывания в административном процессе развито не в достаточной мере в виду спорности самого существования науки административного процесса. В остальных юридических науках вопросы доказательств и доказывания исследуются эпизодически на уровне диссертации и научных статей. Такое положение дел еще раз свидетельствует о необходимости разработки общетеоретической концепции доказательственного права (общую теорию доказательств) в рамках науки теории государства и права.

Список литературы

- 1 Арбитражный процесс / отв. ред. В.В. Ярков. - М.: Волтерс Клувер, 2006. - 875 с.
2. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. - М.: Юридическая литература, 1964. - 179 с.
3. Баев О.А. Предмет криминалистики и теория судебных доказательств // Правоведение. - 1983. - № 3. - С. 96-100.
4. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. - М.: Юридическая литература, 1991. - 208 с.
5. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. - М.: Норма, 2005. - 528 с.
6. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 1. Общая теория советской криминалистики. - М.: Академия МВД СССР, 1977. - 339 с.
7. Божьев В.П., Лубенский А.И. Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств. - М.: Академия МВД СССР, 1981. - 71 с.
8. Вандышев В.В. Уголовный процесс. - СПб: Юридический центр Пресс, 2004. - 997 с.
9. Васильев А.Н. Критические замечания о соотношении криминалистики и уголовно-процессуальной теории доказательств // Советское государство и право. - 1979. - № 3. - Ст. 87-89.
10. Веденин В.С. Доказательства по налоговым спорам // Налоги. - 2008. - № 20.
11. Ветрова А.А. Доказывание и доказательства в административном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - 22 с.
12. Вихров Д.Г. Страховой стаж и его юридическое значение в праве социального обеспечения: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2001. - 160 с
13. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. - Тула: Автограф, 2000. - 464 с.
14. Выдря М.М. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. - М.: Госюриздат, 1955. - 117 с.
15. Вышинский А.Я. Теории судебных доказательств в советском праве. - М.: Госюриздат, 1950. - 309 с.
16. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д, Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. - Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. - 303 с.
17. Гражданский процесс / отв. ред. Ю.К. Осипов. - М.: Бек, 1996. - 462 с.
18. Гражданский процесс / под ред. А.Ф. Клейнмана. - М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. - 352 с.
19. Гражданский процесс России / под ред. М.А. Вкута. - М.: Юристъ, 2004. - 459 с.
20. Гражданский процесс Российской Федерации» / под ред. А.А. Власова. - М.: Юрайт-Издат, 2003. - 584 с.
- 21 Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе. - М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1945. 123 с.
- 22 Гродзинский М.М. Учение о доказательствах и его эволюция. - Харьков: Юридическое издательство Наркомюста УССР. 1925. - 20 с.
23. Додин Е.В. Доказательства в административном процессе. - М.: Юридическая литература, 1973. - 192 с.
24. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. -М.: Спарк, 1996. -111 с
25. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. - Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. - 288 с.

26. Иванов О.В. Судебные доказательства в гражданском процессе. - Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1974. - 185 с.
27. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. - М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. - 32 с.
28. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. - Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1988. - 68 с.
29. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве». - М.: Юристъ, 1995. - 187с.
30. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. - М., - Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. - 72 с.
31. Коваленко А.Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. - М.: Норма, 2002. - 208 с.
32. Коваленко А.Г. Комплексное исследование института доказывания в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. - СПб, 2003. - 306 с.
33. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. - 272 с.
34. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. - Минск: Изд-во БГУ, 1969. - 204 с.
35. Лукьянова И.П. Доказательства в арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - 210 с.
36. Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. - 2002. - № 7. - С. 5-8.
37. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. - М., ВЮЗИ, 1966. - 102 с.
38. Масленникова Л.Н. Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу. - М.: Изд-во Академии МВД Российской Федерации, 1993. - 57 с.
39. Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания. Стадия предварительного расследования. М.: Спарк, 1996. - 125 с.
40. Назарова И.С. Конституционное судопроизводство (на материалах деятельности Конституционного Суда Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2000. - 162 с.
41. Пашин С.А. Доказательства в российском уголовном процессе. - М.: Комплекс-Прогресс, 1999. - 104 с.
42. Слесарев С.А. Доказывание по делу о налоговом правонарушении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2009. - 30 с.
43. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. - СПб.: Питер, 2004. - 697 с.
44. Советский гражданский процесс / под ред. под редакцией К.И. Комиссарова и В.М. Семенова. - М.: Юридическая литература, 1988. - 480 с.
45. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. - М.: Изд-во Академии наук СССР., 1955. - 384 с.
46. Тарасова Т.В. Доказательство и доказывание в арбитражном процессе по новому Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации 2002 г. // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Сборник научных работ. - Магадан: Изд-во СМУ, 2005. - Вып. 3. - С. 70-73.
47. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. - М.: Юридическая литература, 1973. - 736 с.
48. Тихиня В.Г. Криминалистические приемы и методы в гражданском процессе // Правоведение. - 1979. - № 1. - С. 64-65.
49. Треушников М.К. Доказательства и доказывание в советском гражданском процессе. - М.: Изд-во МГУ, 1982. - 160 с.
50. Треушников М.К. Судебные доказательства. - М.: Городец, 1977. - 320 с.

51. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. Краткий очерк. - М.: Госюридат, 1960. – 176 с.
52. Уголовно-процессуальное право / под общ. ред. В.И. Рохлина. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 653 с.
53. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская. - М.: Юристъ, 2000. - 696 с.
54. Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева. - М.: Спарк, 2000. - 574 с.
55. Уголовный процесс / под ред. Г.Ф. Гуценко. - М.: Зерцало, 2000. - 608 с.
56. Уголовный процесс России / научн. ред. В.Т. Томин. - М.: 2003. - 821 с.
57. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. - Казань: Изд-во Казанского университета, 1976. - 206 с.
58. Фокина М.А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Цели доказывания на проверочных стадиях гражданского и арбитражного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. - № 6. - С. 22-29; - № 7. С. 22-29.
59. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. - М.: ВЮЗИ, 1972. - 130 с.
60. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. - М: Госюридат, 1951. - 292 с.

Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в XVII веке

В статье рассмотрены вопросы взаимоотношений государства и церкви в России в XVII веке. Авторами отмечено, что при царе Михаиле Федоровиче фактически вся власть сосредоточилась в руках патриарха Филарета, который использовал ее для укрепления как духовной, так и государственной власти; царь и патриарх в равной степени пользовались титулом «Великий государь». При царе Алексее Михайловиче церковь начала подпадать в прямую зависимость от государства.

Ключевые слова: государство, церковь, теократическое государство, абсолютная монархия.

V. Chibinev, N. Golovanov

Relations of the State and the Russian Orthodox Church in the XVII- th Century

The article covers questions of relations of the state and the church in Russia in the XVII-th century. It is noticed that during the reign of Michael Fedorovich all the power was concentrated in hands of patriarch Philaret who used it for strengthening both spiritual, and the government; the tsar and the patriarch equally used a title «Great sovereign». In the reign of Alexey Mihajlovich the church started to fall in direct dependence on the state.

Key words: state, church, theocratic state, absolute monarchy.

XVII в. прошел под знаком преодоления смуты, поразившей Московское государство в период с 1603 по 1618 гг. Смута, характеризовавшаяся борьбой за власть между различными сословными группами, представляла не просто угрозу независимости, утраты территориальной целостности, но и потери православной самоидентификации русского народа. Отсюда восстановление государственности происходило на основах, приближенных к каноническим представлениям о государстве как «симфонии властей», двуединстве светской и духовной власти, автономно существующих, но в равной степени своими средствами обеспечивающих защиту и торжество православия.

Первая половина XVII в. стала наиболее полной реализацией этих идей. В идеале «симфония властей» противо-

стояла как концепциям теократии, так и абсолютной тирании, деспотии [2, с. 25].

Восстановление государственности на православных духовно-нравственных основах облегчалось тем, что патриарх Филарет - в миру Федор Никитич Романов - являлся отцом царя. Он был влиятельным боярином во времена царя Федора Ивановича и даже соперничал с Борисом Годуновым за власть, что завершилось для него поражением и пострижением в монахи. С его возвращением из польского плена и избранием патриархом, собственно, и начался процесс возрождения России.

Царь и патриарх в равной степени пользовались титулом «Великий государь». Фактически власть сосредоточилась в руках патриарха Филарета, который энергично использовал ее для укрепления как государственной, так и духовной власти.

В период восстановления российской государственности царь Михаил Федорович и патриарх Филарет опирались как на церковь, так и на всю систему сословных органов России. Церковь пользовалась громадным авторитетом в стране, поскольку в годы Смуты она в целом и особенно монастыри стали одним из основных оплотов борьбы за национальное возрождение. К концу XVII в. (после возвращения Киевской митрополии под юрисдикцию Московской патриархии) на территории России находились 24 кафедры - одна патриаршая, 14 митрополичьих, 7 архиепископских и 2 епископских [1, с. 321].

Высшее управление Русской Православной Церкви представлял патриарх в единении с собором высших церковных иерархов. В отличие от восточных патриархов русский первоиерарх не имел при себе постоянного собора (синода). Освященные (церковные) соборы при патриархах созывались реже, чем при московских митрополитах, но собор 1667 г. принял решение о двукратном в год созыве соборов, что соответствовало каноническим правилам.

В работе соборов принимали участие цари, будь то выборы патриарха или назначение других церковных иерархов, канонизация святых, церковный суд, богословские диспуты и др. Отличием от других поместных церквей было то, что архиепископы и епископы по своим властным полномочиям не отличались от митрополитов и не подчинялись последним.

В 1620-1626 гг. патриарх Филарет провел реформу управления огромным церковным имуществом и персоналом. Для заведования патриаршей областью были созданы приказы, которые затем распространили свои полномочия на земли церкви на всей территории России.

Так, Казенный приказ ведал сборами в патриаршую казну. Приказ Духовных дел, или «Патриарший разряд», выдавал грамоты духовным лицам, получившим рукоположение от патриарха, а также на сооружение церквей; вершил суд по преступлениям против веры над

клириками и мирянами. Он ведал также светскими чиновниками патриарха и хозяйством его дома.

Персонал приказов составляли как светские, так и духовные лица. Таким образом, сложилась автономная служебная иерархия: «патриаршьи» бояре, «окольные», «дьяки» и «подьячие». Это укрепило позиции церкви, сохранявшей высокий авторитет и обладавшей огромной материальной и военной мощью, монастырями-крепостями в стратегически важных местах. Тем не менее, канонические православные представления о богоугодной природе власти исключали сколько-нибудь последовательные претензии Русской Православной Церкви и ее иерархов на светскую власть, создание теократического государства [1, с. 322-323].

В церковном управлении и суде на епархиальном уровне не было полного единообразия, но строилось оно в соответствии с каноническими требованиями. В местном самоуправлении большую роль играл церковный приход, который в большинстве случаев совпадал территориально с волостью.

Приходские священники назначались соответствующим епископом, но, как правило, кандидаты на вакантное место избирались прихожанами. Священнослужители (поп, дьякон) и церковнослужители (пономари, сторожа, певчие) полностью зависели от «мира», который выделял земли, другие угодья, иногда материальное вознаграждение. В попы часто избирались не духовные лица, а грамотные крестьяне или «посадские», в результате чего функции местных гражданских и церковных властей тесно переплетались и даже объединились [1, с. 178].

В XVII в. по мере усиления централизации и бюрократизации государственного управления царская власть эволюционирует в сторону самодержавия. Хотя все самодержцы XVII в. из династии Романовых избирались Земскими соборами (1613 г. - Михаил, 1645 г. - Алексей, 1682 г. - Петр и Иван V, исключением было воцарение Федора Алексеевича в 1676 г., для которого оказалось достаточ-

но решения Боярской думы), источником их власти считался Бог, а не сословное волеизъявление.

Национальный образ власти носил сакральный характер. Царь, самодержец всея Руси, воспринимался как воплощение высших православных ценностей - Истины, Добра, Красоты, Справедливости, как защитник «Святой Руси», «Дома Пресвятой Богородицы». На символическом уровне это закреплялось в таинстве венчания на царство, которое совершалось патриархом посредством возложения на царя короны (венца), вручения скипетра и державы, облачения в порфиру и произнесения символа веры. С XVII века осуществляется миропомазание на царство. В то же время существование самодержавной власти не было закреплено в XVII веке в законодательстве. Власть царя ограничивалась только православной нравственностью и сложившимися традициями.

В царствование царя Алексея Михайловича возникли противоречия между укрепившимся самодержавием и церковью. Стремление светской власти поставить под контроль хозяйственную де-

ятельность церкви (создание Монастырского приказа), ограничить монастырское землевладение, судебный, фискальный иммунитет монастырей и «белого» духовенства встретили сопротивление церковных иерархов и патриарха Никона.

Конфликт между светской властью и церковью совпал с расколом церкви в результате реформы патриарха Никона по приведению богослужебных книг и обрядов в соответствие с греческими оригиналами. Против бескомпромиссно проводимой реформы непримиримо выступили сторонники «древнего благочестия», одним из руководителей которых был протопоп Аввакум.

Духовный раскол ослабил позиции церкви. Попытка Никона оказать давление на царя отказом от патриаршества завершилась лишением сана и ссылкой (решение Вселенского собора 1666 года). Церковь начинает попадать, несмотря на ликвидацию Монастырского приказа, в прямую зависимость от государства, что является одним из индикаторов эволюции самодержавия в сторону абсолютной монархии.

Список литературы

1. Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. - СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 1994. - 352 с.
2. Кизеветтер А. Местное самоуправление в России IX—XIX ст.: исторический очерк. - Пг.: Задруга, 1917. - 120 с.

Распространение ислама на территории России и его влияние на формирование правовых систем народов Северного Кавказа

В статье рассмотрены вопросы возникновения и распространения ислама на территории России, его взаимоотношения с государством. Автор отмечает, что ислам и совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама (шариат) оказали приоритетное влияние на формирование правовых систем мусульманских народов и показывает этот процесс на примере народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: ислам, шариат, адат.

L. Koloeva

Islam Distribution on Territories of Russia and its Influence on Formation of Law Systems of the People of the North Caucasus

The article covers questions of occurrence and Islam distribution in territory of Russia, its mutual relation with the state. The author notices that Islam and set of law, morally-ethical and religious norms of Islam (Sheriyat) made priority impact on formation of law systems of the Muslim people and shows this process on an example of the people of the North Caucasus.

Key words: Islam, Sheriyat, adat.

В науке существует несколько точек зрения относительно того, когда ислам пришел в Россию. Некоторые ученые связывают это событие с периодом исламизации Волжской Булгарии (IX-X вв.), другие - с татаро-монгольским игом, а именно с именем хана Узбека (XIV в.), которого принято рассматривать в качестве основоположника мусульманской традиции в татаро-монгольской среде. Третьи склонны полагать, что периодом проникновения ислама на территорию России следует считать временной отрезок, связанный с исламизацией отдельных территорий, таких как Дагестан, имевший место в VII - первой половине X вв., [22, с. 5] проходивших под знаменем великих арабо-мусульманских походов на Кавказ и Среднюю Азию.

Сторонниками последней точки зрения являются такие представители отечественной и зарубежной научных школ: Ф.А. Асадуллин, А. Каппелер, Г.М. Керимов Л.И. Климович [3., с. 10.; 9, с. 101; 10, С. 211; 11, с. 258].

Наличие в городе судебной инстанции, отправляющей правосудие со-

гласно исламской правовой традиции, безусловно, являлось положительным моментом в установлении добрососедских отношений магометан с представителями иных верований, но превалирование мусульманского населения по своему численному составу требовало и участия их представителей в управлении города, страны. Последнее не заставило себя ждать: руководством Хазарского каганата было принято решение о том, что один из визирей в обязательном порядке должен назначаться из числа духовной элиты мусульманской общины. Ему передавались полномочия по управлению мусульманским населением, как постоянно проживающего на данной территории, так и пребывающего на ней по торговым делам [2, с. 324]. Великие столицы исламской культуры Хазарского каганата - Семендер и Итиль прекратили свое существование в эпоху завоевательных походов князя Святослава, которая завершила период исламо-хазарского влияния на Русь.

Одна из точек зрения на вопрос возникновения ислама в России, разделяемая наибольшим числом ученых, сре-

ди которых можно выделить П.А. Грязневича, Ю.В. Мизун и Ю.Г. Мизуна сводится к мусульманской «экспансии» так называемого «булгарского фактора» [6, с. 76; 14, с. 220]. Склонны связывать начало исламизации территорий Руси с Волжской Булгарией и представителями российской религиозной элиты, в число которых входит и муфтий Равиль Гайнутдин [5, с. 21]. Официальное провозглашение ислама в качестве государственной религии в Волжской Булгарии произошло в 922 г.

Именно Волжская Булгария стала первым исламированным государством, вступившим в политические и экономические отношения с Киевской Русью. Представители посольской миссии этого государства в 986 году и познакомили Киевского князя Владимира с основами веры в надежде на исламизацию Руси. Но отрицательный исход миссионерской функции посольства не был безрезультатным, так как в его рамках были установлены политические и торговые отношения Киевской Руси и Волжской Булгарии. Но отношение к носителям магометанской веры на Руси было весьма неоднозначным, что было закреплено и на законодательном уровне. Так, в Указе князя Ярослава Мудрого о церковных судах, архетип которого сложился в XI - начале XII в., содержался целый ряд норм и установлений, запрещающих лицам разных исповеданий вступать в брачные, половые отношения или участвовать в совместной трапезе. Например, ст. 51 Указа запрещала вступать в интимную связь с мусульманином, обозначенным «бессерменином», предусматривая при несоблюдении этого предписания возложение на провинившегося обязанности уплаты штрафа, равного 12 гривнам и более того, отлучение от церкви [7, с. 165].

Процесс исламизации представителей Золотой Орды проходил в условиях острой конкуренции с иными верованиями. Исламизация татаро-монголов произошла в 1312 г. при хане Узбеке. В 1356 г. ислам становится государственной религией Золотой Орды.

Об удивительной толерантности ревностных представителей Ислама Улус Джучи, проявленной к представителям русского православия, говорит указ хана Менгу-Тилиза, изданный в 1270 г., в котором было начертано: «На Руси не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных им архимандритов, протоиереев, иереев. Свободный от всех податей и повинностей да будет их город, область, деревня, земля, охоты, улья, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства, все это принадлежит богу и сами они божьи. Да помолятся они за нас» [21, с. 263].

Иным было отношение к исламу со стороны российских властей. Так, в 1593 г. была принята специальная грамота, в императивном порядке проживать с русскими, отправлять свои религиозные потребности в мечетях и «иметь мечети для того, чтобы не было соблазна христианам и крещеным». Применение данной грамоты на практике означало предоставление властным структурам на местах предложения к сносу мечетей.

В период правления Петра I продолжалась репрессивная линия политики по отношению к магометанской общине, но и некоторым образом повлиял на увеличение численности представителей ислама в государстве, а точнее, учредил законодательную основу для открытого исповедания последними своей веры. В качестве таковой следует обозначить Манифест Петра Великого от 6 апреля 1702 г. «О свободе вероисповедания и об ответственности каждого человека за свое духовное состояние». Именно по приказу Петра Великого в 1716 г. впервые в Российской Империи появился первый полный русскоязычный перевод Корана.

Новый виток политики христианизации исламского населения страны пришелся на период правления Императрицы Анны Иоанновны. В 1740 г. ею был подписан указ об усилении христианизации «инородческих» регионов империи. Следующим шагом стало издание в 1742 г. (19 ноября) сенатского указа, предусматривавшего снос всех мечетей, построенных после 1552 г. Вводился запрет

и на возведение новых сооружений исламского культа.

Новая политическая линия была продемонстрирована Екатериной II в наказе от 30 июля 1767 г., адресованном Комиссии по разработке проекта «Нового Уложения» [16]. И уже в июне 1773 г. появляется законодательный акт, впервые предоставивший некоторый объем прав и свобод последователям магометанской веры - Указ Синода от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам» [15].

Первое официальное управление исламской конфессией Российской Империи получило название «Духовное магометанского закона собрание». В компетенцию последнего входило осуществление деятельности по регулированию отношений, складывавшихся внутри мусульманского социума: избрание архунов, регистрация рождаемости, смертности, разрешение бракоразводных процессов и т.д. Предусматривалась также возможность участия архунов и иных духовных лиц в отправлении правосудия при условии того, что они в добровольном порядке будут избраны обществом в Нижнюю и Верхнюю расправы (уездный сословный суд первой инстанции для непомещичьих крестьян и губернский сословный суд для рассмотрения в апелляционном порядке уголовных и гражданских дел государственных, экономических, дворцовых крестьян и однодворцев, соответственно).

В 1829 г. официальные власти провели беспрецедентную акцию, когда Император Николай I даже соизволил утвердить общий план и фасад образцовой мечети Российской Империи в рамках реализации специальной главы государственного строительного устава «О построении магометанской мечети» [4, с. 112]. В 1833 г. Император издал указ, в императивном порядке предписавший обязанность российских мусульман выполнять требования своей религии под

угрозой применения к вероотступникам наказания [1, с. 121].

Сенат также вносит свою лепту в дело построения в империи исламской самоидентичности. Так, 14 июля 1832 г. принимается Указ «О порядке производства и рассмотрения дел о наказании Магометан за прелюбодеяние и о силе личных решений Муфтия» [17]. Указ разграничил компетенцию судебной власти, отправляемой представителями мусульманского духовенства от отправляемой представителями государственной власти. Помимо вышеприведенного законодательного акта властями был принят еще целый ряд актов в данной области. Одним из которых стал Указ Сената от 29 января 1834 г. «О приводе к присяге окончательно принятых рекрут в церквях того исповедания, к кому кто из них принадлежит» [18], предоставивший право мусульманам при разрешении дел с участием рекрутов из числа магометан в шариатском суде, а при отсутствии согласия с решением последнего требовать передачи спора в гражданскую инстанцию.

Также на законодательном уровне были закреплены права военнослужащих мусульман отправлять свои религиозные потребности в соответствии с положениями коранических постулатов. Так, 28 июля 1845 г. был принят Именной Указ, объявленный в циркулярном предписании Инспекторского Департамента Морского Министерства «О имени Имамов в военных портах для исправления духовных треб по обряду Магометанской веры», повелевавший «иметь в военных портах в Кронштадте и Севастополе по одному Иمامу и одному помощнику Имама, а в прочих портах по одному Иمامу» [19].

Период правления Александра III - эпоха резкого ухудшения положения мусульманской общины, эпоха ограничительной политики, проводимой под знаменем шовинистических представлений светской власти и политики разворачивания программы по усилению влияния в Российской Империи и, в частности, в Северо-Кавказском регионе, Русской Православной Церкви. В целом полити-

ческие репрессии царской России не смогли сколько-нибудь существенным образом повлиять на процесс исламизации населения. Мусульманская социокультурная группа постоянно приспосабливалась к жесткости политики правящей элиты, сохраняя исламский менталитет и самоидентичность.

Охарактеризовать положение дел в мусульманской общине периода существования СССР представляется весьма сложным. И, прежде всего, это связано с существованием не просто в отличающихся друг от друга, а диаметрально противоположных научных, теологических, исторических взглядов на процессы, проходившие в стране в рассматриваемый промежуток времени.

Подавляющее число научной литературы, посвященной вопросам положения ислама (его последователей) и религии в целом, изданной в условиях советского режима в рамках реализации атеистической концепции, возведенной в рамки государственной политики, резко отрицало не только диалог власти и религии, но и ставило под вопрос саму возможность существования и развития религиозных институтов (в том числе и ислама) в стране.

Одним из первых шагов к установлению диалога Советского государства и магометанской общины стало принятие 20 ноября 1917 г. обращения Совета народных Комиссаров РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором было сказано, что с момента принятия данного акта верования и обычаи, национальные и культурные учреждения магометан объявлялись свободными и неприкосновенными. В январе 1918 г. принимается Декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» [8]. Положительным моментом, с точки зрения установления диалога ислама с СССР, стало провозглашение свободы совести, сводившейся к праву каждого исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, равенству прав и обязанностей представителей всех конфессий и атеистов, недопустимости применения рели-

гиозными организациями мер принуждения и наказания к их участникам. Отрицательными же его последствием стали те положения Декрета, которые предполагали отделение церкви (религии) от государства, что на практике означало невозможность участия в государственной политике представителей той или иной конфессии.

До революции в мусульманских регионах страны - Средней Азии, Северном Кавказе - на законных основаниях действовали как исламские шариатские суды, так и суды обычного права - адата. Пришедшие к власти Советы, оценивая степень влияния духовенства на мусульман, не спешили вступать в открытое сопротивление с последним. И при реформировании судебной системы страны, проведенной в ноябре 1918 г., ни адатские, ни шариатские суды не были упразднены. Они продолжали выполнять свои административные и судебные функции с параллельно действовавшей системой народных судов. Однако, компетенция исламских судов властными распоряжениями руководства страны была значительно ограничена.

21 сентября 1927 г. Президиум ЦИК Союза СССР постановил: «В виду укрепления системы народных судов и явного стремления населения национальных республик обращаться к этим судам издание общесоюзного закона о шариатских и адатских судах признать нецелесообразным». Организация в стране новых шариатских судов была запрещена, а деятельность существовавших была ориентирована на соблюдение не только мусульманского права, но и светского.

Более того, законодатель не просто ограничил возможность действия в стране системы шариатских судов, но и существенно ограничил сферу действия существовавших религиозных судебных инстанций, тем самым занял позицию, направленную на искоренение такой системы.

К концу 20-х - началу 30-х гг. в стране окончательным образом вырабатывается партийная позиция в отношении судьбы конфессии в государстве, сво-

дившаяся к невозможности их дальнейшего легального пребывания. В соответствии с рассматриваемой позицией были разработаны план ее фактической реализации, а также отдельные элементы антирелигиозной политики Коммунистической партии.

Укрепление надежд мусульманской общины на установление диалога государства и религии, либерализацию отношения светской власти к духовным потребностям магометан произошло на третьем году Великой Отечественной войны. Осенью 1943 г было дано согласие на создание в Ташкенте Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. Некоторое время спустя были образованы Духовное управление мусульман Северного Кавказа (г. Буйнакск) и Духовное управление мусульман Закавказья (Баку).

Кризис отношений партии и религии усугубился с приходом к власти в СССР Н.С. Хрущева (1953-1964 гг.). Уже 7 июля 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [12. с. 429].

В качестве одного из достижений брежневской эпохи Советского Союза можно назвать открытие в середине 70-х гг. XX в. в Ташкенте Исламского института - второго официально разрешенного учебного заведения на территории страны. Существенно увеличилось и общее число официально зарегистрированных религиозных организаций и объединений. По данным «Литературной газеты», в 1982 г. на территории СССР функционировало более двадцати тысяч религиозных объединений различных культов, представляющих около 40 религий [13].

Начало перестройки ознаменовалось ренессансом российского ислама. Началом «оттепели» отношений религии и советского государства принято связывать со встречей иерархов Русской православной Церкви во главе с патриархом Пименом с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, состоявшейся 30 апреля 1986 г. На этой встрече М.С. Горбачев заявил, что декларируемые в

рамках новой государственной политической линии демократизация, гласность в полной мере должны относиться и к верующим, без каких-либо изъятий и исключений, а представители религиозных конфессий страны «имеют полное право достойно выразить свои убеждения» [20]. В 1989 г было зарегистрировано 337 мусульманских религиозных объединений, что в десять раз превышало их численность в 1988 г.

Возрождение ислама в России было связано не столько со сменой политических ориентиров страны, связываемых с периодом перестройки, сколько с требованиями, предъявляемыми сменой общественно-политической формации, к каким можно отнести: демократизацию общественно-политической жизни страны, в том числе, и демократизацию отношения к религии. Возрождение религии следует связывать не с увеличением числа религиозных организаций, не с увеличением числа молитвенных домов и религиозных учебных заведений, не с увеличением степени распространенности мусульманской литературы, но с легализацией ислама в сознании и поведении мусульманских этносов страны.

Ислам и совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама (шариат) оказали приоритетное влияние на формирование правовых систем мусульманских народов. Рассмотрим это влияние на примере народов Северного Кавказа.

Главной и исходной социальной средой горца XIV-XIX вв. был его джамаат - объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т.п. Отношения между джамаатами внутри общинного союза в определенной степени точно повторяли отношения внутри каждого из составлявших его сел, но только на более высокой ступени, поэтому общественная и хозяйственная жизнь этого союза была близка и понятна для всех его жителей. Большинство горцев принадлежало к сословию свободных и полноправных общинников, и каждый

из них оказывал влияние на джамаатскую власть, выдвигая из числа родственников старейшину своего тухума (семейной общины) или избирая должностное лицо на сельском собрании.

Джамааты имели право выходить из общинного союза, теряя при этом доступ к общинным пастбищам, теряли его военную поддержку, иногда выплачивали «отступное» в несколько сот голов скота. Таким образом, джамааты обладали политическим суверенитетом. В этом отличие горского джамаата от сельских общин других стран, в которых самостоятельность не шла дальше ограниченного суверенитета. В этом же одна из главных причин того, что Северный Кавказ не был единым централизованным государством.

В наши дни обычно считается, что все граждане равны перед лицом закона, и если законность не нарушается, то каждый из них обладает равными правами и обязанностями. Их объем не возрастает, не уменьшается и не меняется по причинам его вероисповедания и численности его рода, принадлежности его к какой-то общественной организации, а тем более - к жителям того или иного населенного пункта - в сегодняшних правовых ситуациях все эти детали вообще никого не интересуют (включая ответчика). Если все же на деле влияние родства, землячества или общественного положения проявляется на ходе и результатах юридических действий, то закон считает это преступным нарушением, а общественное мнение - явной несправедливостью. Точно так же нелепыми и незаконными считались бы, с точки зрения современного права, и попытки привлечь кого-либо к ответственности (в любой форме) по причине родства с преступником либо за преступление его подчиненного. Напротив, законным и справедливым считается личная, индивидуальная ответственность каждого за последствия своих действий (равно как и личное его вознаграждение) - попытки «разделить» ее с родственниками или односельчанами сочтут сейчас не только незаконными и несправедливыми, но и глупыми.

Сохранившиеся до наших дней записи обычаев народов Северного Кавказа (адатов) XVII - XIX вв. ясно показывают, что представления горцев того времени о справедливости не во всем совпадало с современным. Главное и существенное отличие - в самом общепринятом тогда взгляде на человека: в общественно значимых ситуациях он почти никогда не рассматривался как индивид, действия которого касаются только его самого. Напротив, почти всегда он рассматривается как неотъемлемая часть коллективного целого. Наиболее часты и жизненно значимы были ситуации, когда член традиционного горского общества выступал или в роли представителя своего тухума, или в роли представителя своего джамаата.

Похожее положение существовало у большинства народов мира в начальные периоды древности - у них точно так же человек перед лицом закона выступает как представитель (частица) какого-то исторически сложившегося коллектива (общины или сословной группы). Правовой взгляд на человека как на разумного индивида, целиком и полностью лично ответственного за вес последствия своих действий, возникал обычно лишь в итоге многовекового развития древних цивилизаций (римское право, шариат), но законченного выражения он достиг лишь в современном праве. В джамаатской среде тухум был самой серьезной гарантией защищенности жизни, личной неприкосновенности, имущества, юридических и политических прав любого из своих членов. Эти «механизмы защиты» были отработаны веками, в этом причина их эффективности, живучести и даже способности к совершенствованию и развитию. Поэтому считать тухум XV-XIX вв. «пережитком», вряд ли правильно - он действительно стал «пережитком», когда разрушился джамаатский строй и традиционное горское общество окончательно ушло в историю.

Горец-общинник XV-XIX вв., был активно вовлечен во все сферы общественной жизни джамаата на всех уровнях - от выборов властей на народ-

ном собрании до обязательного прямого участия в управлении, суде, распределениях общественных доходов и т. п. Это коренным образом отличает его от большинства современных граждан, которые видят свои права главным образом в том, что общество и государство не вмешиваются в его личную жизнь и не обязывают его к общественной активности.

Исконными нормами обычного права, полностью адекватными горскому обществу со всеми его особенностями, являлись адаты. Однако свои адаты имели почти все джамааты, так что если истец и ответчик принадлежат к разным селам, то прямое применение адата было вряд ли возможно - тогда старейшинам приходилось находить взаимоприемлемое решение для конкретных вопросов, опираясь на общую основу адатов. Возможность быстрого изменения той или иной нормы вело не только к расхождению в адатах даже соседних джамаатов, но и к известной неустойчивости норм: то или иное соглашение на их основе могло оказаться недействительным или неприменимым в случае ее изменения. Что же касается ситуаций тяжбы между представителями разных народов Северного Кавказа, то здесь адаты были вообще неприменимы, нужны были какие-то более универсальные правовые нормы. Такой универсальностью и стабильностью в значительной мере обладал шариат, действие которого распространялось на все пространстве исламского мира.

Нормы адата и шариата на Северном Кавказе отличались взаимопроникновением. С одной стороны, шариат вообще не отрицал всех норм адата - он отводил им ограниченное определенное место, например, включением их в категорию «урф» - т.е. местных обычаев, не противоречащих основам шариата и потому признаваемых (при этом, конечно же, приходилось отказываться от наиболее архаических и несовместимых с исламом адатов). С другой стороны, прошедшие через «сито» шариатских ограничений адаты, то и дело, в разной форме, постоянно подвергались коррекции со стороны шариата - результатом этого

стало усвоение адатами моментов шариата, которое зафиксировано и кодексами адата XVII в., и устными юридическими нормами горцев.

Шариат мог в той или иной мере менять содержание норм адата, но подобное же влияние адата на шариатские нормы было невозможно. Адаты влияли не на содержание этих норм, а на формы и способы осуществления шариатских судебных решений, т.е. на практику их проведения в своеобразной горской среде. Тут, прежде всего, следует отметить, что для горского менталитета, отраженного в адатах, почти неприемлемы такие принятые в шариате санкции, как смертная казнь, ответственное нанесение равного вреда (в том числе телесного), телесные наказания палками и т.п. - всему этому горская юридическая практика явственно предпочитает изгнания, штрафы и т.п.

Наиболее частые и серьезные отступления от шариата, так или иначе, оказывались связанными с феодальной средой. Наиболее частыми были две стороны проявления этой тенденции:

а) стремление горских джамаатов положить предел постоянному давлению феодалов - амиров и султанов - и их слуг, а также не допустить их проникновения в свою среду. Ради такого самосохранения джамаат не останавливался перед выборочным нарушением общешариатских норм, но только по отношению к амирам и султанам вместе со всей их челядью (хотя они и считаются мусульманами);

б) упорный консерватизм горской аристократии, не видящий для себя подходящей «ступени» среди признаваемых шариатом трех социально-правовых групп, и потому сохраняющий в своей замкнутой среде (только для «внутреннего употребления») в своем узком кругу) наиболее архаические адаты, противоречащие шариату, но зато консервирующие целый набор наследственных и брачных норм, которые помогают сохранить корпоративную сплоченность и придают «благородному сословию» черты настоящей замкнутой касты.

В общем, в основе обоих этих «уклонений» от шариата лежало сознание

сословной исключительности, кастовой замкнутости горской аристократии. Оно резко констатировало с определенной симпатией к шариатскому равенству в широкой среде рядовых общинников, которая проявилась и в «исправлении адатов», и во многом другом. Но горское общество не стояло на месте. На рубеж XVII - XVIII вв. приходится мощная политическая дестабилизация на Кавказе - она была следствием падения Сефевидской державы. Те незаметные, мелкие (но зато многочисленные) перемены в хозяйственной и общественной жизни, которые исподволь и постепенно накапливались в горском обществе, стали, наконец, открыто проявляться после сокрушительного полувекового политического «сдвига», особенно это заметно в Дагестане после Надир-шаховых войн. Письменные источники, а еще более народные предания, красноречиво показывают начавшийся надлом того цельного традиционного общественного сознания, которое по меньшей мере с XV в. было прочным «каркасом» - опорой горского общества, зато рука об руку с ростом хозяйственной активности, расширением внешних контактов усиливаются и индивидуалистические моменты в общественном сознании. Полвека междоусобной борьбы княжеских домов, завершившееся десятилетней войной с Ираном (1734-1745 гг.), означали гибель и смерть многих десятков тысяч людей

(и, прежде всего, хранителей и носителей традиций), материальное и моральное оскудение, глубокое нарушение традиционного ритма и размеренности жизни джамаатов, прерывание вековых внутренних связей. В результате во второй половине XVIII в. участились отступления от норм обычного права, появилось множество людей, готовых ради скоротечного индивидуального успеха нарушить какие угодно общественные нормы, поскольку не могли уже ответить им немедленными общественными санкциями. Именно к этому времени относится большинство местных преданий о захватах и разделах общественных угодий, о неподчинениях джамаату, о хитрых уловках в решении споров, о злоупотреблениях властью и общественным доверием и т. д. и т. п. Если же говорить о «благородном сословии», то в их среде подобный стиль поведения стал не исключением, а правилом, особенно в общении за пределом своего «кастового круга».

Такое состояние общества не могло длиться бесконечно. Наиболее проницательные и ответственные люди уже тогда стали склоняться к выводу, что положение может спасти только обращение к системе неких общеобязательных норм, согласие общества добровольно подчиниться им. Ближе всего к такой безусловной нормативной системе оказался в то время шариат.

Список литературы

1. Абдулатипов Р.Г. Судьба ислама в России: история и перспективы. - М.: Мысль, 2002. - 317 с.
2. Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. - СПб.: Лань, 2001. - 687 с.
3. Асадуллин Ф.А. Ислам в Москве. - М.: Лотос, 2007. - 122 с.
4. Валеев Р.М., Набиев, Р.А. История ислама в России. Этапы распространения ислама на Кавказе, в Средней Азии и Восточной Европе // Ислам и мусульмане в России / под общ. ред. М.Ф. Муртаулина, А.А. Нуруллаева. - М.: Изд-во «КДТ», 1999. С. 108-112.
5. Гайнутдин Р. Ислам в современной России. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. - 320 с.
6. Грязневич П.А. Коран в России (изучение, переводы и издания) // Ислам. Религия, общество, государство. Сб. статей / отв. ред. П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. - М.: Наука, 1984. С. 76-82.
7. Законодательство Древней Руси. В 9 т. Т.1. / под общ. ред. О.И. Чистякова, отв. ред. тома В.Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. - 430 с.
8. Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета

рабочих и солдатских депутатов. - 1918. - 1 февраля.

9. Каппелер А. Мусульманские народы России: Историческое введение // Ислам в Евразии. - М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 98-118.

10. Керимов Г.М. О возможности применения некоторых норм мусульманского права и шариата в в регионах Кавказа и Поволжья // Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России» (Северный Кавказ, Поволжье) / Сост. и ред. И.М. Бабич, Л.Т. Соловьева, вып. 2. - М.: РУДН, 2004. С. 208-212.

11. Климович Л.И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии. - М.: Политиздат, 1988. - 288 с.

12. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. - М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. - 542 с.

13. Литературная газета. - 1982. - 7 июля.

14. Мизун Ю.В., Мизун Ю.Г. Ислам в России. - М.: Вече, 2004. - 368 с.

15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое, 1770-1774. - СПб., 1830. - Т. 11. - № 8664.

16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое, 1767-1769. - СПб., 1830. - Т. 18. - № 12949.

17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. 1832. - СПб., 1833, - Т. 7.- № 5500.

18. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе, 1836. СПб., 1837. - Т. 11, отделение 1-е. - № 9158.

19. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе, 1846. - СПб., 1847. - Т. 21, отделение 1-е. - № 20036.

20. Правда. - 1986. 30 апреля.

21. Хара-Даван. Э. Чингисхан как полководец и его наследие на стыке континентов и цивилизаций. – Алма-Ата: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992. - 269 с.

22. Шихсаидов А.Р. Ислам и исламская культура в Дагестане. - М.: Восточная литература, 2001. - 262 с.

Особенности становления и развития государства и права в Золотой Орде, Великом княжестве Литовском и Московском царстве

В статье проведен сравнительный анализ становления и развития государства и права в трех крупнейших государствах Восточной Европы в XIII-XV веках: Золотой Орде, Великом княжестве Литовском и Московского царства. Автор приходит к выводу, что цивилизационные различия Московского царства от Золотой Орды и Великого княжества Литовского обусловили особенности становления и развития в нем государства и права, а заимствования некоторых элементов государства и права указанных государств в Московском царстве имели технический, внешний характер.

Ключевые слова: Золотая Орда, Великое княжество Литовское, Московское царство, цивилизация.

D. Vornovskikh

Features of Formation and Development of State and Law in the Golden Horde, Grand Duchy of Lithuania and the Moscow Kingdom

The comparative analysis of formation and development of state and law in three largest states of the Eastern Europe in the XIII-XV centuries - the Golden Horde, Grand duchy of Lithuania and the Moscow kingdom - is carried out in the article. The author comes to a conclusion that civilization distinctions of the Moscow kingdom from the Golden Horde and Grand duchy Lithuanian caused features of formation and development in it state and law, and loans of some elements of the state and the right of the specified states in the Moscow kingdom had technical, external character.

Key words: Golden Horde, Grand duchy of Lithuania, Moscow kingdom, civilization.

В XIII-XV вв. крупнейшими государствами Восточной Европы были Золотая Орда, Великое княжество Литовское и Московское царство. Государство и право в этих государствах развивалось различными путями, но вместе с тем можно обнаружить некоторые сходные черты государства и права Московского царства с государством и правом Золотой Орды, с одной стороны, и государством и правом Великого княжества Литовского, с другой стороны.

Золотая Орда как самостоятельное государство выросло из улуса Монгольской империи, когда в 1242 г. после похода на Русь и Центральную Европу «улус» Джучи разделился на два улуса - владения двух ханов: «Бату» и «Орды». Государственная территория «Бату» име-

новалась в русских источниках «Орда», и только после свержения ига, со второй половины XVI века за ней в отечественных источниках закрепилось название «Златая Орда».

В ходе становления Золотой Орды как улуса Монгольской империи, который охватывал значительные территории, в том числе и русские земли, происходит синтез и частичное вытеснение кочевых традиций опытом государственности, заимствованным у китайцев, а также у исламских государств. Применительно к Руси это выразилось, в частности в том, что основным «золотоордынским» правительственным учреждением была Казна, должностные лица которой - «баскаки» в каждой «области» имели свой штат сборщиков дани и других сборов. Подат-

ное население подлежало переписи и делилось на «десятки», «сотни», «тысячи» и «тмы» (десятки тысяч), что облегчало сбор налогов.

О «золотоордынских» законах и обычаях указывал Джованни дель Плано Карпини: «Далее, у них есть закон или обычай, убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии; также если и девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину. Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления. Точно так же если кто-нибудь открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой. Точно так же когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию. Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги» [4, с. 381-382].

Источниками права Золотой Орды являлись: 1) грамоты, ярлыки, повеления местным управителям и другие документы - результат законодательной деятельности «золотоордынских» ханов; 2) собрание монгольских законов и обычаев «Великая Яса»; 3) «сокровенное сказание» (памятник права более позднего происхождения); 4) «шариат» (по шариату рассматривались дела о религиозных преступлениях); 5) обычное право монгольских племен. Правовые нормы не отграничивались от норм нравственных, религиозных. Так, «Яса» грозила суровой карой всякому, кто прыгал через огонь, стол, чашку, стирал одежду, возвращался по той дороге, по которой выезжал. Запрещалось под страхом смерти проходить по тому месту, где была ставка хана, опускать руку в текущую воду.

Судебные учреждения Золотой Орды имели ярко выраженный классовый характер. Высшая судебная власть при-

надлежала хану. На местах правосудие вершили правители «улусов», отдельных областей и войсковых частей. Для рассмотрения малозначительных дел существовал специальный судебный орган - «диван-яргу», который возглавлял главный судья. Низшими инстанциями судебных учреждений были местные суды во главе с «яргучи» (судьей). Позднее появились мусульманские судьи - «кади».

Великое княжество Литовское возникло на литовских, а также русских землях бывшей Киевской Руси, куда не дошли монголы. Русские земли в то время представляли собой конгломерат независимых политико-территориальных единиц - княжеств и феодальных городов-республик (Новгород и Псков). При этом характер взаимоотношений данных политических образований нельзя в полной мере назвать межгосударственными. На огромной территории бывшей Киевской Руси сохранялся практически единственный правящий княжеский род Рюриковичей, господствовала православная религия, государственным и единственным письменным языком оставался русский. Несмотря на утрату Киевом значения единого политического центра для всех русских княжеств, политико-правовая доктрина единого русского государства сохраняла свою силу во всех слоях общества.

Образование Великого княжества Литовского, которое часто называют литовско-русским государством, связывается с началом княжения Миндовга (1237 г.) в Новогрудском княжестве и подчиненных ему землях литовских племен, а также в Белой и Черной Руси.

В литовско-русском государстве сохранялись многие институты государства и права Киевской Руси. Великий князь Литовский, не располагая значительными собственными ресурсами и собственно княжеским доменом, мог править, только обладая поддержкой русских феодалов. В литовско-русском государстве не утверждается династии литовских князей, каждый из новых правителей должен был заручиться поддержкой

феодалной элиты, и в первую очередь русской. Другими словами власть правящих литовских князей носила делегированный характер. Великие князья призывались вечевыми собраниями, вельможными панями Рады, а также собраниями сеймов. В государстве не закрепился устойчивый порядок престолонаследия.

Государственная власть в Великом княжестве Литовском была децентрализована. В отдельных княжествах, входивших в состав литовско-русского государства, действовали институты древней удельной лестничной системы престолонаследия. Удельные князья обладали значительной политической властью, ограничивая тем самым власть Великого князя литовского. В последующем (в связи с реформами государственного строя) власть удельных князей была в значительной степени урезана в пользу власти феодальных съездов знати и шляхты.

Государственное устройство носило сложный характер и представляло своеобразную феодальную «федерацию» самоуправляющихся земель. Существовала взаимосвязь военной организации и системы государственного правления. В руках феодалов сосредоточивалась военная и гражданская власть, а также суд над местным населением. Преобладающее значение имело вотчинное землевладение, крепостная зависимость сельского населения от феодалов.

В литовско-русском государстве господствовали феодальные отношения сюзеренитета-вассалитета. Это связывало его политическую систему как с православным Великим княжеством Северо-Восточной Русской земли, так и с католическим миром.

Система государственного управления княжества представляла собой синтез языческой литовской, южной и юго-западной русско-православной государственных традиций и транслируемых через Польшу элементов западноевропейского государственного права, в частности городского самоуправления. Поликонфессиональный, полиэтничный характер населения и различные традиции государственного управления создавали

предпосылки для заключения договорных отношений между центральной властью и отдельными владетелями.

Основные функции государственного управления на местах сосредоточивались в руках знати и шляхты в противовес великокняжеской администрации. В городах существовало ограниченное самоуправление при контроле со стороны великокняжеской или местной феодальной администрации.

Что касается источников права Великого княжества, то определение их представляет значительную сложность. Великое княжество - это конгломерат множества политико-территориальных единиц, находившихся на различных уровнях политико-правового развития. В государстве одновременно действовало несколько правовых систем. Тесная политическая взаимосвязь с русскими землями и Польшей создает определенные трудности определения пределов действия русского, польского или собственно права Великого княжения [3, с. 15-20].

Перечень источников права в традиции язычников и христиан, литовских племен, католического и православного населения, городов, принявших магдебургское право или сохранивших некоторые остатки правовых традиций вечаемого самоуправления, русских, литовских или польских феодалов, православного и католического духовенства и т. д. крайне различен и противоречив.

Начало собственно законотворческой деятельности литовских князей приходится на вторую половину XIV в. Важнейшей формой определения политико-правового устройства становятся «привелеи», издаваемые Великими литовскими князьями. Высшей формой кодификации публичного права становятся: Судебник 1468 г., Великие литовские статуты 1529 и 1566 г. и др.

Тексты уний, составлялись в форме союзных или вассальных договоров с католической Польшей 1385, 1401, 1413 гг. и др. вплоть до Люблинской унии 1569 г., ликвидировавшей суверенитет литовско-русского государства.

Правовую основу Великого княжества составили нормы русского права, во многом не реципированные, а продолжавшие свое действие. Вместе с нормами русского права в Великом княжестве действовали правовые предписания Византийской империи, Польши, императоров Священной римской империи германской нации, католических рыцарских орденов, степных государств, заимствованные правовой культурой Киевской Руси, а также Чехии и Венгрии. Брачно-семейное право во многом регулировалось каноническими предписаниями православной и католической церкви и обычаем.

Постепенно в литовско-русском государстве складывалась своя собственная правовая система, отличавшаяся от фундаментальных оснований русской государственности. Но опора на традицию как схоластический метод познания и юридической техники была обязательна. Например, при вступлении на престол Великого князя Александра в 1492 г. Петр Монтыngerдович, воевода феодального ополчения, указал новому правителю, что править должно: «не по итальянскому обычаю, который является лицемерным, и не по чешскому или по немецкому, а по настоящему литовскому и Витольдову примеру» (т. е. Великого князя Витовта).

Витовт провел значительную реформу политико-территориального устройства страны, привнеся множество новелл в законодательство литовско-русского государства. Время действия правовой нормы превращало ее в традицию и необходимый элемент фундамента издания иных нормативных предписаний.

Реформы законодательства носили во многом компромиссный и противоречивый характер. Издавая законодательное постановление, Великие князья подчеркивали преемственность действия традиционных правовых норм, т. е. наследия права Киевской Руси, уже ставших правовой традицией в Великом княжестве Литовском.

Этногенез великорусского этноса и создание единого Русского (Москов-

ского) государства проходили в сложнейших геополитических условиях, условиях борьбы с исламизированной Золотой Ордой и принявшей католицизм Литвой (а затем Речью Посполитой) - мощнейшими военными державами средневековья. Местом развития единой русской государственности становится Северо-Восточная Русь, представлявшая собой во второй половине XIII - начале XIV вв. конгломерат самостоятельных княжеств с сильными центробежными тенденциями, не составляя целостной государственно-политической системы, но сохраняя практически не институционализированную общность.

В начале XIV века дробление княжеских уделов почти прекращается. По мере развертывания процесса этногенеза великороссов доминирующей становится тенденция политического объединения русских земель. Наименее пострадавшими от нашествия, богатыми и территориально крупными в их системе были Новгородская и Псковская республики.

Централизаторский импульс первоначально исходил из Владимира, куда на рубеже XIII-XIV вв. переместилась кафедра митрополита Киевского и всея Руси. К первой половине XIV в., однако, Великое Владимирское княжество пришло в упадок. Оно распалось на мелкие уделы, князья которых вели борьбу за обладание владимирским столом. Во всех этих удельных княжествах продолжали развиваться традиции управления, сложившиеся во Владимиро-Суздальской Руси.

К началу XVI в. из ранее разрозненных русских княжеств сложилось единое Московское государство. К этому времени оно, в основном, освободилось от монголо-татарского ига, а к 1480 г. добилось полной независимости от Золотой Орды. Однако централизация государственного управления в Московском княжестве не была завершена, оно сохраняло значительное разнообразие и архаические порядки.

Главой государства был «Великий князь всея Руси» - титул, утвердившийся

за Иваном III. Он обладал законодательными, административными и судебными полномочиями, которые постоянно расширялись. Его статус складывался и развивался в контексте православного понимания власти.

Важнейшим центральным органом управления, наряду с Великим князем, стала Боярская дума, которая выросла к XV в. в постоянно действующий орган. Деятельность Думы строилась на принципах местничества и дифференциации функций.

Параллельно со становлением Боярской думы шел процесс трансформации дворцово-вотчинного управления. Объединение русских земель привело к утверждению функционального управления, сменившего территориальное (дворцовое). Прежняя система управления стала перерастать в «приказную» систему. Административно-территориальное деление и, соответственно, местное управление не было унифицированными, что ставило задачу дальнейшей централизации государственного управления.

Правовое оформление функционирования единого Московского государства находило в актах Боярской думы и «приказов», договорах удельных князей с Великим князем, международных соглашениях. Важным фактором укрепления государственности стал первый общерусский судебник Ивана III (1497 г.), усиливший борьбу с государственными преступлениями и положивший начало формированию крепостного права.

В XVI в. в Московском государстве завершился процесс создания централизованного государства; сформировался механизм управления (самодержавие); определился характер взаимоотношений, с одной стороны, между государством и феодалами (полное подчинение власти царя), а с другой - между феодалами и крестьянами (крепостная зависимость).

Проводившиеся в государстве преобразования нашли отражение в активной правотворческой и правоприменительной практике. В рассматриваемый период были изданы Судебник 1550 г., Уложение о службе 1555-1556 гг., много-

численные акты «Избранной рады», Земских соборов и Ивана Грозного, которые обеспечили создание центральных органов управления (приказов); проведение «земской», «губной» и судебной реформ; создание постоянного стрелецкого войска; ограничение местничества, феодальных иммунитетов и прав церкви; несение воинской службы боярами и дворянами; введение в городах выборного самоуправления.

Путь развития общества, который был обозначен реформами, проводившимися в 50-е гг. XVI в., в перспективе мог привести к укреплению сословно-представительной монархии. Однако этот процесс был прерван введением «опричнины» и установлением самодержавия.

Главным результатом «опричнины» стал новый механизм власти, с помощью которого стало возможным управлять огромной страной, не поощряя, а наоборот, гася ростки демократии. На смену сословно-представительной монархии в результате опричного переворота пришло самодержавие как форма политической и государственной организации господствующего класса. Никаких реальных возможностей ограничения власти Ивана Грозного ни Боярская дума, ни изредка созываемые в этот период Земские соборы не имели. Наконец, одним из факторов, предопределивших переход к «опричнине» как инструменту управления страной был также фактор субъективный - стремление Ивана Грозного к неограниченной власти. Необходимо отметить, что эффективная система управления предполагает наличие: эффективно действующего государственного аппарата; разнообразных форм самоорганизации общества; оптимального разграничения полномочий между государством и обществом; развитых форм обратной связи между обществом и государством, позволяющих минимизировать ошибки государственного аппарата. По этому пути в XV-XVI веках шли наиболее развитые страны Западной Европы. В этом же направлении повели Россию в 50-е годы XVI века деятели «Избранной рады». Но параллельно внутри элиты вы-

зревала тенденции, которые в совокупности с субъективным фактором (личные качества Ивана Грозного) направили развитие страны по противоположному пути.

Для достижения единоличной власти царь в 1564-1565 гг. применил технологии, которые в будущем с успехом будут использоваться и другими российскими правителями. Во-первых, он применил такой прием, как шантаж своей отставкой (отказ от власти и отъезд в Александровскую слободу), заранее рассчитав, что она не будет принята. Таким способом царь получил возможность диктовать боярам условия своего возвращения на трон, в том числе право бесконтрольной власти формально в «опричнине», фактически - на территории, всей страны. Во-вторых, Иван Грозный через голову бюрократии напрямую обратился к народу (грамоты жителям Москвы, посланные из Александровской слободы) с целью направить энергию недовольства масс против бюрократии. В-третьих, для преодоления сопротивления государственного аппарата царь сформировал параллельный, в данном случае «опричный» аппарата управления.

Последствиями утверждения самодержавия были: прекращение феодальных усобиц, создание условий для развития культуры, ремесла, торговли, земледелия и одновременно - разорение значительной части территории страны и тяжелейший экономический кризис 70-80-х гг. XVI в., поражение в Ливонской войне и потеря принадлежавшего России Балтийского побережья, катастрофическое падение международного престижа России, превращение русских дворян в холопов самодержавия, фактическое закрепощение крестьян, создание условий для «Смутного времени».

Какое влияние на становление государства и права в Московском царстве сыграл опыт соседних Золотой Орды и Великого княжества Литовского?

В научной литературе проблема влияния ордынской государственности на систему управления в русских княжествах является дискуссионной. Как пред-

ставляется, следует иметь в виду, что государственность Золотой Орды представляла собой симбиоз кочевых институтов управления и обычного права с исламской государственно-правовой парадигмой, а русская государственность - институционализацию земледельческого общества и православного понимания власти и права.

Нашествие Чингизидов и длительная зависимость от Золотой Орды, несомненно, оказали влияние на особенности русского политогенеза, но качественные различия двух цивилизационных систем исключали прямое заимствование государственно-правовых традиций. Отдельные из них, если и имели место, то носили чисто технический характер (в сфере налоговой системы, ямско-почтовой службы и т.п.).

Завоеватели обложили русские княжества данью, но непосредственное управление на местах сохранили за русскими князьями, которым выдавали ярлык на княжение, превращая их тем самым в должностных лиц Золотой Орды - «баскаков».

Примерно с XIII в. усиливаются цивилизационные расхождения в развитии России и Западной Европы. На формирование более молодой (хотя и традиционно преемственной) русской цивилизации, этнических стереотипов поведения, его мотивации, образ мышления людей оказал влияние «исихазм».

В противовес утвердившемуся в Европе теологическому рационализму и зародившемуся гуманизму с его антропоцентризмом, вниманием к приоритетному удовлетворению материальных, чувственных и физиологических потребностей (что, в конечном счете вылилось в Реформацию) «исихазм» отстаивал приоритет духовных ценностей, внутреннюю, а не внешнюю свободу человека и призывал к индивидуальному пути к Богу через аскетизм, ограничение материальных потребностей и сосредоточение сознания на самом себе. Складывающаяся русская цивилизация детерминировалась православным типом духовности, евразийскими природно-ландшафтными условиями,

самобытной государственностью, особенностями правовой культуры, менталитета и хозяйственной жизни.

Тем не менее, в Московском царстве были заимствованы некоторые элементы правовой системы Великого княжества Литовского. Так, например, в 1529 г. был принят первый или старый Статут Великого княжества Литовского, оказавший существенное значение для развития и русского права, и сам основанный на Русской Правде и русском обычном праве. В 1566 г. появилась вторая редакция или второй Литовский Статут, в 1588 г. – третий Статут. Впоследствии Литовские Статуты стали одним из источников русского Соборного Уложения 1649 г. [2, с. 25, 45]. Литовские Статуты и правила литовского судопроизводства продолжали действовать на территории Украины, воссоединенной с Рос-

сией по решению Переяславской Рады 1654 г. Это обстоятельство, а также сосредоточение исполнительной и судебной властей в руках избираемого украинским населением гетмана, свидетельствовало о некоторой автономии Украины в составе России. Гетманство на Украине было упразднено в 1764 г., а собственная правовая система Украины, основанная на литовском праве, сохранилась до 1783 г. [1, с. 31-32].

Таким образом, цивилизационные различия Московского царства от Золотой Орды и Великого княжества Литовского обусловили особенности становления и развития в нем государства и права, а заимствования некоторых элементов государства и права указанных государств в Московском царстве имели технический, внешний характер.

Список литературы

1. Григонис Э.П. Государственный механизм России: история и современность. - СПб.: СПбГУАП; СПбУ МВД России, 1999. - 112 с.
2. Исаев И.А. История государства и права. – М.: Изд-во БЕК. 1993. - 255 с.
3. Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? - СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1839. - 42 с.
4. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618г. / под. ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. - М.: ВЛАДОС, 2004. - 656 с.

Проекты реформирования государственного управления в России в политико-правовых учениях первой четверти XIX века

В статье рассмотрены конституционные проекты, разработанные Н.М. Карамзиным, Н.М. Муравьевым, Н.Н. Новосильцевым, П.И. Пестелем, М.М. Сперанским. Авторы приходят к ряду выводов, в частности, о том, что несовершенство и несправедливость общественного устройства в первой четверти XIX в. сторонники либерализации власти и управления предлагали устранить за счет введения конституционной монархии, а представители демократической общественности считали необходимым установление республиканской формы правления

Ключевые слова: государственное управление, конституционный проект, либерализация, консерватизм.

A. Kudimov, V. Kalenskiy

Projects of Reforming of Government in Russia in Political-Legal Doctrines of the First Quarter of the XIX-th Century

The article covers constitutional projects developed by N. Karamzin, N. Muravyev, N. Novosiltsev, P. Pestel, M. Speranskiy. Authors come to a number of conclusions, in particular, that in the first quarter of the XIX century supporters of liberalization of the power and management suggested to eliminate imperfection and injustice of a social system at the expense of constitutional monarchy introduction, and representatives of the democratic public considered necessary an establishment of the republican form of government.

Key words: government, constitutional project, liberalization, conservatism.

К началу XIX в. все заметнее становилось противоречие между качеством государственного управления и духовным, культурным подъемом, ростом национального самосознания, формированием новых идейных и политических ценностей в российском обществе.

Внутреннее и международное положение Российской Империи, очевидный развал ее административной системы, круговая безответственность, взяточничество, казнокрадство, беззаконие в органах центрального и местного управления обострили потребность радикальной реорганизации системы власти и управления в целом, побудили к поискам более эффективного ее устройства. Обстановка, в которой они происходили, характеризовалась столкновением консервативной, либерально-модернистской и радикально-модернистской концепций относительно судьбы управления. Эти

поиски отразили формировавшиеся и все явственнее обозначавшиеся тогда три основных идейных общественно-политических направления, предлагавших варианты путей дальнейшего существования России. Кроме того, в первой половине XIX в. высказывались и западнические, и славянофильские, и революционно-демократические, и социалистические и другие идеи о характере преобразования власти, управления, всего государственного устройства. Проявлялось и влияние масонских лож, сеть которых были охвачены широкие круги дворянства, высокопоставленная и служилая бюрократия, определявших нередко судьбу проектов государственного управления.

Многочисленные проекты преобразования системы управления, ее отдельных отраслей и звеньев, государственного строя создавались в строго секретной обстановке, в тайных кружках и

обществах либерально и радикально настроенных дворянских кругов, в том числе и по поручению Императора. Авторами данных проектов были императорские сановники В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, П.Я. Вяземский, М.М. Сперанский, А.А. Аракчеев, Д.А. Гурьев, Б.Б. Кампенаузен, Е.Ф. Канкрин, П.Д. Киселев и др. П.А. Строганов составил записку-набросок конституции. А. Чарторыйский поддержал план замены коллегий министерствами.

Разные по характеру и целям проекты воплотили новый уровень государственного мышления, осознанную потребность в новой организации власти и управления, адекватной новой исторической ситуации. Так, например, представитель высших образованных сфер дворянства Н.С. Мордвинов предлагал переход к конституционным формам государственного управления, предоставлению гражданских прав лицам недворянского происхождения, созданию статуса свободного человека и гражданина, освобождению крестьян от крепостной зависимости.

Концептуальностью, четкой системой предложений отличались конституционные проекты М.М. Сперанского, Н.Н. Новосильцева, П.А. Вяземского, декабристов П.И. Пестеля и Н.М. Муравьева. Общим для них являлись признание несоответствия системы власти и управления новому времени, неэффективности самодержавного управления, несостоятельности его феодально-крепостнических устоев, необходимости введения конституционных основ, функционального разделения органов законодательной, исполнительной, судебной власти, создания сословных представительных учреждений в центре и на местах, ведомственной системы по всей вертикали исполнительной власти, реорганизации устаревшей и пораженной пороками сферы управления, наделения сословий политическими и гражданскими правами.

Статс-секретарь М.М. Сперанский вручил Александру I в октябре 1809 года «Введение к уложению государственных законов» [5, с. 335-394], содержащее вме-

сте с другими примыкавшими к нему документами общий план государственных преобразований в России. Предлагалось перестроить государственную систему на основании принципов законности, конституционности, разделения и сочетания функций законодательных, исполнительных, судебных органов власти, выборности представительных сословных учреждений снизу доверху и чиновников, ответственных перед народом.

Исходя из приоритета законности в образе правления, М.М. Сперанский обосновал необходимость «начертать план конституции», «определить разум коренных государственных законов», права державной власти, образ составления законов, их силу и действие, политические и гражданские права различных групп населения, составить Государственное уложение, издать на этой основе новое «внутреннее политическое бытие России», верховную власть короны сочетать с системой управления из трех вертикалей учреждений, имеющих земский, выборный характер.

Законодательную вертикаль должны были представлять:

а) волостная дума из всех земельных собственников волости и из старейшин государственных (казенных) крестьян по одному от 500 душ, выбирающая судей в волостной суд и депутатов в окружную думу на 3 года;

б) окружная дума, выбирающая в окружной суд, в совет при окружном правлении и депутатов в губернскую думу;

в) губернская дума, выбирающая депутатов государственной думы, губернский суд и совет губернского управления;

г) государственная дума в составе депутатов всех сословий, которая стоит во главе вертикали, собирается ежегодно на общее собрание, рассматривает и одобряет вносимые властью монарха законопроекты, смету доходов и расходов, формулирует свои письменные представления о нуждах народа, отдельных сословий, об ответственности министров, указывает, какие и как нарушаются корен-

ные государственные законы в распорядительных актах государственных структур.

Все думы имеют председателей, а Государственная дума еще и канцлера.

Исполнительную вертикаль представляют:

а) министерства во главе с министрами, назначенными монархом;

б) губернатор в губернии, назначаемый монархом и одновременно чиновник министерства внутренних дел, зависимый от министра, при губернаторе - губернское управление, подчиненное Сенату;

в) вице-губернатор в округе и окружное управление;

г) уездный начальник с канцелярией, при нем полицейское начальство, городничие, исправники;

д) волостной начальник.

Судебная вертикаль представлена Сенатом, губернскими, окружными, уездными, волостными судами третейского или мирового характера, при выборности судей и участии присяжных заседателей.

Сенат оставался высшей судебной инстанцией. Сенаторы назначались монархом на пожизненный срок из числа представителей, избранных губернскими думами в Государственную думу. В Сенате вводились должности министра и канцлера юстиции.

Функции вертикалей кратко выражались следующей формулой: «Госдуме вверяется закон. Сенату - суд. Министерству - управление».

Все вертикали управления замыкаются на Государственном совете. Этот орган предлагался в качестве особого высшего учреждения совещательного характера для предварительного рассмотрения исходящих от Императора проектов законов, годовых смет доходов и расходов, а также для наблюдения за исполнением законов с целью упорядочения законодательства, но без вмешательства в функциональный надзор Сената.

В Государственном совете должна быть сосредоточена законодательная сфера. Он мог, таким образом, обеспе-

чить единообразие юридических норм, исключить возможные противоречия в законодательных документах.

Монарх назначает в Государственный совет 35 высших сановников из аристократической элиты, в том числе и по должности как министров, председательствует сам или по его поручению один из членов совета. Предусматривались:

а) общее собрание Совета;

б) четыре департамента: экономики, военных, гражданских, духовных дел во главе с назначенными на полгода председателями:

в) канцелярия во главе с государственным секретарем, четыре ее отделения во главе со статс-секретарями для организации текущей работы департаментов и всего Совета;

г) комиссии составления законов и прошений на высочайшее имя.

Таким образом, М.М. Сперанский считал возможным исправить несовершенство и несправедливость общественного устройства в России, обеспечить эффективность государственного управления посредством сочетания монархического правления и выборного представительства сословий в государственном управлении, разделения и взаимодействия законодательной, исполнительной, судебной вертикалей власти, разумного и четко организованного законодательства, обучения широких слоев населения.

Проект Н.Н. Новосильцева «Государственная уставная грамота Российской Империи» [3, с. 409-445] являлся оригинальным проектом государственного устройства и управления на консервативно-умеренной основе с учетом польской (1815 г.) и финляндской (1810 г.) конституций, материалов М.М. Сперанского, первого опыта созданных незадолго до этого Государственного совета и министерств.

Появление «Грамоты» связано с декларативным обещанием Александра I в польском сейме (весна 1818 г.) дать России конституцию, его поручением своему представителю в Варшаве Н.Н.

Новосильцеву разработать ее проект. Подготовленная с участием П.А. Вяземского «Грамота» была передана царю осенью 1820 г. Экземпляр ее на французском языке хранился в архиве наместника в Польше и стал достоянием польских повстанцев в 1831 году. Он опубликован в Западной Европе оппозиционными царскому режиму силами. Во французском оригинале название звучало как «Конституционная хартия Российской империи», известен и как «Конституция Н.Н. Новосильцева». . Из шести глав, имеющих 191 статью, план реорганизации управления отражен наиболее полно во второй – «О правлении Российской Империей» (ст. 9-77) и четвертой - «О народном представительстве» (ст. 99-164).

Пирамиду управления государством венчала державная власть в лице Государя Императора, который объявлялся верховным главой общего управления Империей, единственным источником законодательной, политической, гражданской, военной власти, наделялся исключительным правом издавать, изменять законы, уставы, указы, повеления. Он возглавляет Государственный совет, государственный сейм - новое представительное учреждение, Сенат; формирует их состав, назначает глав местных администраций; правит на основе конституции – «Уставной грамоты Российской империи», в соответствии с которой должна строиться и функционировать система управления.

В отличие от проектов М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева, содержащих предложения по либерализации власти и управления на началах законности, многословности, выборного представительства, сторонники консервативного традиционализма исходили из самобытности российского государственного устройства, стремились сохранить средневековые устои самодержавного управления, допускали лишь отдельные административные изменения, как вынужденные, но во имя сохранения незыблемости строя. Такую идеологию утверждали в российском сознании представители царской фамилии, особенно вдова Павла I

Мария Федоровна и ее дети: Александр I, допускавший в молодости либеральные суждения, Константин, Елена, Николай и влиятельные противники либеральной, тем более радикальной, модернизации власти и управления.

В сочиненной по заказу Великой княгини Елены Павловны «Записке о древней и новой России» [1] Н.М. Карамзин воскресил идею священного характера самодержавной власти, стремился фактами истории убедить в том, что самодержавие есть коренное начало современного русского государственного порядка. Государь же есть «живой закон», «единственный законодатель, единственный источник власти». Необходимо и «благодетельно» сохранить неравенство сословий, крепостничество, незыблемость коренных основ строя, заимствовать отдельные полезные стороны опыта других стран, но сберечь устоявшиеся в России политические, управленческие структуры, «основания Российской монархии, законодательство, губернаторство, органы полиции, назначить в органы управления достойных монаршего доверия людей благородного дворянского сословия».

Н.М. Карамзин осуждал и считал противным российскому образу самодержавного управления обращение М.М. Сперанского к кодексу Наполеона и его перевод на русский язык, предложения начать Русское уложение главой о правах гражданских. Он назвал это попыткой шить для России кафтан по чужой мерке. Карамзин требовал «более мудрости хранительной, нежели творческой», утверждал: «Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иноземным державам ... то в наше время будет еще страшнее».

«Записка» стала основой российского политического консерватизма, была направлена против реформаторских планов и действий М.М. Сперанского. Формула Н.М. Карамзина «самодержавие, православие, отечество» превратилась в подновленную С.С. Уваровым триаду «православие, самодержа-

вие, народность», ставшую сердцевиной теории «официальной народности».

Конституционный проект П.И. Пестеля, названный в память древнерусского свода «Русская правда, или заповедная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного Верховного правления» [2, с. 84-104], содержал программу постепенной замены личного управления «самодержавного тирана» демократической, республиканской системой управления, построенной на принципах народного представительства снизу доверху, базирующейся на конституции, единой и прочной законной основе.

П.И. Пестель считал настоятельной необходимостью для управления государством создать свод законов гражданского общества, или государственное уложение. В нем планировались три части:

1. Устав, определяющий состав гражданского общества, общественное состояние граждан.

2. Наказ, содержащий правила действия правительства.

3. Судебник с правилами деяний и поступков частных лиц.

Благодеяние всего свободного гражданского общества, судьбу России П.И. Пестель связывал с народной республиканской системой государственного управления, рационально построенной на основе общественной и частной собственности, отсутствия угнетения человека человеком, конституции, подотчетности учреждений, ответственности их и должностных лиц перед народом, их сменяемости, единства органов власти, управления и народа.

Устав Российской Империи (Конституция) Н.М. Муравьева [2, с. 101-103] содержал развернутую программу замены самодержавного управления демократическим, основанным на конституции, гражданском представительстве во всех звеньях системы, единстве и функциональном разделении законодательной,

исполнительной, судебной ветвей власти и управления, принципах гуманизма, равенства граждан перед законом.

Государственное управление намечалось построить в соответствии с федеративным или союзным правлением, которое бы «согласило величие народа и свободу граждан». Во всех административно-территориальных единицах надлежало избирать органы законодательной и исполнительной власти. Для функционирования же судебных органов с присяжными следовало образовать судебные округа на базе существовавших губерний.

Законодательная вертикаль включала: волостной сход, уездное собрание граждан и уполномоченных от общественных земельных владельцев, правительствующее собрание державы в составе палаты выборных и державной думы.

Исполнительная вертикаль включала: волостное управление во главе с «волостным старшиной», уездное управление, возглавляемое «тысяцким», правительство державы в составе правителя, его наместника и советников, правительство верховное во главе с Императором и в составе глав приказов.

Представительную и законодательную вертикаль должно было венчать на высшем государственном уровне Народное вече, состоящее из: «Верховной думы» и «палаты народных представителей», включавших 492 члена. 450 членов «палаты народных представителей» избирались каждые 2 года гражданами на уездных собраниях по одному представителю от 50 000 обывателей мужского пола, 42 члена «Верховной думы» избирались на совместных заседаниях «державной думы» и «палаты выборных». Каждые 2 года переизбирается 1/3 Верховной думы.

Народное вече наделялось всей полнотой законодательной власти и широкими полномочиями по всем вопросам внутренней и внешней политики, оно назначало верховного блюстителя законов, верховных судей, главнокомандующих сухопутными и морскими силами, корпусных командиров, начальников эскадр,

судило министров, других высших сановников по обвинению, представленному верховным блюстителем законов.

Во время ежегодных съездов Народного веча обе палаты проводят публичные и закрытые заседания, материалы которых публикуются, обсуждают проекты законов в трех чтениях, принимают решения поименным голосованием. Каждый проект рассматривается в обеих палатах, после одобрения Императором получает силу закона. Не подписанный Императором проект обсуждается с его замечаниями вторично обеими палатами и становится законом при голосовании за него 2/3 членов палат, что является конституционным условием преодоления вето. Отвергнутой одной из палат проект представляется вновь лишь на следующий съезд народного веча.

Категорически запрещалось совмещение административных должностей с членством в палатах Народного веча.

Предусмотренный конституцией наследственный Император не являлся верховным правителем, главой государства, а был лишь главой исполнительной власти, предназначенной для повседневного, непосредственного управления государством на основе конституционного устава и законов Народного веча. Ему отводился статус верховного чиновника правительства, дающего присягу на съезде веча: «Я клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности императора российского и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного устава России» (п. 23. ст. 101).

В уставе подробно обозначены полномочия главы российского правительства, ограниченные конституционно. Он не мог нарушать права граждан, объявлять войну, уступать принадлежащие России участки территории. Запрещалось употреблять войска для подавления возмущений внутри России, выезжать за границу.

Правительство, возглавляемое Императором или временным правителем, состояло из глав (министров) прика-

зов, их помощников (наместников), других должностных чиновников. Отвечая за каждое свое действие, чиновник «не может оправдаться полученным приказанием, ибо... слепое повиновение не может быть допущено и всякий исполнитель противозаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление» (ст. 114).

Правительство также формировалось демократическим путем. Сначала составлялся список альтернативных кандидатов на должности глав приказов. Совместное заседание обеих палат Народного веча избирало из этого списка соответствующих должностных лиц каждые три года, которые утверждались Императором.

В проекте Н.М.Муравьева придавалось государственное значение строгому соблюдению принципов выборности, сменяемости, подконтрольности и ответственности должностных лиц управления, предусматривалось наказание (кара) по суду за нарушение порядка выборов с целью влияния на избрание подкупом и насилием.

В завершение статьи мы приходим к следующим выводам:

1) Революционное новаторство европейского управления откликнулось в России. Несовершенство и несправедливость общественного устройства сторонники либерализации власти и управления предлагали устранить за счет введения конституционной монархии, функционального разделения органов законодательной, исполнительной и судебной власти, создания всесловных представительных учреждений в центре и на местах, ведомственной системы по всей вертикали исполнительной власти, наделения сословий политическими и гражданскими правами;

2) Представители демократической общественности считали необходимым установление республиканской формы правления, построенной на принципах народного представительства снизу доверху, гражданском представительстве во всех звеньях системы управления, разделения властей, подотчетности и от-

ветственности должностных лиц перед народом, их сменяемости, равенства всех граждан перед законом.

3) Сторонники консервативного традиционализма исходили из самобытности российского государственного ус-

тройства, стремились сохранить средневековые устои самодержавного управления, допускали лишь отдельные административные изменения, как вынужденные, но во имя сохранения незыблемости строя.

Список литературы

1. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском состоянии. - М.: Наука, 1991. - 111 с.

2. Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в. - М.: Высшая школа, 1991. - 416 с.

3. Политическая история России. Хрестоматия для вузов / сост. В.И. Коваленко, А.Н. Медушевский, Е.Н. Мощелков. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 623 с.

4. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. - СПб: Наука, 2002. - 680 с.

**Страны Балтии как субъекты международного права:
история и современность
(окончание, начало в № 5)**

В статье рассмотрен процесс обретения независимости Литвой, Латвией и Эстонией в 1918 и 1990-1991 годах. Особое внимание обращено на международные договоры, закрепляющие независимость стран Балтии и определяющие их международно-правовой статус.

Ключевые слова: Литва, Латвия, Эстония, РСФСР, СССР, мирный договор.

E. Grigonis

**The Baltic States as the Subjects of the International Law: History and the Present
(the termination, the beginning in № 5)**

The article covers process of finding of independence by Lithuania, Latvia and Estonia in 1918 and 1990-1991. The special attention is turned on the international treaties fixing independence of the Baltic States and defining their international-law status.

Key words: Lithuania. Latvia, Estonia, RSFSR, USSR, peace treaty.

Латвия и Эстония (вернее, их территории в современных границах), по сравнению с Литвой, в состав России вошли немного раньше и, в отличие от Литвы, опыта независимости до этого времени не имели.

В период с конца XII-го до середины XIII-го вв. территория нынешней Латвии была завоевана крестоносцами и стала частью сначала Ордена меченосцев, а затем Ливонского ордена, получив название Ливония. Территория Ливонии была покрыта сетью каменных замков, которые использовались завоевателями в качестве опорных пунктов. Крестоносцы принесли собой католичество, немцы стали господствующим классом (дворянством и духовенством), а также горожанами. С 1561 г. Ливония перестала существовать. Рига стала шведским городом, а исторические области современной Латвии – Земгалия, Латгалия и Курляндия – вошли в состав Речи Посполитой. В 1721 г. Рига была присоединена к Российской Империи. В 1772 г. в результате первого

раздела Речи Посполитой к России отошли Латгалия и Земгалия, а при окончательном разделе Речи Посполитой в 1795 г. – Курляндия [11, с. 54-55].

Территория Эстония также подверглась завоеванию крестоносцев. Еще в 1208 г. крестоносцы достигли границ Эстонии и начали ее подчинение. На эстонские земли покушались также и датчане. В 1238 г. по договору, заключенному в Стенби северная часть Эстония отошла к Дании, а южная – к Ливонскому ордену, вошедшему впоследствии в Тевтонский орден. В 1346 г. датский король продал Северную Эстонию Тевтонскому ордену. В 1563 г. по результатам Ливонской войны Северная Эстония отошла к Швеции, Южная Эстония как часть Ливонии – Речи Посполитой, а остров Сааремаа – Дании. В 1645 г. в результате шведско-датской войны остров Сааремаа отошел к Швеции. С 1710 г. во время Северной войны вся территория Эстонии попала под власть России, а по Ништадтскому мирному договору 1721 г. вошла в со-

став Российской Империи [13, с. 534-538].

Со времени присоединения к России с 1710 и по 1713 г. Северная Эстония (Эстляндия) и Южная Эстония и большая часть Латвии (Лифляндия) находились под единым местным управлением. При этом современный эстонский город Нарва был включен в состав Ингерманландской, позднее Санкт-Петербургской губернии. В 1713-1714 гг. было введено деление на Эстляндскую и Лифляндскую губернии [7, с. 75].

В основе управления этими губерниями, которые называли еще Прибалтийским или Остзейским краем лежал принцип сохранения тех привилегий остзейских баронов, которые они имели до присоединения к России в соответствии с местным законодательством. В этой связи общее управление осуществлялось на основе Свода местных узаконений губерний Остзейских и изданных для Прибалтики законов. С 1801 г. по 1876 г. в Остзейском крае был учрежден пост генерал-губернатора. Во главе трех губерний стояли губернаторы, которые нередко назначались из лиц остзейского происхождения. Наряду с имперским управлением существовало дворянское самоуправление. Остзейское дворянство объединялось в четыре общества (рыцарства) – Эстляндское, Лифляндское, Курляндское и острова Эзель (Сааремаа). Органами дворянского самоуправления в Эстляндии были ландтаги, собрания дворянского комитета и уездные собрания; в Лифляндии - ландтаги, конвенты и уездные собрания; в Курляндии – депутатские ландтаги, обер-гуптманские, уездные и приходские собрания; на острове Эзель – ландтаги и конвенты [15, с. 70-71].

Правовое положение Литвы в составе Российской Империи значительно отличалось от остзейских прибалтийских губерний. Этническая Литва вошла в состав России в результате третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. Екатерина II заявила, что Россия на получила «ни одной пяди польской земли», так как земли этнической Польши в то время разделили

Пруссия и Австрия. К России, по ее заявлению, присоединена лишь территория Великого княжества Литовского, которая была испокон русской и поэтому она должна слиться с Российской Империей [6, с. 127].

Земли этнической Литвы были разделены на Виленскую (от Вильны – современный Вильнюс – столица Литвы) и Гродненскую губернии, которые получили общее название литовских губерний. Литовские губернии стал возглавлять генерал-губернатор (первым из них был М. Репнин).

При этом этнонациональный признак учету не подлежал. В Гродненской губернии литовцы жили лишь в северных уездах, а основное население составляли белорусы. Более половины населения Виленской губернии (56 % на начало XX в.) также составляли белорусы. В настоящее время большая часть территории, входившей в Виленскую и Гродненскую губернии, входят в состав Республики Беларусь (Гродненская, Витебская и Минская области). При Екатерине II в литовских губерниях были введены русские законы, польские и литовские помещики были обложены большими налогами, бывшие королевские поместья были розданы фаворитам императрицы и русским генералам. Какое-либо самоуправление, в отличие от остзейских губерний, отсутствовало. При Павле I дворянам в губерниях и уездах было предоставлено право созывать свои сеймы. Было восстановлено действие Литовского статута - свода законов Великого княжества Литовского. Сеймы в губерниях и уездах собирались каждые три года. Влияние их было, в отличие от остзейских губерний невелико. Попытки сеймов проводить важные решения встречали противодействие имперских властей. Так, было запрещено введение в действие решения сейма Виленской губернии, принятое в 1817 г. об освобождении крестьян от барщины (без земли) [15, с. 79].

После подавления польско-литовского восстания 1838 г. в 1840 г. литовские губернии стали называться Северо-Западным краем, были отменены

Литовские статуты. В 1843 г. Виленская губерния была разделена на Виленскую и Ковенскую губернии [18, с. 63-66] (от Ковно – современный Каунас, второй по величине город Литовской Республики, в 1920-1940 гг. – столица Литвы).

После подавления следующего восстания 1863 г. в Литве началась активная политика русификации. Ущемлению при этом подлежали все польское и литовское. Поскольку большинство помещий в то время принадлежало полякам или ополяченным литовцам, то было запрещено продавать землю лицам нерусского происхождения. Во всех школах, учреждениях и даже в католической церкви было предписано использовать только русский язык. В учреждениях при этом на стенах вывешивались надписи «Говорить по-литовски строго воспрещается». Поощрялось переселение в литовские губернии русских, а белорусы официально регистрировались как русские. Традиционная латинская графика литовского языка с 1864 г. по 1905 г. была заменена на кириллицу, чем власти надеялись сблизить литовцев с русскими и отдалить их от поляков, также использующих латиницу [15, с. 80].

В начале XX в., особенно во время и после первой русской революции 1905 г. в будущих странах Балтии, как и в других национальных окраинных, началось движение за достижение большей самостоятельности в составе России. Первоначально требования национальных движений не выходили за рамки предоставления автономии.

Так, в Вильно (Вильнюсе) 4-5 декабря 1905 г. был созван съезд представителей литовской общественности, получивший название Великого Вильнюсского сейма. В нем приняло участие около 2 тысяч делегатов, представляющих все слои общества и политические направления. Прибыли представители литовцев, проживавших за пределами этнической Литвы. На сейме был осужден царизм как враждебно настроенная по отношению к литовскому народу власть и выражена солидарность с демократическими силами народов России. Были вы-

двинуты требования о предоставлении широкой автономии для Литвы [16, с. 181-182].

З. Зинкявичюс отмечает, что уже во время сейма виленский генерал-губернатор Вильно и ковенский губернатор «обещали ввести литовский язык в начальных школах, учителями назначать католиков, в волостных самоуправлениях делопроизводство вести на литовском языке. Решения сейма производили на людей очень сильное впечатление. Литовцы первые из поработанных народов Российской Империи заставили царское правительство считаться с их священными правами – создание литовских школ, культурных обществ, свободы вероисповедания и т.д. Великий Вильнюсский сейм следует оценивать как первое всеобщее изъявление воли литовского народа, важный этап к становлению государственности, ставший предпосылкой событий 1917-1918 гг. и принятия акта 16 февраля (акт о независимости 1918 г. – Авт.) [6, с. 177-178].

В Эстонии в 1905 г. под руководством Яана Тыниссона была образована первая политическая эстонская партия – народная партия прогресса. Политическая программа партии включала в себя требование автономии [9, с. 36].

Несколько иная ситуация сложилась в Латвии. Во время революции 1905 г. Латвия – один самых активных центров революции, с широкими забастовками и демонстрациями в Риге и других городах и сожжением помещий, забастовками сельских рабочих и, наконец, вооруженными столкновениями на селе и в малых городах. Однако Латвия отличалась от Литвы, Эстонии, а также Польши и Украины тем, что главные лидеры революции никогда не выдвигали требование национальной автономии, которой в других местах потребовали вожди революции (а в Польше — даже полной независимости). В Латвии руководители революции даже не пытались создать общую национальную программу или созвать какое-то совместное совещание, подобное тому, что проходили в Эстонии и Литве.

Латвийский историк Я. Пеникис объясняет это тем, что «в Латвии рижской частью революции 1905 года (с филиалами в Лиепе и Елгаве) руководило руководство Латышской социал-демократической рабочей партии, которое не только не хотело ничего слышать об идеях автономии Латвии, но и активно и успешно с ними боролось, когда таковые проявились на конгрессе народных учителей Латвии и Съезде волостных делегатов. Руководители ЛСДРП, духовные дети путевой сумки Райниса, в свое время могли полагаться на свои действительно могущественные батальоны рижского промышленного пролетариата, каковых не было ни в Таллинне, ни в Вильнюсе. Дисциплинированные и активные, грамотные латышские рабочие полностью соответствовали идеализированному в свое время Марксом пролетариату, в противоположность, например, рабочему классу самой России...

Единственной группой, которая ясно и настойчиво определяла идею автономии и иногда независимости Латвии, был Латвийский социал-демократический союз. Однако его влияние на события 1905 года, по сравнению с ЛСДРП, было ничтожным. Идею руководителя союза Микелиса Валтерса можно считать первым автором, который в своих статьях уже с 1903 года выражает мысль о независимости Латвии. Столь же ничтожно влияние латышских гражданских группировок, которые созрели для политической деятельности только в конце 1905 года — после того, как царское правительство т.н. манифестом от 17 октября провозгласило свободы слова, собраний и другие гражданства и обещало избираемую народом Государственную думу. Латышская демократическая партия и Латышская конституционно-демократическая партия в свои программы включили требования различных реформ и требование автономии Латвии, но их деятельность прекратилась уже через пару лет. Руководимая Фридрихом Вейнбергом Партия латышского народа осудила революцию и пылко защищала существующий строй. Ни у одной из этих сил, а

позже и других мелких групп, участвовавших в выборах Думы и городских самоуправлений, не было постоянной организации или программы [17].

Вопрос не только об автономии, но и полной независимости стран Балтии с новой силой встал в годы Первой мировой войны и особенно после февральской и октябрьской революций 1917 г в России.

Территория Литвы была оккупирована германской армией летом-осенью 1915 г. В условиях немецкой оккупации Литва по всем нормам международного права оставалась в составе России. Это обстоятельство учитывали и оккупационные власти, и литовские политические движения. Идею независимости Литвы не поддерживали и союзники России — страны Антанты (Англия и Франция) [16, с. 197]. Однако, как отмечает З. Зинкявичус: «В ходе затянувшейся войны стало очевидным, что ни одна из угнетавших литовскую нацию империй — царская Россия и кайзеровская Германия — не одержат победы, что война для них самих станет похоронным маршем. Произошел раскол Австро-Венгрии. Назревала революция в России и в оккупированной Литве Германии. Сложилась благоприятные условия для освобождения народов Балтии от гнета. В Литве стремительно стала распространяться идея независимости» [6, с. 190].

Среди части политических движений Литвы возникла идея восстановления Великого княжества Литовского. Так, 19 декабря 1915 г. на стенах домов в Вильно появилась листовка на литовском, белорусском, польском и еврейском языках следующего содержания: «Члены Литовских, Белорусских, Польских и Еврейских организаций основали Конфедерацию Великого княжества Литовского, добиваясь совместными силами, чтобы Литовские и Белорусские земли, которые издавна принадлежали Великому княжеству Литовскому, а теперь заняты германскими войсками, составили в новых исторических условиях нераздельное целое на основе независимости Литвы и Белоруссии как единой державы, гаран-

тируя в ее границах все права всем нациям...». Идея литовско-белорусского государства пользовалась популярностью среди ряда членов белорусских национальных организаций в зоне немецкой оккупации до начала 1918 г, а среди литовских политиков – до сентября 1917 г., когда литовские политики взяли курс на создание собственного государства в этнографических границах расселения литовской нации [4, с. 82-83].

18-23 сентября 1917 г. в Вильно с разрешения оккупационных властей состоялась конференция литовских национальных деятелей, которая избрала Литовский Совет, по-литовски Тарибу. 16 февраля 1918 г. Тариба приняла акт о независимости Литвы, утвержденное кайзером Германии Вильгельмом II 23 марта того же года, а 20 октября оккупационные власти разрешили формирование литовского правительства [6, с. 191]. Таким образом, первым государством, признавшим независимость Литвы, стала Германия.

18-23 сентября 1917 г. в Вильно с разрешения оккупационных властей состоялась конференция литовских национальных деятелей, которая избрала Литовский Совет, по-литовски Тарибу. 16 февраля 1918 г. Тариба приняла акт о независимости Литвы, утвержденное кайзером Германии Вильгельмом II 23 марта того же года, а 20 октября оккупационные власти разрешили формирование литовского правительства [6, с. 191]. Таким образом, первым государством, признавшим независимость Литвы, стала [12, с. 75-132].

На свободной от немецкой оккупации части Латвии в ноябре 1917 г. была провозглашена советская власть. Столицей советов стала Валка. В декабре 1917 г. советское правительство передало Латгалию Советской Латвии, однако в феврале 1918 г. немцы оккупировали Латвию, и советская власть была свергнута. После подписания Брестского мирного договора в Прибалтике был введен оккупационный режим. Завоеватели планировали расселить на территории бывшей Ливонии 2,7 млн. немецких колонистов.

Эти планы поддерживались местным дворянством, но были разрушены ноябрьской революцией в Германии и поражением Германии в мировой войне. 18 ноября 1918 г. Народный совет Латвии, созданный накануне Демократическим блоком, который в годы оккупации находился в подполье, провозгласил независимость нового государства. Главой временного правительства (министром-президентом) был избран К. Ульманис.

Эстония, в отличие от Литвы и Латвии, в рамках Российского государства получила автономию. После февральской революции 1917 г. эстонские деятели стали требовать автономии у Временного правительства, когда Временное правительство приняло такое решение стало затягивать, 26 марта эстонцы организовали в Петрограде мощную демонстрацию под национальными сине-черно-белыми флагами. Под влиянием демонстрации Временное правительство 30 апреля 1917 г. предоставило автономию Эстонии. В мае в Эстонии состоялись выборы в губернский земской совет «Маапаяэв». В сентябре 1917 г. немцами были захвачены эстонские острова. В октябре 1917 г. власть в Таллинне и в других местах была захвачена большевиками, которые создали Военно-революционный комитет во главе с В. Кингесеппом, однако «Маапаяев» не признал власть большевиков, объявил себя верховной властью, но был распущен. В феврале 1918 г. под натиском немецких войск большевики оставили Эстонию. Еще до прихода немцев во многих местах Эстонии власть в свои руки взяли национальные партии. 24 февраля Совет старейшин «Маапаяэва» сформировал Временное правительство и провозгласил Эстонию независимой демократической республикой. Однако оккупационные власти независимость Эстонии не признали, а членов правительства арестовали. Только в ноябре в 1918 г. отступающие немцы передали власть в Эстонии Временному правительству [9, с. 38-41].

Таким образом, все три страны Балтии провозгласили свою независимость в 1918 г. в условиях немецкой ок-

купации и в тот период, когда в основной части России установилась советская власть. При этом только в Литве провозглашение независимости было утверждено императором Германии, а независимость Латвии и Эстонии немецкие оккупанты не признавали. При этом они рассчитывали на будущую германскую колонизацию этих стран.

Страны Балтии в годы гражданской войны в России не избежали опыта их советизации.

Так, 5 января 1919 г. после отхода немецких войск из Вильно город заняли части Красной Армии. Еще раньше - 2 января - правительство Литвы, опасаясь советской оккупации, переехало в Ковно (Каунас). В Вильно была провозглашена Литовская ССР. Совет народных комиссаров возглавил большевик В. Мицкевич (Мицкявичюс)-Капсукас. Под юрисдикцией Литовской ССР было лишь несколько уездов Виленской губернии.

В феврале 1919 г. была создана Литовско-Белорусская ССР со столицей в Вильно. Совет народных комиссаров возглавил тот же В. Мицкевич-Капсукас. В состав Литовско-Белорусской ССР вошли Виленская, Ковенская и Минская губернии, большая часть Гродненской (без Белостокского, Бельского и Сокольского уездов) и три четверти Сувалкской губернии (без Сувалкского и Августовского уездов). Площадь объединенной республики по данным на 1 января 1914 г. составляла 207 тысяч кв. км. На этой территории до мировой войны жили 7,5 миллионов человек. Однако на самом деле вся территория Ковенской губернии и часть Сувалкской губернии находились под управлением национального правительства Литвы. Более того там, а также в Гродненской губернии находились немецкие войска. Поэтому советская власть была установлена только в Белоруссии и на северо-восточной окраине Литвы, на территории с населением в 4 миллиона человек [4, с. 113-114].

21 апреля 1919 г. Вильно был занят польскими войсками; правительство переехало в Минск. К середине июня поляками было занято уже три четверти

территории Литовско-Белорусской ССР. 26 августа литовские войска взяли Зарасай, последний литовский город, где еще сохранялась советская власть. 8 августа поляки взяли Минск. В августе 1919 г. Литовско-Белорусская ССР прекратила свое существование.

В Латвии советская власть была провозглашена 17 декабря 1918 г. после окончания немецкой оккупации. 13 января 1919 г. в Риге была образована Латвийская ССР. К апрелю 1919 г. Красной Армии, в рядах которой были и латышские стрелки, удалось захватить большую часть территории Латвии, за исключением небольшой области вокруг портового города Лиепаи, которая оставалась под контролем латвийского правительства К. Ульманиса.

В Латвии в то время, кроме советской власти и правительства К. Ульманиса, существовала и третья сила – ландсвер – вооруженные силы бывшего прогерманского Балтийского герцогства. Участвовали в гражданской войне в Латвии также эстонцы и страны Антанты (на стороне правительства К. Ульманиса), немцы из Германии и белогвардейцы, вступавшие как против правительства К. Ульманиса.

Балтийское герцогство было провозглашено во время немецкой оккупации остзейскими немцами при поддержке германской армии на территории современных Латвии (кроме Латгалии) и Эстонии после заключения 3 марта 1918 г. Брестского мира между РСФСР и Германией с ее союзниками, закрепившего отпадение стран Балтии от России. Осенью 1918 г. германский император признал Балтийское герцогство, однако оно фактически прекратило свое существование после поражения Германии в мировой войны и произошедшей там ноябрьской революции.

7 декабря 1918 г. правительство К. Ульманиса с целью защиты территории Латвии от наступления Красной Армии заключило с германским уполномоченным в Прибалтике соглашение об объявлении ландсвера вооруженными силами Латвийской республики. В соответствии

с соглашением ландесвер должен был состоять из германских, латышских и русских рот, при этом доля латышей должна была составлять 2/3 (это условие так и не было соблюдено и доля латышей не превышала 1/3). Временное правительство Латвии пошло на соглашение с германским командованием, так как на тот момент не имело средств для покупки оружия, а малочисленные латышские отряды не могли воевать одновременно на два фронта — с ландесвером и с Красной армией. При этом латвийское правительство обещало добровольцам из числа военнослужащих германской армии, при условии участия в боевых действиях по защите Латвийской Республики не менее 4-х недель, латвийское гражданство и 100 моргенов земельного надела.

16 апреля 1919 г. в Лиепае немецкие отряды ландесвера свергли правительство К. Ульманиса, которое обвиняли в сотрудничестве с Антантой. К. Ульманис с правительством два месяца провел на пароходе в Балтийском море под охраной английской и французской военных эскадр. 26 апреля 1919 г. командование ландесвера назначило премьер-министром Латвии лютеранского пастора латыша А. Ниедру. В конце мая 1919 г. отряды ландесвера совместно с добровольцами, прибывшими из Германии (Железной дивизии) и белогвардейцами под командованием князя А.П. Ливена взяли Ригу, вытеснив оттуда подразделения Красной армии. В Ригу переехало правительство А. Ниедры. 23 июня 1919 г. латвийская армия, при поддержке Эстонии, разбила под Цесисом отряды ландесвера и Железной дивизии. 27 июня 1919 г. правительство К. Ульманиса возобновило свою деятельность в Лиепае. 2 июля в результате прорыва линии обороны Риги Эстонской армией во главе и латышскими полками командование ландесвера и Железной дивизии согласилось на перемирие, предложенное представителями Антанты и вступившее в силу 3 июля. После того, как согласно условиям перемирия, к 5 июля 1919 г. последние части Железной дивизии покинули Ригу, а подразделения ландесвера были вклю-

чены в состав Латвийской армии, правительство К. Ульманиса вернулось в латвийскую столицу.

В сентябре 1919 г. Латвия подверглась нападению белой армии под командованием прогермански настроенного П.А. Бермондта-Авалова. 20 сентября он объявил о принятии на себя всей полноты власти в Прибалтике и отказался подчиняться командующему войсками белых армий на Северо-Западе России Н. Юденичу. В первых числах октября 1919 года войска П.Р. Бермондта-Авалова начали наступление на Ригу. Латышские части сдержали их натиск вдоль Западной Двины (Даугавы) и к 11 ноября при содействии флота Антанты и эстонской армии отбросили бермондтовцев от Риги. К концу ноября территория Латвии была полностью от них освобождена.

В Эстонии было два периода советской власти.

Первый период продолжался с октября 1917 г. по март 1918 г. В октябре 1917 г. Ревеле состоялся II съезд Советов Эстляндской губернии, который потребовал перехода всей власти в губернии к Советам рабочих и солдатских депутатов. 22 октября (4 ноября) на совместном заседании Исполкома Советов Эстляндской губернии и Исполкома Ревельского Совета рабочих и солдатских депутатов был образован Военно-революционный комитет Эстляндской губернии. Исполком Советов Эстляндии 19 января (1 февраля) 1918 г. опубликовал проект конституции Эстляндской Трудовой Коммуны, которая провозглашалась автономной частью РСФСР. Однако вскоре территория Эстонии подверглась немецкой оккупации.

Второй период советской власти в Эстонии продолжался с ноября 1918 г. по июнь 1919 г. с провозглашения 29 ноября 1918 г. в занятой Красной Армией Нарве Эстляндской Трудовой Коммуны. Эстонская советская республика распространила свою власть не только на две трети территории страны, в том числе Красной Армией не удалось овладеть Ревелем (Таллинном). Красная Армия была вытеснена из Эстонии совместными усилиями эстонской армии, английской во-

енной эскадры и белой армией Н. Юденича. 5 июня 1919 г. Эстляндская Трудовая Коммуна прекратила свое существование.

Таким образом, советские республики во всех странах Балтии просуществовали менее одного года. Ни в одной из стран Балтии советская власть не распространилась на всю территорию этих стран; одновременно с советскими республиками на оставшихся незанятыми Красной Армией территориях действовали национальные правительства.

Все три советские республики в странах Балтии были признаны РСФСР. Так, декретами Совета Народных Комиссаров 8 декабря 1918 г. была признана Эстляндская Трудовая Коммуна. Литовская ССР и Латвийская ССР были признаны декретами от 22 декабря 1918 г., хотя официально Литовская ССР была провозглашена только 5 января 1920 г., а Латвийская ССР была провозглашена - 13 января 1919 г.

Странам Балтии, обретшим свою независимость в 1918 г., еще долго пришлось отстаивать свою независимость с оружием в руках. Выше мы уже упомянули о перипетиях гражданской войны в Латвии (в Латвии ее называют борьбой за независимость).

Война за независимость Эстонии сопровождалась не только борьбой с Красной Армией, но и с ландесвером. Правда, сражения шли в основном на территории Латвии. Напомним, что именно эстонская армия освободила от ландесвера Ригу.

Литва воевала с Красной Армией, белой армией П.Р. Бермондта-Авалова, а также с польскими войсками, претендовавшими на Вильно и Виленский край.

В польской восточной политике 1918-1920 гг. существовала две тенденции. Юзеф Пилсудский, должность которого официально называлась «начальник государства», уроженец Виленской губернии, предлагал план создания независимых Литвы, Белоруссии и Украины, находящихся в тесном союзе с Польшей. Его противники, в первую очередь польские национал-демократы, выступали за

инкорпорацию этих территорий в Польшу. Пилсудского не поддерживали и страны Антанты, которые считали, что Белоруссия и Украина (кроме Галиции) должны остаться за Россией [4, с. 131-132].

21 апреля 1919 г, как уже указывалось, поляки заняли Вильно, что привело к эвакуации правительства Литовско-Белорусской ССР и привело к ликвидации советской власти в Литве. Вильна и Виленский край перешли в руки Красной Армии в ходе советско-польской войны 14 июля 1920 г. За два дня до этого - 12 июля - был подписан договор между РСФСР и Литвой, по которому Вильно и Виленский край признавались за Литвой.

Однако Вильно и Виленский край остались за Литвой недолго. После нанесения поражения Красной Армией в августе 1920 г. («чудо на Висле») польские войска на территории, на которые претендовала Литва, столкнулись с литовскими частями. Совет Лиги Наций 20 сентября принял рекомендацию, подтверждающую в качестве восточной границы Польши «линию Керзона», к западу от которой лежали земли с преобладанием польского населением, к востоку - территории с преобладанием непольского (литовского, белорусского, украинского) населения, и предложил Польше считаться с нейтралитетом территории Литвы с восточной стороны линии. Литва и Польша официально приняли эту рекомендацию. Под давлением Лиги Наций в последних числах сентября 1920 г. в Сувалках начались польско-литовские переговоры. 7 октября был подписан договор, разграничивающий польскую и литовскую зоны. В соответствии с договором Вильно и прилегающие территории оказывался на литовской стороне демаркационной линии. Договор должен был вступить в действие 10 октября.

За два дня до вступления Сувалкского договора в силу по негласному распоряжению Ю. Пилсудского части польской армии под командованием Л. Желиговского, имитируя неподчинение верховному командованию, начали наступление и заняли Вильно и Виленский

край. Занятые территории были объявлены государством Серединная Литва, временно управляемым Верховным главнокомандующим и Временной правящей комиссией. Выборы, проведенные 8 января 1922 г., сформировали представительный орган населения Серединной Литвы – Виленский сейм. Сейм 20 февраля 1922 г. большинством голосов принял резолюцию о включении Виленского края в состав Польши. 22 марта 1922 г. Учредительный сейм в Варшаве принял Акт воссоединения Виленского края с Польской Республикой. В апреле 1922 г. Виленский край вошел в состав Польши. В 1926 г. на территории края было сформировано Виленское воеводство. Однако Литва не отказывалась от прав на Вильнюсский край и вела за него активную пропагандистскую и дипломатическую борьбу. Только в 1938 г., когда Литва, после вооруженных инцидентов на границе и ультиматума Польши, была вынуждена согласиться с восстановлением дипломатических отношений, были открыты границы и восстановлено сообщение.

В 1920 г. были подписаны мирные договоры между РСФСР и странами Балтии: 2 февраля с Эстонией 12 июля с Литвой, 11 августа с Латвией.

По договору между РСФСР и Эстонией (Тартуский или Юрьевский договор) к Эстонии к Эстонии, помимо исконных эстонских земель, отошли также населенный этническими русскими и народом сету Печорский край (ныне Печорский район Псковской области Российской Федерации) и заселенные русскими территории на правом берегу реки Нарва (ныне в составе Сланцевского и Кингисеппского районов Ленинградской области Российской Федерации). Стороны обязались не допускать на своей территории деятельности враждебных другой стране сил. Эстонцы, проживавшие в России, и русские в Эстонии получали возможность вернуться на родину. По Тартускому миру Эстония освобождалась от каких-либо обязательств перед Россией, от долгов царского правительства и получа-

ла из золотого запаса России 11,6 тонны золота.

Исходя из текста ст. II [5, с. 29-31] договора между РСФСР и Литвой (Московский договор) и приложенной к нему карты, к Литве переходили не только Вильно и Виленский край, но и территории, ныне относящиеся к Республике Беларусь, включая города Гродно, Щучин, Ошмяны, Сморгонь, Браслав, Лида, Поставы и др. [5, с. 29-31].

По договору между РСФСР и Латвией (Рижский договор) в частности было отмечено, что «Существующие ныне в Российской армии наименования отдельных войсковых частей, входящих в состав «Латышской Стрелковой Дивизии», признаются имеющими историческое значение. Эти части не имеют, и не будут иметь преобладающего национального латышского состава, и, несмотря на свои наименования, не могут иметь отношения ни к латышскому народу, ни к Латвийскому государству» [5, с. 104].

Исходя из текста ст. III Рижского договора [5, с. 102] и приложенной к нему карты, к Латвии отходили бывшая Курляндская губерния, южная часть Лифляндской губернии (Рижский, Венденский, Вольмарский уезды и большая часть Валкского уезда), северо-западная часть Витебской губернии (Двинский, Люцинский, Режицкий уезды и две волости Дрисского уезда) и часть Островского уезда Псковской губернии (в том числе г. Пыталово).

Указанные договоры означали признание со стороны РСФСР независимости стран Балтии, и, с другой стороны, признание РСФСР странами Балтии.

Страны Балтии получили и международное признание, а уже в 1922 г. стали членами Лиги Наций (ССР присоединился к Лиге Наций только в 1934 г.). Независимыми эти государства оставались до 1940 г.

Если Латвия и Эстония как независимые государства до 1940 г. существовали в современных границах и даже с некоторым территориальным приростом за счет РСФСР, то Литва постоянно решала территориальные вопросы. Кроме

Виленского края, в Литве решалась проблема Клайпедского (Мемельского) края. Это край, заселенный литовцами и немцами, принадлежал Германии до поражения ее в мировой войне. По Версальскому мирному договору от 28 июня 1919 г. Клайпедский край перешел под управление Лиги Наций. В 1923 г. край был аннексирован Литвой, а страны Антанты согласились на передачу его литовской стороне. В составе Литвы Клайпедский край пользовался широкой автономией. В 1928 г. статус края в составе Литвы признала Германия (Веймарская республика). Однако нацистская Германия в 1938 г. предъявила Литве ультиматум о возвращении края, который Литва приняла. В 1939 г. Литва юрисдикцию над Клайпедским краем утратила. Передачу Клайпедского края Германии признали Великобритания, Франция, но не признали США.

В состав Литвы, существовавшей уже в виде Литовской ССР, Клайпедский край был передан из состава Калининградской области РСФСР (бывшей Восточной Пруссии, отошедшей к СССР после Второй мировой войны) в 1948 г. и находится ныне в составе Литовской Республики.

Страны Балтии утратили независимость в 1940 г. в связи с вхождением в состав СССР. Процесс советизации стран Балтии происходил синхронно во всех трех странах, начиная с заключения в 1939 г. однотипных договоров о взаимопомощи, предусматривающих введение в страны Балтии ограниченного контингента Красной Армии, предъявления летом советской стороной однотипных ультиматумов странам Балтии о создании новых правительств, созывом под советским контролем новых представительных органов, которые выразили желание вхождения своих республик в ССР. Практически одновременно были приняты и законы СССР, зафиксировавшие новый статус стран Балтии: Закон СССР от 3 августа 1940 г. «О принятии Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик», Закон СССР от 5 августа

1940 г. «О принятии Латвийской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик», Закон СССР от 6 августа 1940 г. «О принятии Эстонской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик» [1].

Предпосылкой советизации стран Балтии стали секретные протоколы к пакту о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г, по которому Латвия и Эстония входили в зону влияния СССР. Литва была отнесена к зоне интересов СССР по секретному протоколу следующего советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1938 г.

При этом Литва в процессе советизации получила Вильнюс и Виленский край. Во время вторжения Красной Армии в Польшу, согласно секретному протоколу к пакту Молотова-Риббентропа, в сентябре 1939 г. Виленский край первоначально был передан Белорусской ССР, а по договору о взаимопомощи между СССР и Литвой от 10 октября 1939 г. отошел к Литве. На этом моменте стоит остановиться подробнее.

В наши дни многие современные российские политики и историки, оценивая результаты пакта Молотова-Риббентропа 1939 г., любят упрекнуть Литву, считающую пакт преступным и приведшим к советской оккупации, в том, что именно благодаря этому пакту по новому договору между СССР и Литвой от 10 октября 1939 г. Литве был возвращен Вильнюс (Вильнюс). Но, во-первых, не прошло и года, как с 3 августа 1940 г. не только Вильнюс, но и вся Литва оказались в составе СССР. Во-вторых, передача Литве Вильнюс означала, кроме того, и реализацию Московского договора 1920 г., однако, ни Гродно, ни другие нынешние белорусские территории, признанные этим договором частью Литвы, возвращены Литве не были, о чем, упрекая Литву, современные российские политики и историки стараются не вспоминать.

Цели договоров как 1920 г, так и 1939 г., по-видимому, заключались в отрыве как Вильно, так и Гродно с другими указанными городами от Польши. В этническом отношении литовское население Виленского края (Восточной Литвы) и белорусское население Западной Белоруссии не составляло большинства. В это время в обоих регионах проживало в основном сильно полонизированное коренное население – потомки поданных Великого княжества Литовского, так называемые тутейшие, т.е. местные, имеющие как литовские, так и западнорусские (белорусские) корни. Ряд тутэйших считали себя поляками, говорили на польском языке, объясняя, что «мы поляки, но говорим по-просту». На Версальской конференции эксперт из США Ф.А. Голднер утверждал, что в Вильно и его окрестностях образовалась какая-то новая народность, говорящая на языке, отличном от польского, литовского и белорусского. Тутейшие в одинаковой мере могли стать и поляками и литовцами и белорусами [6, с. 213].

Примечательна в этом отношении судьба трех родных братьев - уроженцев этого региона. Старший брат Юрай (Ежи) Ивановский позиционировал себя поляком: в 1918-1918 гг. был министром в Польше; в 1920 г. - директором департамента иностранных дел Срединной Литвы – непризнанного польского государства на территории Восточной Литвы и Западной Белоруссии; в 1930-1935 гг. – сенатором в Польше. Средний брат Вацлав Ивановский (Вацлаў Іваноўскі) – известный белорусский деятель; являлся одним из основателей Белорусской революционной громады и Белорусской социалистической громады, с 1907 г. издавал в Санкт-Петербурге газету на белорусском языке, в 1918 г. – министр просвещения Белорусской Народной Республики, с осени 1919 г. - член Временного Белорусского исполнительного комитета, издатель журнала «Русь». Младший брат Тадас Иванаускас (Tadas Ivanauskas) – известный литовский ученый-зоолог, основатель Зоологического музея в Каунасе, который до сих пор носит его имя; в

1945-1950 гг. – директор Института биологии Академии наук Литовской ССР.

В 1920-1939 г. Восточная Литва и Западная Белоруссия входили в состав Польши, и продолжилось такое положение дел дальше, сегодня бы в этих регионах доминировало бы польское по языку, культуре и национальному самосознанию население. Присоединение Западной Белоруссии к Белорусской ССР привело к увеличению белорусов из числа тутейших, в Восточной же Литве тутейшие в основном продолжают считать себя поляками, а часть из них считает себя белорусами или литовцами.

Таким образом, население региона Вильно и Гродно во времена Великого княжества Литовского, а также в период вхождения Виленской и Гродненской губерний в Российскую Империю и в состав Польши этнически было достаточно однородным и только современное государственное размежевание между Литвой и Белоруссией, начатое в советские времена, изменило этническую ситуацию. Именно эти земли в свое время составили ядро Великого княжества Литовского [3, с. 115-116].

Накануне окончания Второй мировой войны между СССР и союзниками обсуждался вопрос о непосредственном вхождении в будущую Организацию Объединенных Наций (ООН) отдельных советских республик: Украины, Белоруссии и Литвы. Украина и Белоруссия членами ООН стали, но Литве в таком статусе союзниками было отказано. Планировалась также передача Литовской ССР бывшей Восточной Пруссии (будущей Калининградской области РСФСР), однако литовское партийное руководство благоразумно отказалось от такого «подарка».

Таким образом, с 1940 г. страны Балтии стали советскими республиками. На уровне международного сообщества никаких протестов не последовало, только США не признали вхождение стран Балтии в СССР. Советизация стран Балтии была прервана немецкой оккупацией во время Второй мировой войны, но с 1944-1945 гг. была продолжена. В после-

военные годы в странах Балтии было организовано вооруженное сопротивление советизации.

Особенно ожесточенным было это сопротивление (резистенция) в Литве. Только в 1952 г. командир литовских партизан А. Раманаускас издал приказ о прекращении партизанской войны. Но очаги сопротивления в отдельных местах оставались до середины 1960-х годов. Это были уже не партизаны, а люди, скрывавшиеся от ареста.

В 1972 г. несколько эстонских организаций сопротивления направили меморандум в ООН, требуя прекращения оккупации Эстонии. В 1979 г. диссиденты прибалтийских республик в так называемой балтийской апелляции потребовали объявления недействительным пакта Молотова-Риббентропа. В 1980-х гг. в Эстонии стихийные молодежные выступления за независимость, пресеченные советскими властями [9, с. 60-61].

В Каунасе (Литва) в 1972 г. произошло самосожжение студента Ромаса Каланты в знак протеста против советской оккупации. Выступления молодежи во время его похорон были подавлены милицией и войсками [8, с. 60].

Движение за независимость стран Балтии получило мощный импульс в годы перестройки в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Так, в Литве 3 июня 1988 г. было основано Литовское движение за перестройку – Саюдис. 22 октября 1988 г. был проведен первый съезд Саюдиса. 16 февраля 1988 г., в 70-тую годовщину принятия акта о независимости 1918 г, Саюдис провозгласил, что основной и главной целью движения является отделение Лит-

вы от СССР. В прошедших 26 марта 1989 г. выборах народных депутатов СССР из 42 выделенных Литовской ССР мандатов 36 досталось кандидатам Саюдиса. Съезд народных депутатов СССР они использовали для того, чтобы обозначить стремление Литвы к независимости. 24 февраля 1990 г. Саюдис на выборах в Верховный Совет Литовской ССР получил 106 из 141 мест. Этот Совет, который позже был переименован в Восстановительный Сейм, 11 марта 1990 г. принял Акт о восстановлении независимости Литвы [10, с. 103-104].

В Латвии аналогичную роль сыграл Народный Фронт Верховный Совет Латвийской ССР, две трети депутатов которого составили члены Народного Фронта, 4 мая 1990 г. провозгласил Декларацию о восстановлении независимости.

Народный фронт Эстонии на выборах в Верховный Совет Эстонской ССР получил только 24%. 12 ноября 1990 г. Верховный Совет Эстонской ССР аннулировал свою декларацию о вхождении республики в СССР, а 16 ноября принял Декларацию о суверенитете.

Независимость стран Балтии была признана со стороны СССР после поражения августовского антиконституционного переворота 1991 г. в форме постановлений Государственного Совета ССР, принятых 6 сентября 1991 г. по каждой из республик в отдельности [2]. С этого времени независимость стран Балтии стала реальностью. 17 сентября 1991 г. страны Балтии стали членами ООН и получили официальное признание со стороны всех государств – членов ООН.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. - 1940. - № 28.
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 37. Ст. 1091-1093.
3. Григонис Э.П. Великое княжество Литовское: история и историография // Гуманитарная планета. - 2009. - № 4. - С. 110-123.
4. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР. 1918-1920. - Минск: Харвест, 2010. - 496 с.

5. Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. - М.: Госполитиздат, 1959. - 723 с.
6. Зинкявичюс З. Восточная Литва в прошлом и настоящем. - Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. - 388 с.
7. Егоров Ю. История государства и права Эстонской ССР. - Таллинн: Валгус, 1981.-192 с.
8. Коммунистический режим и народное сопротивление в России. 1917-1991 / сост. Б.С. Пушкарев. - М.: Посев, 1998. - 80 с.
9. Лаар М. История Эстонии с птичьего полета. - Таллинн: Grenader, 2005. - 71 с.
10. Литва. Сведения о стране: факты, цифры, полезная информация / сост. А. Валёнис, - Вильнюс: Artloga, 2005. - 241 с.
11. Радионовс Я. Основные этапы развития гражданского права Латвии // Мир экономики и права. 2010. С. 54-60.
12. Смирин Г. Основные факты истории Латвии. - Рига Звайгзне, 1993. - 168 с.
13. Самоопределение и независимость Эстонии / сост. А. Бертрико. - Таллинн: Avita, 2001. - 547 с.
14. Смирин Г. Основные факты истории Латвии. - Рига: Звайгзне, 1993. - 168 с.
15. Турченко С.Н. Этнонациональная правовая политика России в XIX - XX веках : историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. - СПб. 2005. - 182 с.
16. Kiaupa Z. Lietuvos valstybės istorija. - Vilnius: Baltos lankos, 2006. - 311 p.
17. Peniķis J. Latvijas īsais gadsmits // Diena. - 2002. - 21 augusts.
18. Vitkus A. Lietuvos istorijos įvykių chronologija. 1795-1918. - Kaunas: Varpas, 1998. - 260 p.

Я.А. Бороздина

Международно-правовые стандарты: содержание и классификация

В статье рассмотрено содержание понятия «международно-правовые стандарты». Особое внимание обращено на стандарты в сфере защиты прав человека. Автор приходит к выводу, что международно-правовые стандарты являются частью международных норм и имеют юридический характер. Наиболее распространенной классификацией этих стандартов является их деление на универсальные и региональные.

Ключевые слова: международно-правовые стандарты, Совет Европы, права человека.

Y. Borozdina

International Law Standards: Maintenance and Classification

The article covers maintenance of concept «international law standards». The special attention is turned on standards in sphere of protection of human rights. The author comes to a conclusion that international legal standards are the part of the international norms and have legal character. The most widespread classification of these standards is their division on universal and regional.

Key words: international law standards, Council of Europe, human rights.

В международном праве достаточно широко используются *такое понятие* как «международно-правовые стандар-

ты». Для формирования единого европейского правового пространства в географических границах Европы и гармо-

низации законодательств государств-членов было введено понятие «стандарты Совета Европы» (европейские правовые стандарты). В настоящее время *данное понятие* применяется очень широко как в документах уставных органов Совета Европы (далее – СЕ) (Комитета Министров СЕ, Парламентской Ассамблеи СЕ, Конгресса местных и региональных властей Европы), так и в отдельных конвенциях СЕ и пояснительных докладах к ним, в практике Европейского суда по правам человека и других конвенционных контрольных механизмов, в юридической литературе, в общественно-политических материалах [3, с. 34].

Особой разновидностью международных стандартов являются стандарты в сфере защиты прав человека. Понятие «стандарты в области прав человека» означает обязательные требования, нормы, закрепленные в международных актах (документах) [1, с. 27]. В международных документах подчеркивается, что выполнение обязательств по поощрению всеобщего уважения, соблюдения и защиты прав человека и основных свобод в соответствии с Уставом ООН и другими договорами — священный долг всех государств [5, с. 159]. Стандарты Всеобщей декларации прав человека являются исходными как для международного права прав человека, так и для построения национальных систем прав человека [1, с. 27]. В Венской декларации и программе действий от 25 июня 1993 г., принятой на Второй Всемирной конференции по правам человека, указывается на первостепенную важность соблюдения стандартов в области прав человека [5, с. 159]. Какова же сущность этих стандартов?

Международно-правовые стандарты в первую очередь это разновидность международных норм. Эти нормы имеют юридический характер, они - составная часть системы норм международного права. Следовательно, речь идет о стандартах, имеющих международно-правовое значение. Однако, *если* части международных положений, хотя и имеющих признаки стандартов, еще не придана юридическая сила, они играют

роль рекомендаций и ими широко пользуются те или иные органы государств в одностороннем порядке. Это многие положения резолюций международных организаций, таких как Генеральная Ассамблея ООН, органы МОТ, ЮНЕСКО, которые имеют согласно их Уставам рекомендательный характер.

Международно-правовые стандарты могут создаваться как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Они создаются и вводятся в силу теми государствами, которые в них заинтересованы. Стандарты, регулирующие сотрудничество государств на двусторонней основе, всегда имеют перспективу получить более широкое признание в силу ценностных качеств этих международно-правовых норм [5, с. 161].

В зависимости от того, в рамках какой международной организацией приняты документы по правам человека, они подразделяются на универсальные стандарты, т. е. принятые в рамках универсальной организации – ООН, и региональные стандарты (локальные), например, заключенные под эгидой СЕ. Между универсальными и региональными стандартами нет противоречий, а скорее есть преемственность, согласованность. Региональные стандарты должны содействовать укреплению универсальных стандартов в области прав человека, содержащихся в международных договорах о правах человека, а также их защите. Региональные стандарты более локальны, учитывают исторические традиции, культуру, уровень развития стран региона и порой конкретизируют и устанавливают более высокие нормы, чем универсальные стандарты [1, с. 27]. Универсализация прав человека вовсе не означает отрицание важного значения сотрудничества государств на региональном уровне, которое органично дополняет форма универсального сотрудничества (а в некоторых аспектах и более эффективно обеспечивает права и основные свободы личности) [4, с. 153].

Среди универсальных стандартов выделяются стандарты в виде определенных общепризнанных принципов и норм

международного права. Эти стандарты являются фундаментальными и общими, затрагивающими интересы всего международного сообщества в целом. Таким образом, международно-правовые стандарты — это не всегда общепризнанные нормы международного права.

Международно-правовые содержание должно быть конкретным, определенным, а элементы содержания модели — согласованными друг с другом. Такая модель поведения касается строго определенного формата действий или воздержания от действия, типового условия, на основе которого приобретает благо.

Для стандарта характерны типизация, эталонность правила поведения, не предусматривающие альтернативы в действиях государства.

С учетом типизации формулируются соответствующие права и обязанности государства. Международно-правовой стандарт отражает единство содержащихся в нем требований для всех участников соответствующего международного обязательств имеет целью быть для них типовым ориентиром, обеспечить их равные права и единообразное поведение в рамках данного стандарта [5, с. 162].

Правовые стандарты Совета Европы — это требования к государствам-членам организации следовать принятым в ней нормам и принципам. Нормы права Совета Европы представляют собой определенные стандарты поведения, которые создаются его субъектами — государствами-членами Совета Европы — на основе их волеизъявления и признаются ими в качестве юридически обязательных. Разумеется, есть международные нормы, не являющиеся юридическими, которые играют важную роль в межгосударственных отношениях, например положения рекомендаций Комитета Министров СЕ [3, с. 46]. Рекомендации Комитета Министров не являются обязательными, но они обладают «моральным» авторитетом, поскольку отражают коллективную позицию европейских правительств по соответствующим вопросам, и есть подтверждения тому, что они оказы-

вают влияние на государства. Иногда они, а также рекомендации Ассамблеи СЕ, могут даже стать «мягким правом» и иметь прямое действие в международном публичном праве. Примером может служить Рекомендация Ассамблеи № 1201, которая прямо упоминается в ряде двусторонних договоров о сотрудничестве и добрососедских отношениях, заключенных после 1993 г., в том числе в договоре между Венгрией и Словакией (март 1995 г.) и Венгрией и Румынией (сентябрь 1996 г.) [2, с. 137].

Рекомендации, безусловно, могут влиять и влияют в ряде случаев на толкование договорных норм или же могут служить базой для разработки международных договоров, а также иногда способствуют становлению международно-правовых обычных норм [2, с. 47]. Например, принятая в 1981 г. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СЕД № 108), в которой принципы закрепляются в строгой, договорной форме, дополняется целым рядом рекомендаций в отношении конкретных и чувствительных областей, таких как медицинские данные (Рекомендация № R (97) 18) относительно защиты персональных данных при их сборе и обработке в статистических целях), персональные данные, которые собираются и обрабатываются в Интернете, и персональные данные, собираемые для целей страхования (Рекомендация № R (99) 5) [2, с. 136].

Стандарты Совета Европы служат образцами, эталонами достижений сотрудничества государств-членов организации в различных областях [3, с. 47].

Что касается объема стандартов в сфере защиты прав человека, то его можно оценивать с точки зрения уровня конкретных требований международно-правовых обязательств, большая часть которых представляет собой положения международных договоров.

Стандарты опираются на опыт государств и служат для них ориентиром. Эти стандарты отражают широкий круг норм, многие из которых принято относить к нормам естественного права.

Стандарты оптимальны по содержанию. Они представляют собой рамки, в которых государства оказались способными достичь компромисса.

Действующие международно-правовые стандарты в сфере прав человека в своей «минимальности» оптимальны, и это позволяет признавать их для себя в качестве обязательных широкому кругу государств.

Европейские международно-правовые стандарты, представляющие собой региональные нормы, составляют вместе с существующими универсальными нормами в сфере прав человека общую систему норм. Она свидетельствует о широкой поддержке государствами этих норм, рассматривающих их как общечеловеческую ценность — основу единых для всех членов международного сообщества правил и ориентиров. Трактовка основных, фундаментальных прав и свобод «практически идентична как в конвенциях, принятых в рамках ООН, так и в рамках региональных международных организаций, что позволяет квалифицировать нормы таких конвенций как международные стандарты прав и свобод

личности, подлежащие обязательной реализации государством путем имплементации в законодательство. Универсальное применение прав и основных свобод совместимо с национальной спецификой и традициями государств, культурой и религией их народов [5, с. 162-164]. Можно согласиться с В.А. Карташкиным, что приверженность традиционным ценностям культуры и религии в современных условиях нельзя игнорировать, поскольку они оказывают существенное воздействие на реализацию международных стандартов прав человека в различных цивилизационных пространствах. Однако есть основные права и свободы человека, приемлемые для всех стран и народов, потому что они представляют собой естественные и прирожденные свойства, необходимые условия нормальной жизнедеятельности общества [4, с. 153].

Таким образом, международно-правовые стандарты являются частью международных норм и имеют юридический характер. Наиболее распространенной классификацией этих стандартов является их деление на универсальные и региональные

Список литературы

1. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. - М.: Московская школа прав человека, 2003. - 560 с.
2. Бенуа-Ромер Ф., Клебес Х. Право Совета Европы. На пути к общеевропейскому правовому пространству. - М.: Весь мир, 2007. - 296 с.
3. Демичева З.Б. К вопросу о понятии «правовые стандарты Совета Европы» // Московский журнал международного права. - 2006 - № 3.- С. 42-52.

Основания легитимности независимости Республики Южная Осетия

В статье рассмотрены историко-правовые и международно-правовые основания легитимности независимости Республики Южная Осетия. Автор считает, что историко-правовыми основаниями легитимности независимости Республики Южная Осетия обусловлены законодательством СССР, а международно-правовые доктринальные основания – основными теориями признания новых государств.

Ключевые слова: Южная Осетия, Грузия, СССР, Россия, независимость.

E. Bekoeva

Bases of Legitimacy of Independence of Republic of South Ossetia

The article covers historical-legal and international bases of legitimacy of independence of Republic of South Ossetia. The author considers that historical-legal bases of legitimacy of independence of Republic South Ossetia are caused by the legislation of the USSR, and international doctrinal bases – the basic theories of recognition of the new states.

Key words: South Ossetia, Georgia, Russia, independence.

При изучении вопроса признания новых государств необходимо принимать во внимание соответствие провозглашающих их возникновение нормативно-правовых актов действующему на момент провозглашения законодательству, а также их соответствие основным критериям независимых государств.

Необходимо подчеркнуть, что новые государства возникают в результате добровольного соединения двух или более суверенных государств, мирного договора между государством и его частью, мирного договора по итогам войны между крупными государствами, военной или политической победы сепаратистских либо освободительных (что не одно и то же!) сил над центральными властями государства, а также в результате распада государств и ряда других причин.

Обретение независимости новым государством может соответствовать законам государства, в состав которого оно ранее входило, а может и не соответствовать. Наиболее предпочтительным с юридической точки зрения считаются варианты, при которых возникновение нового государства не противоречит зако-

нам государства, в состав которого оно ранее входило.

Рассмотрим этот вопрос на примере признания нового государства – Республики Северная Осетия.

В советский период (30 декабря 1922 г. – 25 декабря 1991 г.) Южная Осетия в статусе автономной области вместе с Грузинской ССР входила в состав Союза ССР. Обращаем внимание, что Грузинская ССР не была суверенным государством, а частью территории другого государства – СССР. Таким образом, Южная Осетия также была частью СССР.

В соответствии со ст. 22 Конституции СССР 1977 г. союзные республики имели право выхода из состава СССР [1]. Для упорядочения связанных с данным правом вопросов, был принят Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке разрешения вопросов, связанных с выходом союзной республики из Союза ССР» [2]. Статьи 3 и 4 этого Закона предусматривали, что «автономии в составе выходящей республики сами определяют свою судьбу путем референдума». Таким образом, указанный закон предоставил Южной Осетии как автономной области в составе Грузинской ССР право в случае

проявления Грузией намерения выйти из состава СССР выбрать один из трех вариантов своей дальнейшей судьбы:

- выйти из состава СССР вместе с Грузинской ССР;
- остаться в составе СССР;
- поставить вопрос о суверенном государстве.

20 июня 1990 г. Верховный Совет Грузинской ССР принял постановление, предусматривающее восстановление государственной независимости Грузии. С этого момента Грузия стала «выходящей республикой», а Юго-Осетинская автономная область получила юридическое право на осуществление одного из вышеперечисленных действий.

Важно подчеркнуть, что Верховный Совет Грузинской ССР объявил о приостановке действия рассматриваемого закона на территории Грузинской ССР. Однако данное решение грузинской стороны не имеет юридической силы и выходит за рамки правового поля, так как в тот период Грузия была частью единого государства – СССР, и в случае противоречия между законодательными актами Грузинской ССР и законодательными актами СССР на всей территории СССР юридической правомочностью обладали Законы СССР. В тот период именно СССР был субъектом международного права, членом ООН, Грузия же не была суверенным государством, а была одним из субъектов СССР.

Исходя из этого обстоятельства, бесспорна юридическая состоятельность действий Юго-Осетинской автономной области, избравшей путь следования законам СССР, а не Грузинской ССР. В то же время вызывают значительные сомнения с юридической точки зрения шаги Грузии, направленные на восстановление ее государственной независимости. В частности, нарушением союзного законодательства, явился отказ от проведения на своей территории Всесоюзного референдума о судьбе СССР (который, однако, был проведен на территории Южной Осетии) 17 марта 1991 года. Кроме того, в соответствии с Законом СССР «О порядке разрешения вопросов, связанных с

выходом союзной республики из Союза ССР» для организации референдума о выходе из СССР, определения срока проведения референдума и подведения его итогов Верховный Совет союзной республики должен был «организовать комиссию с участием представителей всех заинтересованных сторон, в том числе упомянутых в частях первой и второй статьи 3 настоящего Закона», то есть, в частности, представителей Юго-Осетинской автономной области, чего сделано не было. Это является другим нарушением закона. Однако неоднократные нарушения действующего законодательства, осуществленные в процессе достижения независимости, не стали препятствием в деле международного признания Грузии.

В 1990 г. высший законодательный орган Грузии – Верховный Совет Грузии – принял постановление, которое объявляет незаконными и недействительными все органы власти на территории Грузии (а значит – и их решения, потому что нельзя признавать законным решение, принятое органом, который сам является незаконным), созданные после 25 февраля 1921 г. (дня советизации Грузии).

Таким образом, в полном соответствии с законодательством самой Грузии, Южная Осетия перестала быть частью грузинской республики, ибо стала ее частью согласно решению, принятому только в 1922 году. При этом, согласно Конституции СССР, Южная Осетия продолжала оставаться частью Советского Союза и закрепила такое положение Постановлением исполкома Совета народных депутатов, предусматривающего, что в случае выхода Грузии из состава СССР на территории Южной Осетии будет действовать Конституция и законодательство СССР.

9 апреля 1991 г. Верховный Совет Грузии принял Декларацию о восстановлении государственной независимости Грузии, после чего начинается отсчет новейшего периода ее независимости. В то же время Южная Осетия продолжала оставаться частью СССР в соответствии с действовавшей Конституцией СССР.

После прекращения существования СССР 25 декабря 1991 г. Южная Осетия оказалась вне территориальных границ какого бы то ни было государства и 19 января 1992 г. провела референдум, на котором граждане, имеющие право голоса, высказались за независимость от Грузии и вхождение в состав России как правопреемницы СССР. Лишь после отказа России принимать на себя обязательства СССР по Южной Осетии, 29 мая 1992 г. была принята Декларация о независимости Республики Южная Осетия.

В 1991 г. Грузия ввела на территорию Южной Осетии вооруженные формирования, которые установили контроль над частью ее территории. В 2008 г. территория Республики Южная Осетия была освобождена российской армией от вооруженных формирований Грузии, которые находились на территории Южной Осетии в нарушение действующего законодательства республики. В том же году Россия, а вслед за ней и ряд других государств признали независимость Южной Осетии.

В настоящее время существует несколько теорий международно-правового признания государств. Рассмотрим их более подробно.

Конститутивная теория признания. Некоторые юристы-международники (Г. Трипель, Д. Анцилотти, К. Штрупп, Холд Фернек, Г. Кельзен, Г. Лаутерпахт и др.) развивали так называемую конститутивную теорию признания, согласно которой признание государства является конститутивным актом, от которого зависит его международная правосубъектность [5, с. 136]. Однако эта теория не учитывает факты реальной действительности, демонстрирующие возможность любого государства независимо от признания или непризнания его другими государствами иметь и эффективно осуществлять установленные международно-правовыми нормами права и обязанности. Другие участники международного общения обязаны независимо от признания или непризнания ими данного государства строго соблюдать в отношениях с ним общепризнанные и общеобязатель-

ные нормы международного права. Государство в отличие от других субъектов международного права обладает универсальной правосубъектностью, не ограниченной ни в отношении предмета международно-правового регулирования, ни во времени, поскольку государство существует. Конститутивная теория была в основном широко распространена до Второй мировой войны.

Декларативная теория признания. Декларативная теория признания имеет сейчас подавляющее большинство сторонников. Ее сущность заключается в том, что признание не сообщает дестинатору соответствующие качества, а лишь констатирует возникновение нового субъекта международного права и облегчает осуществление с ним контактов. Признание предполагает внутреннюю независимость вновь возникшего государства. «Государство возникает и существует самостоятельно, — писал Ф.Ф. Мартенс. — Признанием его лишь констатируется его рождение» [3, с. 184].

Л.А. Моджорян отмечает, что признание «не создает нового субъекта международного права». Жизнеспособные государства, возникшие в результате реализации права наций на самоопределение, а также жизнеспособные правительства, пришедшие к власти в результате свободного волеизъявления народа, «будут существовать независимо от того, пользуются ли они признанием или нет» [4].

Признание или непризнание не влияет на существование нового государства. Признание носит декларативный характер. Признание нового государства не затрагивает прав, приобретённых им до признания в силу законов, имевших применение. Иными словами, юридическим последствием международного признания является признание юридической силы за законами и подзаконными актами признанного государства.

Доктрина Тобара. Это политическая доктрина международно-правового характера, выдвинутая в 1907 г. министром иностранных дел Эквадора Карлосом Р. Тобаром (исп. Carlos R. Tobar) о не-

признании новых правительств, пришедших к власти антиконституционным путём (то есть после государственного переворота правительств), пока эти правительства не будут признаны населением своей страны. Тобар предложил американским государствам подписать международную конвенцию, согласно которой они получили бы возможность вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран. Практически доктрина Тобара была реализована в двух договорах, заключённых Гватемалой, Гондурасом, Коста-Рикой, Никарагуа и Сальвадором в декабре 1907 г. и в ноябре 1923 г., где было зафиксировано, что их участники «не признают правительства, которое может установиться в одной из пяти республик в результате государственного переворота или революции...». США, не являясь участником этих договоров, активно использовали их в своей политике в первой половине XX в.

Доктрина Эстрады. Это политическая доктрина международно-правового характера, провозглашённая в 1930 г. секретарем по внешним связям Мексики Хенаро Эстрадой по вопросу о признании новых правительств. В 1930-2000 гг. яв-

лялась официальной доктриной Мексики в области международной политики. В противоположность доктрине Тобара, по доктрине Эстрады, новое правительство, даже если оно пришло к власти неконституционным путем, не нуждается в специальном акте признания со стороны иностранных государств. Таким образом, возникновение нового правительства ставит перед участниками международного общения лишь вопрос о том, вступать или не вступать с ним в дипломатические сношения. Эстрада осудил злоупотребление правом признания и вмешательство во внутренние дела наций. Доктрина Эстрады, направленная прежде всего против вмешательства США во внутренние дела Мексики, и других латиноамериканских государств, признавалась в СССР прогрессивной.

Таким образом, легитимность независимости Республики Южная Осетия имеет историко-правовые основания в соответствии с законодательством СССР и международно-правовые доктринальные основания в соответствии с основными теориями признания новых государств.

Список литературы

1. Ведомости Верховного Совета СССР. - 1977. - № 41. - Ст. 617.
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1990. - № 15. - Ст. 252.
3. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1 - М.: Юридический колледж МГУ, 1996. – 332 с.
4. Моджорян Л.А. Основные права и обязанности государств. - М.: Юридическая литература, 1965. - 226 с.
5. Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, полутом 1. - М: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. - 408 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Ю. Пиджаков, С.В. Каретникова

Проблемы правоохранительной деятельности таможенных органов Северо-Запада России по противодействию незаконному обороту наркотиков

В статье проанализирована практика деятельности таможенных органов Северо-Запада России по противодействию незаконному обороту наркотиков за 2008-2009 гг. Автор считает, что эффективность этой деятельности в первую очередь зависит от четкости взаимодействия таможенных органов с другими правоохранительными органами как России, так и соседних стран.

Ключевые слова: таможенные органы, правоохранительная деятельность, наркотики.

A. Pidzhakov, S. Karetnikova

Problems of Law-Enforcement Activity of Customs Bodies of the Northwest of Russia on Counteraction to Drug Trafficking

Practice of activity of customs bodies of the Northwest of Russia on counteraction to a drug trafficking for 2008-2009 is analyzed in the article. Author considers that efficiency of this activity first of all depends on clearness of interaction of customs bodies with other law-enforcement bodies of Russia and neighboring countries.

Key words: customs bodies, other law-enforcement activity, drugs.

Динамика изменений, происходящих в России и в мире, воздействием таких негативных тенденций, как устойчивое сокращение численности населения России, ухудшение качественного состава генофонда нации вследствие расширения масштабов незаконного распространения наркотических средств, а также активизацией деятельности транснациональной преступности, усилением терроризма, экстремизма, сепаратизма и ростом преступности, оказывающих деструктивное воздействие на главные ресурсы национальной экономики – интеллектуальное развитие и физическое здоровье населения страны.

Не случайно, одно из угроз национальной безопасности России в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, названа деятельность транснациональных преступ-

ных организаций и группировок, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ [2].

Требования национальной безопасности диктуют необходимость формирования основополагающих направлений антинаркотической политики страны в интересах обеспечения ее безопасности и стабильного развития, направленных на организацию практической деятельности государства в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и противодействия их незаконному обороту [1, с. 92].

Для Северо-Западной оперативной таможни (далее - СЗОТ) 2008-2009 гг. были насыщены мероприятиями международного уровня. Активная работа с международными правоохранительными таможенными органами велась, в том числе, благодаря председательствованию Российской Федерации в Совете Барен-

цева/Евроарктического региона (далее – СБЕР) в 2008-2009 гг. Помимо Российской Федерации в этот Совет входят: Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания и Исландия. Необходимость дальнейшего развития многостороннего взаимодействия с нашими партнерами по СБЕР послужила основанием к проведению в Северо-Западном регионе ежеквартальных координационных совещаний представителей таможенных служб с целью предотвращения таможенных правонарушений в пунктах пропуска и на таможенных территориях названных государств.

Такие встречи состоялись в 2008-2009 гг. в Архангельске, Мурманске, Петрозаводске и Сыктывкаре на базе соответствующих таможен. На встречах руководители правоохранительных структур таможен государств СБЕР обсуждали вопросы совместной борьбы с контрабандой наркотиков, алкогольной и табачной продукции, перемещением товаров и транспортных средств по поддельным документам, искали пути повышения эффективности взаимодействия.

Итоги председательства Российской Федерации в СБЕР были подведены 10 декабря 2009 г. в Мурманске. В результате сотрудничества со странами Баренцева/Евроарктического региона Архангельской, Карельской, Мурманской и Сыктывкарской таможнями было возбуждено несколько десятков уголовных дел и дел об административных правонарушениях, пресечены каналы контрабандного ввоза в Россию автотранспортных средств и лесозаготовительной техники, наркотических и психотропных вещества.

Кроме того, СЗОТ на своей территории принимает делегации представителей таможенных и иных правоохранительных органов иностранных государств, международных организаций. В 2008-2009 гг. Санкт-Петербург и Северо-Западный регион посетили делегации представителей правоохранительных таможенных органов Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Великобритании, Турции, Азербайджана, Европейского бюро по борьбе с мошенничеством. Данные

встречи позволяют обмениваться опытом предотвращения и пресечения таможенных правонарушений, укреплять личные контакты между руководителями соответствующих ведомств.

В результате проведенных в 2008 г. мероприятий таможенными органами зоны ответственности СЗОТ возбуждено 56 уголовных дел по фактам контрабанды наркотиков, изъято 153,4 кг наркотических средств (за 2007 г. – 44 дела и 150,1 кг соответственно).

За 10 месяцев 2009 г. возбуждено 62 уголовных дела. Из незаконного оборота изъято 102068,54 гр. наркотических средств. При вывозе задержано 1996 гр.

По итогам работы за 10 месяцев 2009 г. таможнями, непосредственно расположенными на территории Санкт-Петербурга по фактам контрабанды наркотических средств возбуждено 33 уголовных дела, из незаконного оборота изъято более 100114,31 гр. наркотических средств. Основная масса наркотических средств в 2009 г. задерживалась при ввозе на территорию Российской Федерации в зоне ответственности Балтийской и Пулковской таможен.

В Санкт-Петербурге оперативная обстановка в сфере незаконного оборота наркотиков определяется следующими основными факторами:

1. Наличием крупнейшего морского порта «Санкт-Петербург», в который осуществляют заходы суда, в том числе, с грузами из стран Латинской Америки, активно используемые преступными группировками для организации контрабандных поставок кокаина на территорию России. За 10 месяцев 2009 г. в зоне ответственности Балтийской таможни из оборота изъято 78,8 кг. кокаина.

2. Наличием авиарейсов из стран Средней и Юго-Восточной Азии, на которых контрабандно перемещаются героин и гашиш, в основном с использованием внутриполостного способа сокрытия. В 2009 г. в зоне ответственности Пулковской таможни возбуждено 13 уголовных дел в отношении конкретных лиц осуществлявших контрабанду гашиша с использованием вышеуказанного способа

сокрытия общей массой 9203,52 гр. К уголовной ответственности привлечено 19 человек.

3. Существование каналов контрабанды наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ с сокрытием в международных почтовых отправлениях. В зоне ответственности Санкт-Петербургской таможни отделом по борьбе с контрабандой наркотиков (далее - ОБКН) проведено 8 оперативно-розыскных мероприятий «контролируемая поставка». Из оборота изъято: 765 гр. гашиша из Индии, 23 гр. марихуаны из США, 48 гр. амфетамина из Эстонии, 66,6 гр. трамадола из Индии, 865,43 гр. метандиенона, тестостерона и нандролона болденона из Узбекистана, 700 гр. диметилтриптамина из Нидерландов.

На северном направлении зоны ответственности СЗОТ оперативная обстановка на основании поступающей информации и данных, полученных в результате расследования уголовных дел, характеризуется, в основном, сбытом привозных наркотических средств из внутренних регионов и городов России, в частности из Санкт-Петербурга, Москвы, Вологды, Ярославля, Краснодарского и Ставропольского краев, доставляемых в основном автомобильным и железнодорожным транспортом. Лидирующее положение занимают наркотики опийной группы (героин), синтетические (амфетамин, метамфетамин, МДМА).

Практика задержаний в Санкт-Петербурге наркотического средства «кокаин», показывает, что основным каналом его поступления являются морские транспортные пути, такие как линия Эквадор - Санкт-Петербург и Колумбия - Санкт-Петербург и осуществляется членами экипажей этих судов.

Через страны СНГ (Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан, Казахстан), а также Грузию в условиях недостаточного пограничного контроля, связанного с большой протяженностью границ и малонаселенностью приграничных районов, а также возможности вовлечения местного населения в преступную деятельность, наркотические средства могут достав-

ляться в Санкт-Петербург водным, железнодорожным и автомобильным транспортом через южные районы (Астрахань, Азов, Ростов и т.д.).

Наркотики каннабисной группы, а так же наркотики синтетического происхождения перемещаются из Эстонии в Россию, а героин из России в Эстонию.

В связи с вступлением в Европейский Союз прибалтийских стран и отсутствие между ними границ, как следствие отсутствия должного контроля увеличивается поток синтетических наркотиков.

На границе с прибалтийскими государствами наркотические средства в основном перемещаются физическими лицами через пешеходные пункты пропуска на себе с сокрытием в предметах одежды, либо пассажирским автобусным транспортом. Для перемещения используются женщины и дети. В автомобильном транспорте используются тайники и технологические полости. С сокрытием в товарах, автоперевозчик преимущественно используется «втемную». По имеющейся информации установлено, что 70% синтетических наркотических средств поступают из Литвы.

На границе с Эстонией в зоне ответственности Кингисеппской таможни международный автомобильный пункт пропуска (далее – МАПП) «Ивангород» является основным местом пересечения российско-эстонской границы физическими лицами, через который перемещается от 3000 до 4000 физических лиц ежедневно. Таким образом, в связи с большим потоком физических лиц наиболее вероятным местом контрабандного перемещения наркотических средств на таможенном посту «Ивангород» можно считать легковое автомобильное направление и пункт пропуска физических лиц.

Так, 29 февраля 2008 г. в результате совместной операции СЗОТ, Главного управления внутренних дел Министерства внутренних дел России по Северо-Западному федеральному округу (далее - ГУ МВД России по СЗФО), МВД Республики Татарстан и Службой экономической безопасности управления Федеральной службы безопасности по Санкт-

Петербургу и Ленинградской области (далее - СЭБ УФСБ по СПб и ЛО) на территории МАПП «Ивангород» Кингисеппской таможни, после оформления на въезд в Российскую Федерацию из Эстонии, при проведении таможенного досмотра на личном автомобиле был задержан гражданин РФ, постоянно проживающий на территории республики Эстония. Изъято около 27 кг (более 95 тысяч таблеток) наркотического средства «экстази».

В 2009 г. на данном направлении ОБКН СЗОТ во взаимодействии с УФСБ по СПб и ЛО и отделом по борьбе с этническими организованными группами и преступными сообществами оперативно-розыскной части по борьбе с наиболее опасными преступлениями общеуголовной направленности оперативно-розыскного бюро ГУ МВД России по СЗФО проведены оперативно-розыскные мероприятия по пресечению преступной деятельности организованной группы с международными преступными связями, наладившей канал контрабандных поставок наркотических средств «амфетамина», «гашиша» и МДМА в особо крупных размерах из Эстонской Республики на территорию России через пограничный пропускной пункт «Ивангород», с последующим их распространением на территории России, в т.ч. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. К уголовной ответственности привлечены 9 человек. Изъято из незаконного оборота: 4600 грамм «гашиша»; 282 грамма (1000 таблеток) МДМА (экстази); 1000 грамм «амфетамина», 1 грамм «3-метилфентанила», 2 грамма «марихуаны», а также 143000 рублей добытых преступным путем.

На данном направлении таможенными органами в 2010 году внесены коррективы в организацию работы и проведение согласованных мероприятий по усилению борьбы с преступлениями и нарушениями законов внешнеэкономической направленности. В частности, в Северо-Западное территориальное управление Росграницы направлено письмо о рассмотрении вопроса о правовых осно-

ваниях установления, обустройства и открытия в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации пешеходного пункта пропуска Ивангород – Нарва (район Парусинка) или о его закрытии, учитывая, что с момента подписания Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о пунктах пропуска через российско-эстонскую границу 25 июня 2002 г. строительство и обустройство указанного пункта пропуска не проведено, таможенный контроль на данном пункте пропуска отсутствует и осуществляется только паспортно-визовый контроль, что возможно способствует перемещению через Государственную границу Российской Федерации запрещенных товаров, в т.ч. наркотических средств.

Приграничное расположение Псковской области, наличие транспортных коридоров, сложности в организации и осуществлении погранично-таможенного контроля, способствуют тому, что область рассматривается наркодельцами как перспективный канал транзита партий наркотиков из наркопроизводящих стран (Средняя Азия и Казахстан) в Западную Европу и страны Прибалтики, а также из стран Прибалтики в Россию через территорию Псковской области.

Негативное влияние на наркоситуацию в Псковской области оказывает близость Москвы и Санкт-Петербурга. Из Москвы, Твери и Санкт-Петербурга в Псковскую область поставляется героин, из Средней Азии и Кавказа – марихуана, из стран Прибалтики в Москву, Санкт-Петербург – синтетические наркотические средства.

Согласно имеющейся оперативной информации в зоне деятельности МАПП «Убылинка» отмечается слабое обустройство участка границы в зоне деятельности поста и разделение территорий Российской Федерации и Латвийской Республики лишь узким руслом реки Кухва создает предпосылки для переброски через реку небольших партий товара, в том числе и наркотических средств, помимо пунктов пропуска. На отдельных

участках границы имеются возможности обхода существующих пунктов пропуска в зонах деятельности Печорской, Паниковской (Эстония) и Лавровской (Латвия), Вашковской (Латвия) волостях при условии благоприятной погоды и с учетом расположения.

В зоне ответственности Себежской таможни находится:

- сухопутный участок российско-латвийской протяженностью 51 км. Весь участок границы является сухопутным. Данный участок границы пересекают железная дорога и автомагистраль международного значения сообщением «Москва-Рига», самым коротким путем соединяющие Россию со странами Балтии, Калининградской областью и государствами Западной Европы. Более 90% грузов Рижского морского порта перевозится по данным магистралям;

- участок российско-белорусской границы протяженностью 108 км. Данный участок границы пересекают автомагистрали международного значения сообщением «Полоцк – Опочка» и «Верхнедвинск – Себеж», на которых расположены пункты пропуска «Долосцы» и «Байдаково». Ежедневно через пункт пропуска «Долосцы» в направлении въезда и выезда в общей сложности перемещаются около 140-160 грузовых и 250-260 легковых автомашин и через пункт пропуска «Байдаково» - около 30 грузовых и 30-35 легковых транспортных средств. В связи с тем, что указанными пунктами пропуска не оформляются товары по процедуре международных автомобильных перевозок в структуре грузооборота преобладают товары, происходящие с территории Беларуси и России. Основными отправителями товара в Республику Беларусь из Российской Федерации являются фирмы, расположенные в Санкт-Петербурге, Петрозаводске, Пскове и Новгороде. Особенностью данного вида перевозок является неприменение при их перемещении таможенного контроля и таможенного оформления. Товары импортного производства присутствуют в структуре грузооборота и представлены в основном грузами, ввозимы-

ми в Российской Федерации транзитом через Республику Беларусь, после таможенного оформления завершено на территории Калининградской области.

Республика Карелия хотя и занимает выгодное географическое положение (граница с Финляндией – членом Европейского Союза), но в силу слаборазвитой транспортной инфраструктуры и малонаселенности территории является непривлекательным регионом для сбыта в Республике Карелия и транспортировки наркотических средств в западноевропейские страны, крупными иностранными наркогруппировками.

Чаше других в Карелию попадают наркотики афганского происхождения, контрабандно перемещенные на южных рубежах России из Средней Азии, оптовые партии которых транспортируются автомобильным и железнодорожным транспортом в различные регионы страны, в том числе и в Санкт-Петербург и Ленинградскую область, откуда различными видами транспорта доставляются в районы Республики Карелия. Амфетамин и синтетические наркотики, произведенные из европейских стран, в Карелию попадают внутренними автомобильными и железнодорожными перевозками из Ленинградской области.

Вся сухопутная таможенная граница в зоне деятельности Мурманской таможни хорошо оборудована в инженерном отношении, в связи с чем возможность для объезда, обхода существующих пунктов пропуска отсутствует.

Наиболее показательными результатами взаимодействия являются следующие совместные задержания наркотических средств за последнее время:

1. Сотрудниками ОБКН Балтийской таможни совместно с сотрудниками ФСБ и МВД в период с 6 августа 2009 г. по 7 августа 2009 г. проводились мероприятия по выявлению и пресечению деятельности лиц, причастных к организации контрабанды наркотических средств – кокаин.

В результате проведенных мероприятий 5 августа 2009 г. на морском судне «Балтик Мелоди» (под флагом Либе-

рии), прибывшем 4 августа 2009 г. из порта Гуаякиль (Эквадор) в помещении трюма 2 «А» под «рейтингсами» обнаружен и изъят 1 брикет прямоугольной формы. Согласно заключению специалиста экспертно-криминалистической службы по оперативной идентификации наркотических средств вещество в брикете является наркотическим средством «кокаин». Масса нетто 954,93 гр. Отделом дознания Балтийской таможни возбуждено уголовное дело.

2. В период с 10 августа 2009 г. по 13 сентября 2009 г. сотрудниками ОБКН Балтийской таможни совместно с сотрудниками ФСБ и МВД проведена операция по пресечению контрабанды наркотических средств на судне «Балтик Винд» (под флаг Сент-Винсента и Гренадин), прибывшего 10 августа 2009 г. из порта Гуаякиль (Эквадор).

В результате проведенной операции в помещении трюма 3 «В» было обнаружено и изъято 18 брикетов прямоугольной формы с порошкообразным веществом.

Согласно заключению специалиста порошкообразное вещество является наркотическим средством «кокаин», весом 26460,87 гр.

По данному факту отделом дознания Балтийской таможни 12 августа 2009 г. возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 188 Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. В целях предотвращения незаконного оборота наркотических средств организованными преступными группами сотрудниками ОБКН Выборгской и Северо-Западной оперативной таможен при участии 2-го отдела СЭБ УФСБ России по СПб и ЛО и ГУ МВД России по СЗФО по итогам анализа оперативной обстановки, складывающейся на российско-финской границе в сентябре 2009 г. в рамках ранее подписанных планов

взаимодействия между правоохранительными органами на 2009 год, организовано проведение оперативно-профилактических мероприятий на канале международных автомобильных перевозок в зоне ответственности Выборгской таможни.

Сотрудниками ОБКН СЗОТ, Пулковской таможни и Управления Федеральной службы за оборотом наркотиков по Санкт-Петербургу и Ленинградской области проводятся совместные оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление остальных членов преступной группы.

Отделение сотрудничества с правоохранительными органами зарубежных стран СЗОТ, созданное в целях организации и проведения всех международных мероприятий, на протяжении трех лет успешно поддерживает и развивает профессиональные контакты российских и зарубежных таможенных структур, международных организаций и дипломатических представительств. При этом отделение исполняет самостоятельно и координирует деятельность таможен региона по исполнению международных запросов и поручений о правовой помощи по уголовным делам (в минувшем году СЗОТ отработано около 200 таких запросов), на постоянной основе осуществляет взаимодействие между таможенными органами стран-соседей. Вся эта работа способствует укреплению доверия и расширению международных правоохранительных связей таможен региона деятельности СЗТУ и СЗОТ.

Таким образом, эффективность правоохранительной деятельности таможенных органов Северо-Запада России в первую очередь зависит от четкости взаимодействия таможенных органов с другими правоохранительными органами как России, так и соседних стран.

Список литературы

1. Жбанков В.А. О подготовке кадров в Российской таможенной академии для правоохранительного блока Федеральной таможенной службы //Вестник Российской таможенной академии. – 2009. - № 4. - С. 92-99.

И.М. Леженникова

К вопросу о включении нотариуса в систему ювенальной юстиции

В статье обосновывается необходимость включения нотариуса в систему ювенальной юстиции. Автор считает, что нотариус может исполнять функции посредника медиатора в рамках восстановительной ювенальной юстиции.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, нотариус, медиатор.

I. Lezhennikova

To a Question on Inclusion of Notary in System of Juvenile Justice

The article covers necessity of inclusion of notary in the system of juvenile justice. The author considers that notary can execute functions of the intermediary of a mediator within the limits of regenerative juvenile justice.

Key words: juvenile justice, notary, mediator.

В течение нескольких лет в ряде регионов нашей страны проводится эксперимент по внедрению новых элементов ювенальных технологий в деятельность субъектов ювенальной юстиции и профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В юридической литературе встречаются различные определения понятия ювенальной юстиции. Так, например, В.Д. Ермаков, считает, что в ювенальная юстиция это не только судебные органы, организации, обеспечивающие защиту несовершеннолетних, но и «органы, разрабатывающие законодательство, направленное на защиту прав и свобод и законных интересов несовершеннолетних»; органы, осуществляющие исполнение решений в отношении несовершеннолетних; «лиц, ответственных за их воспитание» [2, с. 22-23].

В проекте Основ законодательства о ювенальной юстиции в Российской Федерации, разработанном в 1999 г., ювенальная юстиция определяется как совокупность правовых механизмов, медико-социальных, психолого-педагогических и реабилитационных, а также иных процедур и программ, предназначенных для

обеспечения наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, а также лиц, ответственных за их воспитание, реализуемых системой государственных и негосударственных органов, учреждений и организаций [6, с. 28].

В ст. 4 Федерального закона № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [5] перечислены органы и учреждения, осуществляющие защиту прав и интересов несовершеннолетних, однако в этом перечне отсутствует нотариус. Между тем в соответствии со ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате № 4462-1 от 11 февраля 1993 г., [1] нотариус осуществляет защиту прав и интересов граждан путем совершения нотариальных действий от имени Российской Федерации, из чего вытекает, что он осуществляет, в том числе, и прав несовершеннолетних. Не предусматривается участие нотариуса в защите законных прав несовершеннолетних и в предлагаемых законопроектах, научных исследованиях, посвященных ювенальной юстиции. Такое положение дел представляется

не совсем верным, так как нотариус, совершая нотариальные действия, направленные на защиту законных прав и интересов ребенка, действует от имени государства, а не как частное лицо или представитель какого-либо государственного органа или учреждения. Нужно заметить, что из всех органов и учреждений системы ювенальной юстиции, а также системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, от имени государства действует только суд.

К числу часто совершаемых нотариальных действий, направленных на защиту законных прав ребенка, можно отнести: удостоверение сделок; выдача свидетельства о праве на наследство на имя несовершеннолетнего; удостоверение факта нахождения несовершеннолетнего в живых или в определенном месте; удостоверение согласия родителей на выезд несовершеннолетнего ребенка за пределы Российской Федерации или согласия на усыновление ребенка; алиментное соглашение; соглашение родителей об определении места жительства ребенка; письменные обязательства собственников недвижимого имущества, приобретавших данное имущество за счет кредитных средств и использующих денежные средства «материнского капитала» на погашение кредитных обязательств. Кроме того, закон возлагает на нотариуса обязанность по охране прав и интересов еще не родившегося ребенка (насчитуруса). Нотариус должен приостановить выдачу свидетельства о праве на наследство, при наличии зачатого, но еще не родившегося наследника. Ребенок, родившийся после смерти наследодателя, включается в круг наследников. Нужно заметить, что действия нотариуса по защите прав и интересов граждан, в том числе и несовершеннолетних, носят превентивный характер, так как нотариальные действия направлены на снижение риска и возможных потерь. Кроме того, нотариальная защита является юрисдикционной и обладает преимуществом перед судебной и административной формами защиты [7, с. 9].

Следует иметь в виду, что совершая нотариальные действия, направленные

на защиту прав и интересов несовершеннолетних, нотариус всегда отражает позицию органа опеки и попечительства. Практически всегда ему требуется наличие согласия данного органа на совершение той или иной сделки с участием ребенка, за исключением случаев удостоверения: безвозмездных сделок в пользу несовершеннолетнего (принятие наследства, дарение); алиментных соглашений; соглашений родителей об определении места жительства ребенка; письменных обязательств собственников недвижимого имущества приобретавших данное имущество за счет кредитных средств и использующих денежные средства «материнского капитала» на погашение кредитных обязательств.

Исходя из прав, предоставленных законом нотариусу, можно считать, что одновременно он осуществляет две функции при совершении нотариальных действий. С одной стороны, он является гарантом прав и интересов несовершеннолетних, с другой стороны - осуществляет контроль за правильностью применения органами опеки и попечительства законодательства, направленных на защиту прав ребенка. Иногда органы опеки и попечительства, в силу своей некомпетентности, дают согласие на совершение сделок, противоречащих интересам несовершеннолетнего, в таких случаях нотариус откладывает совершение нотариального действия.

При удостоверении соглашения об уплате алиментов, нотариус не только максимально обеспечивает защиту интересов детей, но и осуществляет контрольные функции. Он может отказать в удостоверении данного соглашения, если круг лиц, участвующих в соглашении, не соответствует законодательству, или размер алиментов, уплачиваемых по нему, будет ниже размера алиментов, установленных законом. Кроме того, нотариус в целях обеспечения наиболее полной защиты прав несовершеннолетних выясняет, каким образом будет производиться индексация алиментов, а также как родители будут нести дополнительные расходы, связанные с исключительными обстоя-

тельствами. Данное соглашение приравнивается к исполнительному листу, другие исполнительные документы не требуются.

Еще одним действенным способом по защите прав и интересов несовершеннолетних является оформление нотариусом согласия родителей на выезд ребенка за пределы Российской Федерации, так как законодательные акты Российской Федерации возлагают только на нотариуса обязанность установить родственную связь между несовершеннолетним ребенком и родителем (усыновителями) на основании свидетельства о рождении (свидетельства об установлении отцовства) либо права и полномочия опекуна или попечителя.

В настоящее время граждане все чаще составляют у нотариуса письменное обязательство по использованию денежных средств «материнского капитала», что связано с изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 4 декабря 2009 г. № 994 в Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий [4]. Этот нотариальный документ является гарантией защиты жилищных прав несовершеннолетнего в будущем, а нотариус защищает прав ребенка совместно с Пенсионным Фондом Российской Федерации.

В последнее время в России значительное внимание уделяется вопросам восстановительного правосудия - институту медиации, широко используемому в мировой юридической практике. Медиация может применяться в различных сферах деятельности: в семейных отношениях; воспитательно-образовательной сфере; системе социального обеспечения и здравоохранения. Президент Московской городской нотариальной палаты В.В. Ралько считает, что «...развитие медиации в нашей стране окажет плодотворное влияние на всю правовую систему. Внедрение медиации позволит разгрузить нашу судебную систему от большого количества споров, которые

потенциально могут быть разрешены мирным путем» [3, с. 29]. Эксперименты по внедрению медиации проводятся в различных регионах России: Москве; Санкт-Петербурге; Тюмени; Дзержинске Нижегородской области; городах Гатчина и Кингисепп Ленинградской области.

В европейских странах восстановительное правосудие считается альтернативой гражданскому, арбитражному, третейскому, уголовному судопроизводству. В этих странах в роли медиатора обычно выступают юристы и психологи. Использование представителя одной из этих профессий зависит от области, в которой осуществляется медиация. Например, в семейных отношениях иногда роль медиатора более эффективно исполняет психолог, чем юрист. Но все же предпочтение отдается медиаторам-юристам, так как результатом любой медиации является принятие решения, которое должно иметь форму соглашения, имеющего юридическую силу. Из числа юристов полномочиями медиатора наиболее часто наделяются судьи, адвокаты, нотариусы. Например, в Германии нотариус выступает в качестве медиатора, он наделен не только правом управления переговорами, но и правом оформлять результаты переговоров (решения, соглашения) в юридическую форму путем нотариального их удостоверения.

Учитывая международный опыт применения восстановительного правосудия, считаем, что в России нотариус может исполнять функции посредника (медиатора), особенно в рамках восстановительной ювенальной юстиции, так как при совершении нотариальных действий, он уже выступает от имени государства, так же как и суд, и обладает необходимыми знаниями. Использование потенциала института нотариата позволит более эффективно защищать права и интересы несовершеннолетних; разрешать конфликты с их участие; устранять порождающие их причины.

Список литературы

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1999. - № 10. - Ст. 357.
2. Ермаков В.Д. Юстиция обязана защищать права и законные интересы несовершеннолетних // Российская юстиция. - 2000. - № 10. - С. 22-39.
3. Ралько В.В. Медиация. Сущность и технология // Нотариальный вестник. - 2009. - № 1. - С. 29.
4. Российская газета. - 2009. - 14 декабря.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 26. - Ст. 3177.
6. Тетюв С.В. Ювенальные суды: какими им быть в России // Вопросы ювенальной юстиции. - 2006. - №2 (7). - С. 28-30.
7. Шахбазян А.А. Правовая природа защитной функции нотариата в гражданском обороте // Нотариус. - 2009. - № 6. - С. 6-10.

О.Н. Панюкова

Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по противодействию экстремизму

В статье рассмотрены правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел как головного координатора деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности. Автор приходит к выводам о том, что существующая в настоящее время правовая база еще не в достаточной мере обеспечивает эффективность противодействия экстремизму и, что необходимо законодательное закрепление координации деятельности субъектов противодействия экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, органы внутренних дел, координация.

O. Panyukova

Legal and Organizational Bases of Activity of Internal Affairs Bodies on Counteraction to Extremism

The article covers legal and organizational bases of activity of internal affairs bodies as head coordinator of activity on revealing, the prevention, suppression and disclosing of crimes of an extremist orientation. The author comes to conclusions that the legal base existing now does not provides efficiency of counteraction to extremism and that legislative fastening of coordination of activity of subjects of counteraction to extremism is necessary.

Key words: extremism, internal affairs bodies, coordination.

Для России как уникального многонационального государства особо опасным явлением является экстремизм, поскольку он угрожает мирному сосуществованию различных этнических и социальных групп, способен посеять недоверие и разлад среди населения страны, посягает на основные принципы конституционного строя.

Оперативная обстановка по линии борьбы с экстремизмом остается достаточно сложной и напряженной. Нерешенность социальных проблем, высокая интенсивность миграционных потоков являются питательной базой для проявлений экстремизма и как следствия - конфликтов в сфере межнациональных отношений.

Увеличение числа преступлений экстремистской направленности можно объяснить как повышением учетно-регистрационной дисциплины и активизацией работы правоохранительных органов с одной стороны, так и возросшей активностью организаций и объединений экстремистской направленности с другой стороны в связи со складывающейся социально-экономической и политической ситуацией в России.

Правовую основу противодействия экстремизму составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти.

В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации).

Положения ст. 13 Конституции Российской Федерации запрещают создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». В настоящее время в таком многонациональном и многоконфессиональном государстве как Российская Федерация основная внутренняя угроза конституционному строю

может исходить от террористических, экстремистских, сепаратистских организаций.

В соответствии с ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации «не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

Основным нормативным правовым актом в сфере противодействия экстремизму в настоящее время является Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [11].

Иными нормативными правовыми актами, регламентирующими вопросы борьбы с экстремизмом, являются кодексы: Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8], Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3] Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [2], Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» [1], Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» [6].

Помимо этого, на противодействие экстремистской деятельности направлены отдельные положения Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [13], Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [12]; Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [7], Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [10], Федерального за-

кона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [9].

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» является базовым нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы борьбы с экстремизмом, дающим перечень характеризующих его юридически значимых признаков, закрепляющим ответственность должностных лиц и граждан, общественных и религиозных объединений, средств массовой информации за осуществление экстремистской деятельности, распространение печатных, аудиовизуальных и иных экстремистских материалов, в том числе при проведении массовых акций.

Одним из важных положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» является определение правовых и организационных основ борьбы с экстремизмом в России, установление порядка координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, общественных и религиозных объединений, должностных лиц, осуществляющих борьбу с экстремизмом.

Существенным представляется тот факт, что в положениях рассматриваемого закона отсутствует традиционный подход законодателя, сводящийся к пресечению преступной деятельности, и провозглашается приоритет мер предупреждения экстремизма, который проявляется в осуществлении профилактических, в том числе воспитательных, пропагандистских мер, направленных на предупреждение проявлений экстремизма.

К недостаткам Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» относится неопределенность законодательного определения экстремистской деятельности (экстремизма). М.П. Киреев по этому поводу справедливо отмечает: «На сегодняшний день нет общепризнанного определения экстремизма, а понятие, данное в законодательстве Российской Федерации, справедливо

подвергается критике как не раскрывающее всей его сути, отождествляющее экстремизм с экстремистской деятельностью и, что самое пагубное, с терроризмом и террористической деятельностью. Часто можно услышать и такое утверждение: терроризм – это крайняя форма экстремизма. Однако зачем такое утверждение, не совсем понятно? Ведь и у экстремистов, и у террористов различен объект посягательства, следовательно, это два самостоятельных вида преступной деятельности, наконец, и цели у лиц, совершающих эти преступления, и способы достижения целей различны» [4, с. 96].

Практика применения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» показала, что его положения не в полной мере регулируют вопросы, связанные с распространением экстремистских материалов в сети «Интернет».

Недостатком можно назвать тот факт, что, в отличие от принятого позднее Федерального закона «О противодействии терроризму», в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» не конкретизированы субъекты противодействия экстремизму.

В настоящее время Указом Президента Российской Федерации от Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» [15] функция головного координатора всей деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности возложена на органы внутренних дел. В целях реализации данного Указа в аппарате Министерства внутренних дел (далее – МВД) России создан Департамент по противодействию экстремизму. Важными задачами указанного Департамента, его полномочных представителей являются документирование противоправной деятельности, а также обобщение и анализ результатов действий органов внутренних дел, в отдельных случаях – разработка прогноза развития экстремизма и подготовка предложений по его ликвидации или ограничению. К другим задачам Де-

партамента относится прежде всего ведение учета преступлений, совершаемых экстремистами; лиц, подозреваемых в проведении экстремистских действий, а также групп экстремистов. Централизованная регистрация должна производиться с использованием новых информационных технологий, вычислительной техники, стоящей на вооружении МВД России.

В целях организации качественно и своевременного выполнения задач по противодействию экстремистским проявлениям в Российской Федерации (по данным Департамента по противодействию экстремизму) разработана в соответствии с протокольным решением заседания коллегии МВД России от 6 февраля 2009 года программа Министерства внутренних дел России по противодействию экстремизму на 2010-2012 годы.

В соответствии с вышеназванными документами основными задачами Департамента по противодействию экстремизму являются:

- участие в формировании государственной политики в сфере противодействия экстремизму;
- участие в совершенствовании нормативно-правового регулирования в сфере противодействия экстремизму;
- организация борьбы с преступлениями экстремистской направленности и террористического характера;
- организационно-методическое руководство подразделениями по противодействию экстремизму.

Важная роль в деле противодействия экстремизму в системе органов внутренних дел отводится подразделениям, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Однако, деятельность органов внутренних дел в этом плане существенно затрудняет тот факт, что в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации преступления средней тяжести, что согласно положениям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не позволяет осуществлять в отношении лиц подозреваемых или обвиняемых в совер-

шении таких преступлений полный комплекс оперативно-розыскных мероприятий. Ситуация стала измениться в связи с дополнениями, внесенными в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» [14]. В соответствии с этими дополнениями стало возможным в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести прослушивания телефонных и иных переговоров и проведение оперативного эксперимента.

В настоящее время существует ряд проблемных вопросов на межведомственном уровне, связанных с противодействием экстремизму, решение которых во многом зависит от совместной работы МВД России, Федеральной службы безопасности, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации. В частности на федеральном уровне отсутствует нормативный правовой акт, регламентирующий координации деятельности субъектов по противодействию экстремизму.

Взаимодействие правоохранительных органов по противодействию экстремизму необходимо потому, что до 2008 г. функция выявления рассматриваемой категории преступлений и их расследования возлагалась на подразделения Федеральной службы безопасности России, с которыми органам внутренних дел в настоящее время необходимо налаживать тесное взаимодействие [4, с. 96].

Функция предварительного расследования преступлений экстремистской направленности в настоящее время возложена на Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, следовательно, необходимо тесное взаимодействие со следователями Следственного комитета.

Представляется, что вопросы координации деятельности субъектов про-

тивододействия экстремизму должны регулироваться на законодательном уровне.

Важное место в осуществлении противодействия экстремизму в системе органов внутренних дел занимает правовое обеспечение этой деятельности. С.Н. Поминов на примере противодействие религиозному экстремизму считает, что правовое обеспечение деятельности органов внутренних дел в этой сфере представляет собой совокупность юридических норм и принципов организации деятельности органов внутренних дел и его структурных подразделений, содержащихся в нормативных правовых актах, ведомственных нормативных актах, ре-

гулирующих деятельность органов внутренних дел по профилактике, предупреждению, предотвращению и пресечению экстремистских противоправных действий в религиозной сфере, а также процесс установления, изменения или отмены данных норм [5, с. 9-10].

В завершение статьи отметим, что существующая в настоящее время правовая база еще не в достаточной мере обеспечивает эффективность противодействия экстремизму. Необходимо также законодательное закрепление координации деятельности субъектов противодействия экстремизму.

Список литературы

1. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1991. - № 16. - Ст. 503.
2. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992. - № 7. - Ст. 300.
3. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992. - № 8. - Ст. 366.
4. Киреев М.П. Противодействие экстремизму в современной России и задачи органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. - 2009. - № 2. - С. 96-98.
5. Поминов С.Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: Дис... канд. юрид. наук. - М., 2007. 166 с.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 13. - Ст. 1127.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 21. - Ст. 1930.
8. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1995. - № 33. - Ст. 3349.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 39. - Ст. 4465.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 29. - Ст. 2950.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3031.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004. - № 25. - Ст. 2485.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 11. - Ст. 1146.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2007. - № 31. - Ст. 4008.
15. Собрание законодательства Российской Федерации. - 2008. - № 37. - Ст. 4182.

Об авторах

Бекоева Эмилия Таймуразовна, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, аспирант кафедры государственного права. Область научных интересов: проблемы международного права. Контактная информация для переписки: 15, ул. Фучика, Санкт-Петербург, 192238.

Emilia Bekoeva, St. Petersburg Humanitarian University of the Trade Unions, post-graduate student of the Department of State Law. Sphere of scientific interests is problems of international law. Contact information for correspondence: 15, Fuchika, St. Petersburg, 192238.
e-mail: mimiliya@mail.ru

Бороздина Ярослава Александровна, Петрозаводский государственный университет, доцент кафедры международного и конституционного права, кандидат юридических наук, доцент. Область научных интересов: проблемы международного и европейского права. Контактная информация для переписки: 33, пр. Ленина, Петрозаводск, 185910.

Yaroslava Borozdina, Petrozavodsk State University, Docent of the Department of International and Constitutional Law, Candidate of Law, Docent. Sphere of scientific interests is problems of international and European law. Contact information for correspondence: 33, pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910.
e-mail: borozdina@mincult.karelia.ru

Голованов Николай Михайлович, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, заведующий кафедрой предпринимательского права и экономической безопасности, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации. Область научных интересов: проблемы гражданского, предпринимательского права, истории государства и права. Контактная информация для переписки: 6/8-А ул. 7-я Красноармейская, Санкт-Петербург, 198005.

Nikolay Golovanov, St. Petersburg State University of Engineering and Economic, Managing Chair of the Department of Enterprise Law and Economic Security, Candidate of Law, Professor, The Deserved Lawyer of the Russian Federation. Sphere of scientific interests is problems of civil, enterprise law, history of state and law. Contact information for correspondence: 6/8-A, 7-ya Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg. 198005.
e-mail: dept.ald@engec.ru

Григонис Эугениус Пранович, Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр, генеральный директор, доктор юридических наук, профессор. Область научных интересов: проблемы теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений, конституционного права, уголовного права и уголовного процесса, организации правоохранительной деятельности. Контактная информация для переписки: 5, ул. Шпалерная, Санкт-Петербург, 191187.

Eugeniyus Grigonis, Inter-Branch Scientific-Publishing and Education Centre, General Director, Doctor of Law, Professor. Sphere of scientific interests is problems of theory and history of state and law, constitutional law, criminal law and criminal procedure, organization of law-enforcement activity. Contact information for correspondence: 5, Shpalernaya, St. Petersburg, 191187.
e-mail: grigonis@mail.ru

Каленский Виктор Петрович, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, аспирант кафедры государственного и административного права. Тема диссертационного исследования: «Государственное управление в России в

период абсолютной монархии (историко-правовой аспект)». Контактная информация для переписки: 6/8-А ул. 7-я Красноармейская, Санкт-Петербург, 198005.

Viktor Kalenskiy, St. Petersburg State University of Engineering and Economic, post-graduate student of the Department of State and Administrative Law Theme of the dissertation is “The government in Russia in absolute monarchy (Historical-Legal Aspect)”. Contact information for correspondence: Contact information for correspondence: 6/8-А, 7-я Красноармейская str., St. Petersburg. 198005.

e-mail: dept.kgiap@engec.ru

Каретникова Светлана Владимировна, Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал Российской таможенной академии, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин. Область научных интересов: история государства и права, таможенное право, уголовный процесс. Контактная информация для переписки: 52, ул. Софийская, 192241.

Svetlana Karetnikova, St. Petersburg Branch named after Vladimir Bobkov of the Russian Customs Academy, Senior Lecturer of the Department of Criminal Disciplines. Sphere of scientific interests is history of state and law, customs law, criminal procedure. Contact information for correspondence: 52, Sofiyskaya, St. Petersburg, 192241.

e-mail: karetnikova@yandex.ru

Колоева Лейла Ахметовна, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, аспирант кафедры государственного и административного права. Область научных интересов: история государства и права. Контактная информация для переписки: 6/8-А ул. 7-я Красноармейская, Санкт-Петербург, 198005.

Leyla Koloeva, St. Petersburg State University of Engineering and Economic, post-graduate student of the Department of State and Administrative Law. Sphere of scientific interests is history of state and law. Contact information for correspondence: Contact information for correspondence: 6/8-А, 7-я Красноармейская str., St. Petersburg. 198005.

e-mail: dept.kgiap@engec.ru

Кудимов Александр Викторович, Российский новый университет, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук. Область научных интересов: история отечественного государства права, предпринимательское и финансовое право. Контактная информация для переписки: 22, ул. Радио, Москва 105005.

Alexander Kudimov, Russian New University, Docent of the Department of State Law Disciplines, Candidate of Law. Sphere of scientific interests is history of state and law, entrepreneurial and financial law. Contact information for correspondence: 22, Radio str., Moscow, 105005.

e-mail: kudimov@list.ru

Леженникова Ирина Михайловна, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, ассистент кафедры гражданского и уголовного права. Область научных интересов: проблемы ювенальной юстиции. Контактная информация для переписки: 11, Ивановская, Санкт-Петербург, 190000.

Irina Lezhennikova, St. Petersburg State University of Service and Economy, assistant of the Department of Civil and Criminal Law. Sphere of scientific interests is problems of juvenile justice. Contact information for correspondence: 11, Ivanovskaya str., St. Petersburg, 190000.

e-mail: dec.law@spbsseu.ru

Макроменко Виктор Дмитриевич, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, доцент, кандидат юридических наук. Область научных интересов: проблемы теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений, муни-

ципального права. Контактная информация для переписки: 14, Садовая ул., Пушкин, Санкт-Петербург, 196600.

Viktor Makromenko, St. Petersburg State Agrarian University, Docent. Sphere of scientific interests is problems of theory and history of state and law, history of political and law studies, municipal law. Contact information for correspondence: 14, Sadovaya str., Pushkin, St. Petersburg, 196600.

e-mail: m777vd@yandex.ru

Панюкова Ольга Николаевна, Санкт-Петербургский университет МВД России, адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности. Тема диссертационного исследования: «Оперативно-розыскное противодействие преступлениям экстремистской направленности». Контактная информация: 1, ул. Летчика Пилутова, Санкт-Петербург, 198206.

Olga Panyukova, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, post-graduate student of the Department of Operational Search Activity. Theme of the dissertation is “Operational Search counteraction to crimes of extremism orientations”. Contact information for correspondence: 1, Letchika Pilyutova str., St. Petersburg, 198206.

e-mail: olikpiter@gmail.com

Пиджаков Александр Юрьевич, Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, заведующий кафедрой Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор, доктор юридических наук, доктор исторических наук. Область научных интересов: история государства и права, проблемы современного терроризма в условиях мировой интеграции и глобализации. Контактная информация: 38, ул. Пилотов, Санкт-Петербург, 196210.

Alexander Pidzhakov, St. Petersburg State University of Civil Aviation, Managing Chair of the Department of International Law, The Honoured Worker of a Science of the Russian Federation, The Honourable Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Law, Doctor of History, Professor. Sphere of scientific interests is history of state and law, history of political and law studies, problems of present terrorism in the conditions of world integration and globalization. Contact information for correspondence: 38, ul. Pilotov, St. Petersburg, 196210

e-mail: pidzhakov@list.ru

Полякова Татьяна Михайловна, Северо-Западная академия государственной службы, профессор кафедры теории и истории права и государства, доктор политических наук, профессор. Область научных интересов: проблемы теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений. Контактная информация для переписки: 16-18, 7-я линия Васильевского острова, Санкт-Петербург, 199034.

Tatyana Polyakova, North-West Academy of State Service, Professor of the Department of Theory of Law and State, Doctor of Policy, Professor. Sphere of scientific interests is problems of theory and history of state and law, history of political and law studies. Contact information for correspondence: 16-18, 7th Line of Vasilyevskiy Island, St. Petersburg, 199034.

e-mail: kafteori@szags.ru

Харьковский Станислав Геннадьевич, 301-я военная прокуратура гарнизона, военный прокурор. Область научных интересов: проблемы доказательственного права. Контактная информация для переписки: 34, ул. Калинина, Санкт-Петербург, 198099.

Stanislav Kharkovskiy, 301st Military Office of Public Prosecutor of garrison, the Military Public Prosecutor. Sphere of scientific interests: problems of law of evidence. The contact information for correspondence: 34, Kalinina str., St.-Petersburg, 198099.

e-mail: stassiss2@yandex.ru

Чибинёв Вячеслав Михайлович, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, декан факультета права и экономической безопасности, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор. Область научных интересов: проблемы истории государства и права, административного, финансового, налогового и информационного права. Контактная информация для переписки: 6/8-А, ул. 7-я Красноармейская, Санкт-Петербург, 198005.

Vyacheslav Chibinev, St. Petersburg State University of Engineering and Economic, Dean of the Faculty of Law and Economic Security, Doctor of Law, Candidate of Economics. Sphere of scientific interests is history of state and law, administrative, financial, fiscal and information law. Contact information for correspondence: 6/8-A, 7-ya Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 198005. e-mail: ssssss.050173@mail.ru

Информация для авторов

Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр (МНИОЦ) (г. Санкт-Петербург) продолжает прием статей для публикации в научных журналах «Мир экономики и права» и «Мир юридической науки». Оба журнала в соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 19 февраля 2010 г. № 6/6 включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журналы в основном предназначены для публикации статей соискателей ученых степеней и ученых званий. В журнале «Мир экономики и права» (главный редактор, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор В.М. Чибинёв), помимо статей по экономической тематике, публикуются статьи по юридическим научным специальностям: 12.00.03 - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.05. – Трудовое право; право социального обеспечения; природоресурсное право; аграрное право; экологическое право; 12.00.14 - Административное право; финансовое право; информационное право. 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс. Статьи по всем остальным юридическим научным специальностям публикуются в журнале «Мир юридической науки» (главный редактор, доктор юридических наук, профессор Э.П. Григонис).

Стоимость публикации и услуг редакции по подготовке статьи к публикации (рецензирование, научное редактирование, перевод на английский язык названия статьи, аннотации и ключевых слов) составляет 10000 руб. Аспиранты (адъюнкты) оплачивают только услуги по подготовке статьи к публикации – 7000 руб. Предварительно всеми авторами оплачивается рецензирование статьи – 3000 руб. Полностью оплата осуществляется после принятия решения о публикации по квитанции, высылаемый редакцией, через Сберегательный банк. Возможна оплата статьи автора юридическим лицом, а также оплата по частям за каждую услугу и публикацию в отдельности.

Периодичность выпуска журналов – ежемесячно.

Общие требования к оформлению статей: шрифт 12 Times New Roman; междустрочный интервал – одинарный; выравнивание по ширине; автоматическая расстановка переносов. Номера сносок вместе с номерами страниц в тексте проставляются в квадратных скобках. Сами сноски приводятся в конце статьи в виде списка литературы, составленного в алфавитном порядке, с указанием издательства и общего количества страниц или страниц в журнале

В статье обязательно должен содержаться вывод или выводы автора по статье.

К статье прилагается аннотация на русском языке, объемом в один абзац, состоящая из трех-четырёх предложений (например: В статье рассмотрены вопросы.... Особое внимание обращено на... Автор приходит к выводу....), а также несколько ключевых слов.

В конце статьи или в отдельном файле указываются фамилия, имя, отчество (полностью) автора, его место работы, должность или место учебы с адресом, включая почтовый индекс, учёная степень и учёное звание (если имеются), контактный телефон, личный e-mail. Имя и фамилия указывается также на английском языке (как в заграничном паспорте при его наличии). Более подробно с правилами публикации можно ознакомиться на сайте www.ispecspb.ru.

Статьи присылать по электронной почте: ispec@mail.ru. Справки по телефону: +7 921 938 89 96 (Григонис Эугениус Пранович).

С уважением, Генеральный директор ООО «МНИОЦ»,
доктор юридических наук, профессор Э.П. Григонис

